

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

ВЕСТНИК

Московского института лингвистики

№ 1 / 2011

Учредитель: НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»
Регистрационный номер: ПИ № ФС 77-37854

Редакционный совет

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор.
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Гриценко Е.С., доктор филологических наук, профессор.
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор.
Егоров М.А., доктор филологических наук, профессор.
Караулов Ю.Н., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.
Красных В.В., доктор филологических наук, профессор.
Поляков Ф.Б., доктор филологических наук, профессор, Венский университет, Австрия.
Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор.
Слышкин Г.Г., доктор филологических наук, профессор.
Тарасов Е.Ф., доктор филологических наук, профессор.
Тер-Минасова С.Г., доктор филологических наук, профессор.
Уфимцева Н.В., доктор филологических наук, профессор.
Шоре Элизабет, доктор филологических наук, профессор, университет Фрайбурга, ФРГ.

Редакционная коллегия

Терентий Л.М. – ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», кандидат политических наук, *главный редактор*.
Багрова А.Я., кандидат педагогических наук, доцент.
Бгатов А.П., кандидат исторических наук, доцент.
Дмитрюк С.В., кандидат филологических наук, *выпускающий редактор*.
Кирилина А.В., доктор филологических наук, профессор, *заместитель главного редактора*.
Кирсберг И.В., доктор философских наук, профессор.
Климачев В.В., кандидат экономических наук, доцент.
Раскина Е.Ю., доктор филологических наук, профессор.
Рыжук Н.С., кандидат филологических наук, доцент.
Сазанов А.В., доктор исторических наук, профессор.
Усачев Е.В., проректор по внешним связям МИЛ.
Хаимова В.М., кандидат филологических наук, доцент.
Шишканов И.В., кандидат филологических наук, доцент.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

Адрес редакции: Москва, ул. Новомосковская, д.15а

e-mail: vm@inyaz-mil.ru

ISBN 978-5-904360-05-4

9 785904 360054

Москва 2011

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2011

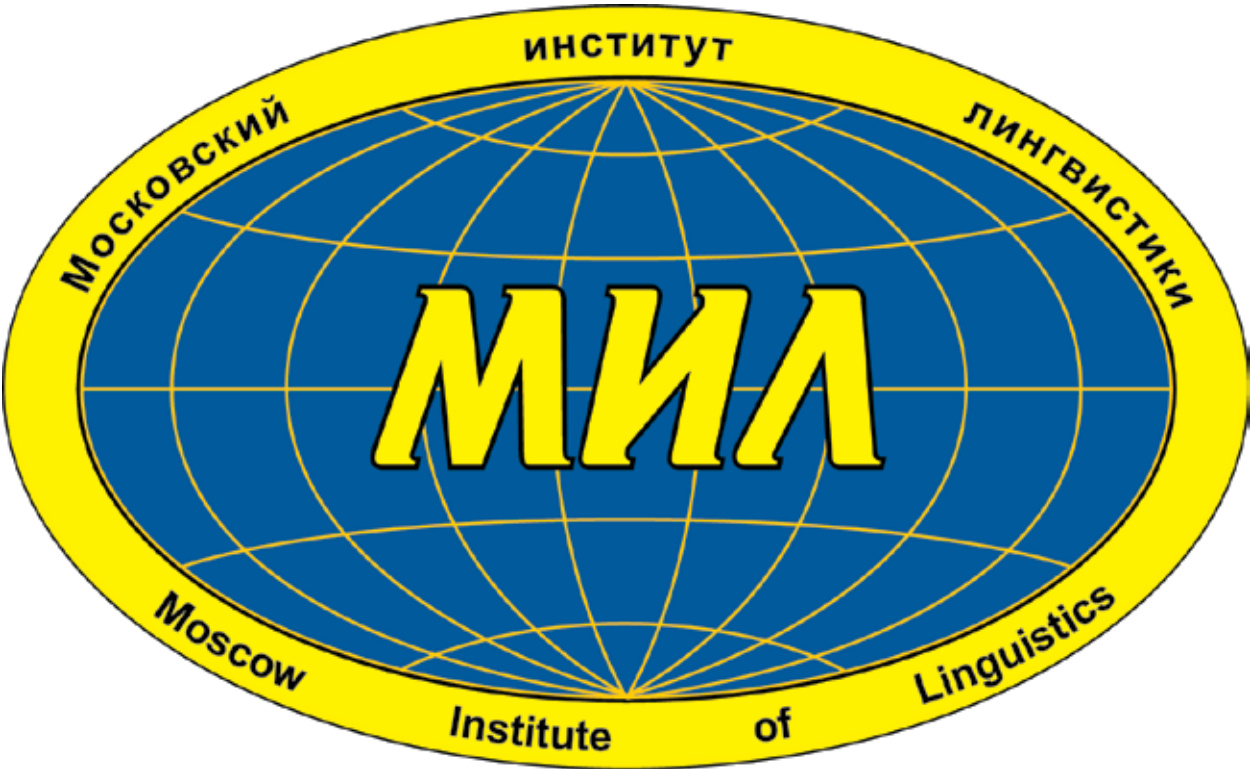
ISBN 978-5-904360-05-4

Подписано в печать 21.03.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0210. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия», г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126

тел. (4842) 77-00-75

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.П. Ветров. Textoобразующие функции китайских фразеологических единиц (на основе анализа экспериментального и текстового материала).....	8
А.В. Кирилина. Некоторые новые черты научной коммуникации, обусловленные интернетом.....	24
Хельга Коттхофф. Подшучивание над собой. О многоаспектной работе женщин над своим имиджем в коммуникации.....	30
Ю.А. Курилович. Языковая специфика способов выражения просьбы в русской и английской деловой корреспонденции.....	50
Н.В. Дмитриук, К. Медведева. Этническая идентичность и проблемы толерантности в этнолингвистическом аспекте.....	64
Т.А. Полякова. Ассоциативный эксперимент как один из способов анализа цветообозначений (на материале французского языка).....	68
Е.Ю. Раскина. Поэтическое творчество Н.С. Гумилева в контексте межкультурной коммуникации	74
В.Д. Нарожная, Л. Садыкова. Греко-латинские заимствования в русском языке.....	82
Л.М. Терентий. Национально-культурная модель мироустройства как имплицитная составляющая дипломатической коммуникации.....	88
Н.В. Дмитриук, С. Юсупова. Система ценностных ориентиров казахстанского социума: постановка проблемы	102
В.М. Хаимова. В. Маяковский и М. Цветаева: к типологии лирического героя (на материале поэмы Маяковского «Про это» и «Поэмы Горы» Цветаевой).....	108

ТУРИЗМ: НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.П. Бозин. К вопросу сертификации персонала в СКС и туризме.....	114
В.П. Бозин. Оценка эффективности инвестиционных проектов в гостиничном бизнесе.....	120
А.В. Сазанов. Крещение князя Владимира в Корсуни: текст и археология.....	128

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

В.П. Бозин, В.К. Бомбин. К вопросу оценки рынка недвижимости объектов, связанных с олимпиадой в г. Сочи в 2014 г.....	150
В.В. Климачев. Современные подходы к классификации международных финансовых центров.....	158

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Е.Г. Свинчукова. <i>Жабин Д.В.</i> Признаки речи в ситуации стресса: монография. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 158 с.....	168
---	-----

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

И.В. Шишканов. Конференция «Полифония большого города».....	170
И.В. Шишканов. Пятая Международная научно-практическая конференция «Общество–Язык–Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке».....	174

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	180
---------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ.....	181
------------------------	-----

CONTENT

LINGUISTIC RESEARCHES

P.P. Vetrov. Text Composing Function of Chinese Phraseological Units (Based on the Analysis of Experimental and Textual Material).....	8
A.V. Kirilina. Some New Features of Scientific Communication Determined by the Internet.....	24
Helga Kotthoff. Making Fun of Oneself. The Multiple Work Women Do to Construct Their Image in Communication	30
Yu.A. Kurilovich. Language-Specific Ways of Expressing a Request in Russian and English Business Correspondence	50
N.V. Dmitryuk, K. Medvedeva. Ethnic Identity and the Problems of Tolerance in Terms of Ethnolinguistics	64
T.A. Polyakova. Association Experiment as a Way of Color Terms Analysis (in French).....	68
E.Yu. Raskina. Poetic Creativity of N.S. Gumilev in a Context of Intercultural Communications.....	74
V.D. Narozhnaya, L. Sadykova. Words Borrowed from Greek and Latin in the Russian Language.....	82
L.M. Terentii. National-Cultural Model of World Arrangement as an Implicit Component of Diplomatic Communication.....	88
N.V. Dmitryuk, S. Yusupova. The System of Values of the Society in Kazakhstan: Problem Definition	102
V.M. Khaimova. V. Mayakovsky and M. Tsvetaeva: to Personas' Typology (the Basic is Mayakovsky's Poem «About it» and Tsvetaeva's « Mountain Poem»).....	108

TOURISM: SCIENTIFIC SPACE

V.P. Bozin. On Certification of Personnel in the SCS and Tourism.....	114
V.P. Bozin. Estimation of Efficiency of Investment Projects in Hotel Business.....	120
A.V. Sazanov. Baptism of Prince Vladimir in Korsun': the Text and Archeology.....	128

MANAGEMENT: SCIENTIFIC ANALYSIS

V.P. Bozin, V.K. Bombin. On Assessment of Real Estate Facilities Related to the Olympics Games in Sochi in 2014.....	150
V.V. Klimachev. Modern Approaches to Classification of International Financial Centres.....	158

BOOK REVIEWS

E.G. Svinchukova. <i>Zhabin D.V. Peculiarities of Speech in Stressful Situations / Monograph – Voronezh. Publishing House of Voronezh State University, 2008. – 158p.</i>	168
--	-----

SCIENTIFIC INFORMATION

I.V. Shishkanov. Conference «Polyphony of a Big City».....	170
I.V. Shishkanov. Conference «Society – Language – Culture: Actual Problems of Interaction in the XXI century».....	174

NOTES ON CONTRIBUTORS	180
------------------------------------	-----

INFORMATION	181
--------------------------	-----

Уважаемые читатели!

Московский институт лингвистики рад представить вашему вниманию первый номер Вестника МИЛ, выходящего в свет в 2011 году.

Новый журнал предполагает научное осмысление проблематики ряда исследовательских областей, соответствующих основным направлениям подготовки нашего вуза:

- филологической: лингвистики, теории коммуникации, теории перевода, межкультурной коммуникации; лингводидактики, литературоведения;
- туристической;
- международного менеджмента.

Современный – постнеклассический – этап развития научного знания предполагает тесное сотрудничество ученых различных направлений и их совместную деятельность по изучению сложных саморазвивающихся систем, в первую очередь – человека и общества. Эпоха глобализации также готовит науке новые вызовы и делает необходимым изучение, с одной стороны, глобального и локального, с другой – контингентных сдвигов. Наконец, развитие новых технологий ведет к виртуализации общества, которая также требует научного осмысления. Все эти чрезвычайно важные вопросы найдут отражение в трудах, публикуемых на страницах журнала.

Редколлегия планирует публиковать научные материалы, посвященные актуальным вопросам современной науки, дискуссии, обзоры и рецензии, переводы трудов зарубежных ученых, информацию о важных событиях научной жизни.

Мы приглашаем к сотрудничеству исследователей, докторантов и аспирантов и надеемся на плодотворную совместную работу.

В добрый путь!

Ректор НОУ ВПО «Московский институт лингвистики»

Л.М. Терентий

Уважаемые коллеги!

Поздравляю Московский институт лингвистики с новым шагом вперед – учреждением и выпуском первого номера собственного журнала – Вестника МИЛ.

Желаю новому изданию стать заметным событием в жизни отечественной гуманитарной науки и признанной научной трибуной.

Член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук, профессор,
директор Института языкознания РАН

В.А. Виноградов

П.П. Ветров

УДК 802.0

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ ФУНКЦИИ КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО И ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА)

В статье рассматривается текстообразующая функция фразеологизма. На основе анализа результатов лабораторных экспериментов, проведенных на материале текстов и их фрагментов с информантами-носителями китайского языка. Автор также приводит анализ публицистического текста, основанного на фразеологической циркуляции, под которой понимается систематическое включение в текст фразеологизмов одной тематической группы, что обеспечивает организацию эмотивно-модальной перспективы текстового пространства.

Ключевые слова: фразеологизм, китайский язык, эксперимент, текст.

P.P. Vetrov

TEXT-FUNCTION CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS (BASED ON ANALYSIS OF THE PILOT AND TEXTUAL MATERIAL)

The article circles around the text making function of a phraseological unit based on the analyses of the results of laboratory experiments carried out on text material and their fragments with Chinese native-speaking informants. The author also makes the analysis of journalistic text based on phraseological circulation that is understood as a systematic inclusion of phraseological units of one theme group into a text that provides the organization of emotional modal perspective of text space.

Key words: a phraseological unit, the Chinese language, an experiment, text.

Настоящая статья имеет своей основной целью рассмотреть одну из главных функций фразеологизма – текстобразующую, для чего именно с этой точки зрения в сжатом виде будет приведен анализ результатов двух серий лабораторных экспериментов, проведенных на материале направленно отобранных текстов и их фрагментов с информантами-носителями китайского языка двух возрастных групп (18-26 лет, 30 лет и старше), а также будет дан анализ образца публицистического текста, основанного на фразеологической циркуляции, под которой понимается систематическое включение в текст фразеологизмов одной тематической группы, что обеспечивает организацию эмотивно-модальной перспективы текстового пространства.

В общей сложности в экспериментах приняло участие 60 информантов. **Эксперимент 1-й серии** ('close procedure' или 'close tests') был основан на визуальной опоре и проходил в два этапа:

1-й этап (на материале отдельных предложений разговорного характера).

2-й этап (на материале текстов публицистического и разговорного стилей).

Методом направленного отбора была сформирована серия небольших письменных текстов и фрагментов таких текстов. По объему каждый фрагмент представлял собой одно или несколько сверхфразовых единств (от одного до четырех абзацев различной величины), то есть был как минимум относительно законченным в смысловом отношении. Все исследуемые фразеологические единицы удалялись из текста таким образом, чтобы на их месте образовались лакуны, причем ввиду того, что данные деформированные тексты подразумевают визуальное восприятие, фактор малейшего косвенного намека на ожидаемую реакцию был сведен к минимуму за счет того, что мы отказались ограничивать каким-либо образом испытуемых в выборе той или иной единицы при заполнении лакуны. Если в тексте одновременно встречалось несколько фразеологиче-

ских единиц, то соответствующие им пробы (прочерки) в каждом опросном листе совпадали между собой по длине и на одну треть или наполовину превышали длину, необходимую для умещения в ней символов (букв или иероглифов) опущенного первоначального фразеологизма. Тем самым мы завуалировано провоцировали испытуемого возможностью отреагировать значительно более распространенной единицей, в отличие от той, которая была первоначально в действительности.

Таким образом, единственной опорой испытуемого при заполнении деформированного текста будет сам этот текст и ничего более. Мы вынуждали испытуемого компенсировать возникший в тексте дисбаланс.

Эксперимент 2-й серии основан на авторской методике приоритетного шкалирования, которая имеет своей целью выяснение мотивов (причин) предпочтений носителей языка в отношении употребления фразеологизма в той или иной заданной ситуации. Иначе говоря, данная методика, так же как и первая описанная, призвана помочь исследователю фразеологии приблизиться к ответу на вопрос, почему воспроизводится в речи та или иная идиома, или, выражаясь шире, какие факторы влияют на возникновение в речи фразеологизма.

В нашем случае данная методика явилась логическим продолжением эксперимента первого этапа по методике заполнения деформированного текста, в результате которого от разных испытуемых в некоторых текстах были получены разные по характеру ответы-реакции, которые, однако, нисколько не нарушали, и порой даже не искажали общего смысла фрагмента текста, а напротив, очень органично в него вписывались. Обобщенно все полученные ответы можно разбить на три группы: а) точные или относительно точные попадания – собственно фразеологизмы, б) непопадания в виде слов, употребленных в переносном смысле, но фразеологизмами не являющимися, в) непопадания в виде эмоционально-нейтральных слов или перифрастических оборотов. Та-

кого рода ответы и являются исходным материалом для предлагаемой методики, процедура применения которой заключается в следующем: испытуемым предъявляют анкетный лист, где представлен лакунарный текст (с опущенными фразеологизмами) и три-четыре возможных естественных (т.е. отобранных на материале наиболее часто встречаемых ответов самих носителей языка) варианта заполнения лакуны. Среди вариантов могут оказаться не только фразеологизм и не-фразеологизм, но и одновременно несколько фразеологизмов, являющихся по отношению друг к другу вариантами либо синонимами, а также фразеологизмы с абсолютно разными значениями.

Задача испытуемого пронумеровать предложенные ему варианты реакций (которые даются ниже предъявляемого текста) согласно своему предпочтению; так, самый приоритетный вариант обозначается цифрой «1», следующий – цифрой «2» и т.д. В случае если в тексте более одной лакуны, каждой из лакун также присваивается свой порядковый номер, и в соответствии с этим номером предлагаются соответствующие варианты реакций.

Рабочие гипотезы, предварявшие выполнение эксперимента и нашедшие свое подтверждение¹ по итогам экспериментальных данных:

1. Включенный в речь фразеологизм, как правило, находится в достаточно жесткой системной лексико-грамматической взаимосвязи со своим прилегающим контекстом, выполняя роль строительного материала предложения, а следовательно, и текста.

2. Фразеологизм в китайском языке является неотъемлемой составляющей эмотивно-связанного текста.

Если же в данном определенном тексте (размером от одного до нескольких абзацев) возможно обойтись без фразеологизма, то

есть естественным образом и без искажения смысла заменить его на некое нейтральное слово или оборот, то этот текст не несет в себе скрытого эмоционального заряда, который в случае эмотивно-связанного текста формируется на всем его пространстве на всех языковых уровнях. Именно этот заряд неминуемо выталкивает на текстовую поверхность фразеологизмы, которые обнажают речевые эмоции.

3. Употребление или неупотребление определенной группы фразеологизмов находится в зависимости от принадлежности носителя языка к тому или иному региолекту.

Все примеры на китайском языке, представленные в статье, были подтверждены информантами из числа обеих возрастных групп, то есть на первом этапе информанты полностью или в эллиптированной форме восстановили первоначально опущенную единицу, либо дали свою семантически сходную с первоначальной образную единицу; на втором этапе – присвоили первоначальному фразеологизму одну из первых позиций по приоритетной шкале. В особых случаях, когда это принципиально необходимо, рядом с примерами, предоставленными информантами, приводится их возраст.

Как показали экспериментальные данные, своим появлением в речи фразеологические единицы обязаны следующим факторам:

1. Прагматический фактор

1.1. Прагматическое значение того или иного высказывания в речи. Имеется в виду содержащаяся в нем информация:

– об отношении говорящего к адресату (чаще одушевленному), которое особенно часто выражается через оценочную оппозицию ‘одобряемое – неодобряемое’, причем высказывания, негативно ориентированные к своему референту, гораздо чаще включают в свой состав фразеологизмы, чем позитивно ориентированные высказывания, отсюда

---

¹ Под подтверждением экспериментальной гипотезы мы подразумеваем такую совокупность данных, полученных от информантов, которая позволяет выявить те или иные преобладающие тенденции в поведении фразеологизма в речи.

количественное преобладание в языке негативно окрашенных фразеологизмов;

– об отношениях между говорящим и адресатом (степень близости между ними);

– обстановка общения (официальная/неофициальная).

1.2. Инициативная установка говорящего на косвенное выражение своей мысли, то есть на намек в форме иносказания (часто гиперболического характера). Часто в таких случаях мы как наблюдатели абсолютно не имеем возможности прогнозировать появление фразеологической единицы в высказывании, так как интенция говорящего никак не проявляется на уровне лексики и грамматики той части предложения, которая предваряет появление идиомы. Именно в такого рода предложениях в ходе эксперимента испытуемые в одном случае воспроизводили ФЕ, а в другом случае – заменяли ее нейтральным словом либо словосочетанием, не находя нужным акцентировать значение опущенного образного компонента.

1.3. Различные тенденции в отношении прагматики самого фразеологизма, т.е. у разных групп информантов в ряде случаев при апелляции к идиоме возникают различные семантические ассоциации.

1.4. Кроме того, в рамках общего прагматического подхода к анализу факторов воспроизводства идиом в речи следует особо выделить стилистический аспект, хотя, как показали данные эксперимента, функциональный стиль текста не всегда влияет на употребление того или иного фразеологизма, точнее говоря, в китайском языке существует довольно обширная группа межстилевых фразеологизмов.

1.5. Стилистическое значение высказывания, в зависимости от которого возможна актуализация говорящим таких стилистических приемов, как ирония и юмор.

2. Социально-психологический фактор

Эксперимент и метаязыковые комментарии испытуемых убедительно доказывают положение о том, что носитель опирается на чувство правильности речи, которое формируется социально, то есть на первом месте при порождении речи, содержащей фразеологизмы, говорящий в подавляющем большинстве случаев руководствуется подражательной тактикой.

3. Лексико-семантический фактор

В ряде примеров, содержащих фразеологизмы (из числа подтвержденных информантами примеров), обнаруживаются потенциальные правонаправленные лексические или лексико-грамматические указатели, сигнализирующие о высокой вероятности появления в правом контексте фразеологической единицы, например: *chéngwéi* ‘превратиться в кого- что-либо’, *dāng* ‘стать [кем- чем-либо]’, *jiǎnzhí* ‘прямо-таки’, *zhēnshì* ‘действительно’, *shízaì shì* ‘в самом деле’ и т.д. Последние три из перечисленных указателей являются стандартными интенсификаторами², достаточно регулярно сопровождающими появление фразеологизмов в речи. Рассмотрим примеры предложений, где испытуемые часто воспроизводили ожидаемый фразеологизм, как мы увидели, благодаря перечисленным выше лексическим указателям в сочетании с их взаимосвязью с общим контекстом. Например:

1. *Zhègè suǒwèide “xiéhuì”, shénme rénwù dōu shōuluójìnqu, jiǎnzhí shì dàzáhuì!*

dàzáhuì неодобрительно о разношерстном коллективе людей, ср. в русск. ‘мешанина’ (дословно ‘сборная солянка’, блюдо, представляющее собой смесь ингредиентов (мяса, овощей и т. д.), приготовленное способом тушения с добавкой подливки).

Эта так называемая «ассоциация», куда

² Термин «интенсификатор» позаимствован нами у А.В. Кунина, но, в отличие от его понимания, мы под «интенсификатором» в китайской фразеологии подразумеваем словонаречия, которые призваны эмоционально усилить, «оттенить» значение предваряемого ими фразеологизма.

привлекаются все подряд без разбору, ну прямо-таки мешанина [какая-то]! (Дословно: Эта так называемая «ассоциация», куда привлекаются все подряд без разбору, ну прямо-таки сборная солянка [какая-то]!)

2. *Tāde chē zhuàngle wǒ, hái mà wǒ bù hǎohǎo zǒulù, wǒ jiǎnzhí qìzhálefèi.*

qìzhálefèi о чьем-либо сильном возмущении (дословно ‘воздухом разорвало легкие’).

Он ударил меня своим автомобилем, да еще и ругается, что я хожу невнимательно, я прямо-таки чуть не лопнул от злости. (Дословно: Он ударил меня своим автомобилем, да еще и ругается, что я хожу невнимательно, мои легкие прямо-таки воздухом разорвало.)

3. *Shíjǐngqū kāibànle Běijīng dì yī jiā dǎgōngzǐdì xuéxiào, zhāoshōule 126 míng xīnshēng, dàn zhè duì 8 wàn duō míng dǎgōngzǐdì láishuǒ, shízài shì bēishuǐchēxīn.*

bēishuǐchēxīn о крайне неэффективных мерах, которые в принципе не могут содействовать разрешению какой-либо проблемы (дословно ‘чашка воды на загоревшийся воз дров’).

В районе Шицзинцюй открылась первая Пекинская школа для временно работающих подростков, было набрано 126 учащихся, но это, для более чем восьмидесяти тысяч детей, все равно, что капля в море. (Дословно: В районе Шицзинцюй открылась первая Пекинская школа для работающих подростков, было набрано 126 учащихся, но это, для более чем восьмидесяти тысяч детей, в самом деле, чашка воды на загоревшийся воз дров.)

Как показывают наблюдения за поведением фразеологизма в речи, его появление в большинстве случаев абсолютно неслучайно, причина этого систематического возникновения подтверждается многочисленными реакциями испытуемых. В чем же заключается причина, по которой целый ряд фразеологизмов так часто актуализировался информантами?

Речевое поведение всех идиоматических по характеру фразеологизмов с точки зрения их линейного отношения к ближайшей окружающей среде в предложении характеризуется

двойко: одни и те же фразеологизмы в одном случае – ориентированы вовне, т.е. ориентированы на построение дополняющих, уточняющих отношений с прилегающими компонентами предложения, а в другом случае являются замкнутыми, обращенными на себя, т.е. внешне (эксплицитно) никак не связаны со своим внешним окружением в предложении отношениями пояснения.

Воспроизводимость фразеологизма в экспериментальных условиях (в случаях примеров, аналогичных примерам №№ 1,3) обусловлена его включенностью в анафорические отношения с линейно предшествующей частью предложения, смысл которой этот фразеологизм в себе аккумулирует. Так, в примере № 1 первая часть высказывания ‘*Zhègè suǒwèide “xiéhuì”, shénme rénwù dōu shōuluójìnqu* (Эта так называемая «ассоциация», куда привлекаются все подряд без разбору)’ является антецедентом по отношению к последующей части предложения ‘*jiǎnzhí shì dàzáhuì* (прямо-таки сборная солянка [какая-то])’.

Будучи нацеленным на пояснение и ёмкое обобщение некой ситуации, фразеологизм не обязательно следует за тем элементом предложения, который поясняет, но может и предварять его, своеобразно организуя тем самым работу катафорического механизма (см. примеры №№ 4–6). Это также связано с тем, что позиция фразеологизма в предложении чрезвычайно часто характеризуется как рематическая, например:

4. *Gēgē bù gěi wǒ gǔjìn, hái gěi wǒ pōlěngshuǐ, shuō wǒ yóuyǒng lǎo hē shuǐ, dāngbuliǎo yùndòngyuán.*

pōlěngshuǐ ‘отбивать желание, охоту к чему-либо’ (дословно ‘окатывать холодной водой’).

Мой брат не только меня не подбадривает, а наоборот – весь энтузиазм отбивает, [он] говорит, что, когда я плаваю, я все время глотаю воду, [и] что мне [никогда] не стать спортсменкой. (Дословно: Мой брат не только меня не подбадривает, а еще и окатывает холодной водой, [он] говорит, что, когда я плаваю, я все время глотаю воду, [и что] мне

никогда не стать спортсменкой).

В данном примере компоненты предложения *'pōlěngshuǐ'* ('окачивает холодной водой') и *'shuǐ wǒ yóuyǒng lǎo hē shuǐ, dāngbuliǎo yùndòngyuán'* ('говорит, что когда я плаваю, я все время глотаю воду, [и] что мне [никогда] не стать спортсменкой') обозначают одну и ту же внеязыковую ситуацию, находясь друг с другом в кореферентных отношениях, выражающих значение «неопределенность – определенность».

5. *Qùnián Shèngdàn Jié, wǒ zìjǐ tāoyāobāo, qīng gōngsī quántí zhígōng dào fāndiàn chī le yī dùn fàn, zuòwéi píngrì tāmen rèqing dài wóde yī diǎndiǎnhuǐbào.*

tāoyāobāo 'выложить/заплатить из собственного кармана, раскошелиться' (дословно 'вытаскивать кошелек').

В прошлом году на Рождество я лично вытаскивал [свой] кошелек, пригласил весь коллектив фирмы в ресторан на обед, скромно поблагодарив таким образом коллег, которые так хорошо относились ко мне в течение всего времени нашей совместной работы.

6. *Wáng lǎoshī shì wǒmen zhèrde yī bù huózidiǎn, méiyǒu tā bù rènshide zì, méiyǒu tā bù dǒngde dōngxī, nǐ yǒu shénme wèntí jǐnguǎn wèn.*

huózidiǎn 'высокообразованный человек, обладающий широким кругозором' (дословно 'живой иероглифический словарь'), *yī bù* – сочетание числительного «один» с классификатором.

Учитель Ван – наш здешний живой иероглифический словарь, нет таких иероглифов, которых бы он не знал, нет таких вещей, в которых бы он не разбирался, если у тебя есть какие-нибудь вопросы, то спрашивай, не стесняйся.

Таким образом, функция фразеологизма с точки зрения его включенности в анафорические либо катафорические отношения заключается в том, чтобы вводить в предложение эмотивно-поясняющее отсылочное сравнение. Пояснение понимается как конкретизация/детализация/сужение, как эмоционально-связанное оценочное уточнение степени проявления признака, семан-

тический «заряд» такого фразеологизма направлен вовне, т.е. за пределы собственных границ к прилегающим частям предложения.

Иногда функция фразеологизма в речи характеризуется только как выделительная, не связанная с усиленным выражением эмоций, фразеологизм становится в этом случае эмотивно-потускневшим и служит средством усиленного обозначения действия, признака (его крайнего проявления) или ситуации. В таких случаях без ущерба для смысла предложения можно подобрать синоним, не являющийся фразеологизмом. Инициатор высказывания при этом преследует цель побудить реципиента выделить в потоке речи отмеченную фразеологизмом часть предложения, и, следовательно, сделать ее более интенсивной, более «рельефной» для восприятия, а значит и более коммуникативно-значимой. Отсюда можно точнее обозначить функцию таких фразеологизмов – они предназначены для того, чтобы сфокусировать внимание реципиента на важном, с точки зрения говорящего, отрезке предложения. Здесь отсутствует явно выраженный субъективный оценочный компонент. В качестве иллюстрации подобных фразеологизмов приведем сначала примеры из русского языка: закинуть удочку, кусать себе локти, куда глаза глядят, платить той же монетой, питаться воздухом, заключительный аккорд и т.д. Пример, подтвержденный информантами:

7.1. *Bié kǎolǔ nàme duōle, lái gè kuàidāozhǎnlànmá, xiān dài kuǎn mǎi fángzi, zài zhǎo gè héshìde rìzi jiéhūn, jiù zhème dìngle!*

kuàidāozhǎnlànmá 'предпринять решительные меры в сложной и запутанной ситуации' (дословно 'острый нож рассекает спутанные волокна конопли').

Да не бери в голову так много [всего], будь решительней, для начала возьми кредит в банке и купи квартиру, а затем определи подходящее для свадьбы время, так и по-решим! (Дословно: Да не бери в голову так много [всего], давай + острый нож рассекает спутанные волокна конопли, ...).

Примеры нейтрализации фразеологизма,

полученные от нескольких информантов в ходе выполнения эксперимента 1-го этапа:

7.2. *Bié kǎolù nàme duōle, lái gè gāncuìde, xiān dàikuǎn mǎi fángzi, zài zhǎo gè héshìde rìzi jiéhūn, jiù zhème dìngle!*

gāncuì(de) ‘без промедления’.

Да не бери в голову так много [всего], не затягивай, ... !

7.3. *Bié kǎolù nàme duōle, lái gè jiějué bànfǎ ba, xiān dàikuǎn mǎi fángzi, zài zhǎo gè héshìde rìzi jiéhūn, jiù zhème dìngle!*

jiějué bànfǎ ba ‘способ/вариант решения’, *ba* – побудительная частица.

Да не бери в голову так много [всего], решай же [эту] проблему, ... ! (Дословно: Да не бери в голову так много [всего], давай же + вариант решения [проблемы] ... !).

В ходе эксперимента была отмечена еще одна тенденция в употреблении фразеологизмов: включение говорящим в состав сложносочиненного или сложноподчиненного предложения, а также в состав сверхфразового единства фразеологической единицы очень часто влечет за собой появление еще одного фразеологизма или даже нескольких фразеологизмов, что может свидетельствовать о том, что фразеологизм представляется говорящему наиболее приоритетным средством выражения мысли, при языковом выражении которой он начинает апеллировать к фразеологическому уровню языка уже не эпизодически, а системно. Рассмотрим примеры №№ 7–9:

8. *Kànlai, zhǔjiàoliàn hé Bāxī wàiyuánmen zhùdìng chéngwéi tìzùyáng, jiāng zài liánsàizhīhòu juǎnpūgài huíjiāle.* (Предложение извлечено из текста, с которым работали испытуемые, в данном предложении были опущены оба фразеологизма.)

tìzùyáng ‘козел отпущения’;

juǎnpūgài ‘быть уволенным [с работы] либо исключенным откуда-либо’ (дословно ‘свернуть постель [в рулон]’).

Как видно, главный тренер команды и бразильские игроки-легионеры обречены стать козлами отпущения, по окончании серии матчей они будут исключены из команды и разъедутся по домам. (Дословно: Как

видно, главный тренер команды и бразильские игроки-легионеры обречены стать козлами отпущения, по окончании серии матчей [они] свернут постель в рулон и разъедутся по домам).

9. *Rújīn zhè gè niándài, xǔduō rén gàn gōngzuò dōu yào kàn lǎobānde liǎnsè, yào huì chǔlǐ rénjì guānxì, fǒuzé kěnéng bèi “chuānxiǎoxié”, shènzhì bèi lǎobān chǎoyóuyú.*

kàn liǎnsè ‘подстраиваться в своих действиях под того человека, в зависимости от которого находишься’ (дословно ‘смотреть на цвет лица’);

chuān xiǎoxié ‘чинить препятствия, вредить кому-либо, пользуясь своей властью, положением’ (дословно ‘одевать кому-либо тесную обувь’);

chǎo yóuyú ‘уволить кого-либо’ (дословно ‘поджарить кальмара’).

В эту эпоху многие на своей работе пляшут под дудку своего начальника, [вообще] надо уметь строить отношения с людьми, в противном случае на тебе будут [постоянно] отыгрываться, ты даже можешь быть [по этой причине] уволен со своей работы. (Дословно: В эту эпоху многие, выполняя свою работу, глядят на цвет/выражение лица своего начальника, [вообще] надо уметь строить отношения с людьми, в противном случае тебя могут обуть в тесные башмаки, ты даже можешь быть начальником + поджарить кальмара [в страдательном залоге].)

9. *Chǎngmiàn yuèshì rènào, tā yuèshì taìguānzi diào¹ dàjiāde wèikǒu¹, děng dàjiāde wèikǒu² bèi diào²de hěn gāole, tā cái hǎnchū yī gè bǐ dàjiā hàoqíxīn gèng gāode jiàqián.* (В ходе эксперимента в двух, отмеченных цифрами «1» и «2» позициях, был опущен второй фразеологизм – ‘diào wèikǒu’).

taìguānzi ‘специально привлекать чье-либо внимание на себя, прекратив говорить или делать что-либо в самый ответственный или напряженный момент’ (дословно ‘делать интригующую паузу [в разговоре], прибегать к ретардации’);

diào wèikǒu ‘вызывать, подогревать интерес к чему-либо’ (дословно ‘возбуждать аппетит’, предельно дословно ‘поднимать/

подвешивать желудок’).

Чем больше нарастало оживление, тем сильнее он подогревал интерес окружающих, и, только дождавшись, когда всем будет уже невтерпех, он выкрикивал цену, масштаб которой намного превышал степень любопытства собравшихся. (Дословно: Чем больше нарастало оживление, тем больше он использовал ретардацию + подвешивал желудки окружающих*, и, только дождавшись, когда желудки окружающих будут подвешены достаточно высоко, он выкрикивал цену, масштаб которой намного превышал степень любопытства собравшихся.)

* подвешивал желудки окружающих, непосредственный порядок следования слов в данном словосочетании: подвешивать {сказ.} + окружающие {опред.} + желудки {прям. доп.}.

В вышеприведенном примере происходит объединение двух синонимичных фразеологических единиц, когда последующий идиоматичный фразеологизм дублирует семантику предшествующего, таким образом, происходит наложение одного фразеологизма на другой, т.е. их контаминация. Возникновение в данном предложении двух позиционно смежных фразеологизмов со сходным значением объясняется не только стремлением первоначального автора текста к усиленной экспрессии, но и грамматическими особенностями обоих фразеологизмов. Так, только второй фразеологизм ‘diào wèikǒu’ не только способен принимать прямое дополнение в условиях беспредложного управления, но и требует этого при наличии дополнения.

В ряде случаев испытуемые предпочитали заполнять пропуски, принадлежащие фразеологизмам, нейтральными единицами (словами, словосочетаниями), значение которых иногда полностью совпадало с ранее опущенным фразеологизмом. В результате заполнения лакуны значение восстановленного элемента каждый раз было актуализировано, но в большинстве случаев не за счет образа, а посредством эмоционально-нейтральных слов с конкретным и единственным значе-

нием. Таким образом, употребление фразеологизма в речи обусловлено, помимо всего прочего, творческой склонностью говорящего выражать свою мысль, которая формируется не только стихийно в ходе овладения языком, начиная с подросткового возраста, но и направленно, когда усвоение и, соответственно, употребление образных единиц обусловлено социально-культурными факторами (имеется в виду образовательный уровень и корпоративный стиль).

Ниже приводим образец текста, фиксирующего устную речь, из экспериментальной анкеты и различные варианты его заполнения, данные информантами, удаленная нами в тексте единица выделена подчеркиванием. Заметим, что абсолютное большинство информантов реагировало образно, то есть вписывались именно фразеологизмы, из чего приходится сделать вывод о неразрывной взаимосвязи текстовой среды и фразеологической единицы, в него включенной, как с точки зрения семантики текста, так и с точки зрения его грамматической организации. Причем, как показала наша практика, к таким результатам не следует относиться с большим предубеждением, утверждая, что воспроизведение информантом фразеологизма объясняется лишь очень удачно подобраным текстом. В ходе экспериментальной проверки на материале более двух десятков разнообразных текстов по общественно-бытовой тематике фразеологизмы воспроизводились почти всегда, вопрос лишь в том, насколько часто, насколько регулярно они воспроизводились. Но сам факт его неминуемого восстановления убеждает нас в правильности наших гипотез, изложенных во вступительной части статьи.

Первоначальный вариант текста:

Jīnniánchūntiān, yīgè péngyǒu gàosu wǒ, shuō tā “zhōngyú tiàochūqùle!”. Tā zài yī jiǎ xiǎoxíng guǎnggào gōngsī zuò huībiāo shèjì túxiàng chūlǐde gōngzuò, shì jīngguò qīnqì jièshào jìnqùde, gāng jìn gōngsīde shíhou duì diànnǎo dōu yīqiàobùtōng, kěyǐ shuō shì zhè jiǎ guǎnggào gōngsī péiyǎngle tā, bànián hòu tā chéngle yèniède jiǎojiǎozhě, jīhū xiànnèide

guǎnggào hángyè rénshì dōu tīngshuōguo tāde míngzi. Lǎobǎn gěi tāde yuèxīn yóu shìyòngqīshíde 300 kuài jiā dào liǎng nián hòude 2000 kuài, dàn tāde bùmǎnzú què yóuláiyǐjiū: “Yǒurén shuō wǒ chībǎng yìnglè jiù yào fēi, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, fǒuzé wǒ bù kěnéng rènqīng lóngzi zhīwài hái yǒu gèng guǎngkuòde tiānkōng. Zìsīdiǎnr shuō, zhègè lóngzi tài xiǎole, guānbuzhù wǒ.”

Этой весной один мой приятель сообщил мне, что он «наконец-то выскочил!». Он работал в одной небольшой организации, где занимался разработкой фирменного стиля, [промышленной] графикой, туда он устроился по рекомендации родственников, на момент начала работы в этой организации он совершенно не умел работать на компьютере, [поэтому] можно сказать, что эта организация вырастила его, спустя полгода он стал классным специалистом в своей области, так что даже почти всем тем специалистам в уезде, которые занимаются этими работами, доводилось слышать его имя. Зарплата размером в триста юаней, назначенная ему директором на период испытательного срока при поступлении на работу, была увеличена до двух тысяч юаней, однако его недовольство [сложившейся ситуацией] – дело давнее: «Некоторые говорят, мои крылья окрепли, [значит], пора отправляться в полет, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], иначе я бы не смог осознать, что за пределами клетки есть еще больший простор. Говоря несколько эгоистично, эта клетка слишком тесна, и она меня не удержит».

Вариант реакции, данный абсолютным большинством опрошенных информантов, совпал с той фразеологической единицей, которая была удалена. Помимо этой реакции несколько раз получена также такая:

а. *“Yǒurén shuō wǒ gāng zhǎngmǎn yǔmáo jiù yào fēi, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, ...”*

‘gāng zhǎngmǎn yǔmáo’ о человеке, который только совсем недавно стал обретать самостоятельность и становиться независимым.

а. «Некоторые говорят, как только я оперюсь, так сразу и отправлюсь в полет, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], ...». (Данная реакция дана 19-летним испытуемым.)

б. *“Yǒurén shuō wǒ zhǎngquánle yǔmáo jiù yào fēi, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, ...”*

б. «Некоторые говорят, как только я оперюсь, так сразу и отправлюсь в полет, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], ...». (*zhǎngquánle yǔmáo* является лексико-грамматическим вариантом предыдущего фразеологизма в примере «а», эта реакция дана испытуемым 43 лет.)

Что касается результатов 2-й серии эксперимента, где испытуемые выбирали из уже данных вариантов реакций наиболее предпочтительный, то в группе из 20 человек 18-26 лет между вариантами ‘chībǎng yìnglè’ и ‘zhǎngmǎn yǔmáo’ 14 испытуемых отдали предпочтение первому варианту, оставшиеся присвоили сразу обоим вариантам № 1, что свидетельствует о частой взаимозаменяемости этих вариантов.

Любопытно заметить, что подобный вид эксперимента иногда позволяет наблюдателю обнаружить те активно употребляющиеся носителями языка фразеологические единицы, которые не занесены даже в самые полные фразеологические словари, издаваемые в стране/странах изучаемого языка. Так, в данном случае полученная реакция в виде словосочетания ‘(gāng) zhǎngmǎn yǔmáo’ ((‘только) опериться’) является фразеологической и, судя по комментариям самих информантов, употребляется ничуть не реже, чем тот вариант, который был опущен.

Как видно из правого контекста, примыкающего к рассматриваемой идиоме, ее образность развертывается и далее, то есть в самом тексте прослеживается авторское намеренное развитие метафоры, на которой строится образность фразеологизма ‘крылья окрепли’. И если подавляющее большинство испытуемых достаточно точно достраивали деформированное предложение (вписывая в пробел первоначальный фразеологизм или, по крайней мере, его лексико-

синтаксический вариант не выходя за рамки «птичьей» метафоры), то это происходило, без сомнения, благодаря наличию метафорических «следов», оставленных опущенным фразеологизмом в тексте. Именно поэтому, на очередном этапе эксперимента нами был опущен тот явный фразеологический «след», который недвусмысленно наталкивал информантов на воспроизведение фразеологизма ‘крылья окрепли’, – ‘в полет’ (fēi), после опущения этого фрагмента были получены следующие любопытные варианты:

с. “*Yǒurén shuō wǒ chīshàngle bǎofàn jù yào rēng niáng le, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, ...*”.

с. «Некоторые говорят, [стоит только] заправиться сытной порцией пищи, как [и] про мамашу забываешь, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], ...». (Данная реакция дана испытуемым 19 лет.)

Поскольку нам не удалось обнаружить приведенную поговорку ни в одном из доступных фразеологических словарей, можно предположить, что данный фразеологизм является региолектным и локализуется, главным образом, в том регионе постоянного проживания информанта, который охватывается данным региолектом – провинция Цзянсу, город Сюйчжоу.

d. “*Yǒurén shuō wǒ chìbǎng yìnglè jù yào liùqīnbùrèn, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, ...*”.

d. «Некоторые говорят, [как только] мои крылья окрепнут, я не стану считаться с теми, кто мне помог встать на ноги, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], ...». (Дословно: «Некото-

рые говорят, [как только] мои крылья окрепнут, я тут же + не буду признавать ни родных, ни близких, я не отрицаю того, что директор подготовил меня [как специалиста], ...»). (Данная реакция дана испытуемым 20 лет.)

По всей видимости, это окказиональное (контекстуальное) употребление чэньюй-фразеологизма³ ‘liùqīnbùrèn’, который в обычной ситуации характеризует бесчувственного, черствого человека, дословно этот фразеологизм переводится ‘не признавать шестерых родственников’, где компонент ‘шесть родственников’ является эквивалентом понятию ‘родня’ в русском языке.

e. “*Yǒurén shuō wǒ guòlehé jù yào chāiqiáo, wǒ bù fǒurèn shì lǎobǎn zàojiùle wǒ, ...*”. (Данная реакция дана испытуемой 22 лет.)

e. «Некоторые говорят, как [только] я переправлюсь через реку, так сразу уничтожу/разрушу мост, ...».

В данном случае (и это далеко не единственный случай) мы столкнулись с дистантной формой употребления классической китайской идиомы (так называемого чэньюй, построенного изначально по нормам вэньняня и представляющего собой застывшее образование, состоящее, как правило, из четырех слогоморфем) – ‘guòlehé chāiqiáo’⁴, что наталкивает нас как наблюдателей на определенные выводы, касающиеся влияния текста, написанного на путунхуа, на фразеологизмы, построенные по нормам вэньняня.

Данная полученная реакция свидетельствует о том, что архаичный фразеологизм, оказавшись в тексте, организованном в соответствии с нормами современного языка, начинает претерпевать структурные изменения: его составные компоненты раз-

³ Чэньюй – один из классов фразеологизмов китайского языка, состоит из односложных слов-слоγοморфем, сохраняя моносиллабичность древнекитайского языка, в то время как современный китайский язык полисиллабичен, основная его единица – бисиллаб.

⁴ Подобные единицы построены по лексическим и грамматическим нормам древнекитайского языка. Дело в том, что в настоящее время китайский язык представляет собой синтез двух подсистем или норм. Одна форма языка – это литературный язык вэньнянь, который некогда (ориентировочно 11-7 вв. до н.э.) отражал нормы живого литературного языка, а затем стал сугубо письменным. Лингвистическая основа вэньняня – древнекитайский язык. «Именно этот язык, видоизменяясь, но оставаясь в своей основе тем же

рываются, глагол(ы) способны получать суффиксальное оформление (на суффикс совершенного вида *le*), что, вероятно, было уже возможным и в период, когда этот фразеологизм только зародился (династия Юань, 13-14 вв.), так как примерно в это же время в среднекитайском языке начинают появляться глагольные суффиксы, однако, окончательно пройдя стадию фразеологизации, данная единица в норме (до недавнего времени) употреблялась всегда как единое неразрывное образование.

Новая норма современного китайского языка уживается со старой, но процесс совмещения языковых норм часто не проходит бесследно для архаичных фразеологизмов, которые деформируются, приспосабливаясь к современной текстовой среде, и, в ряде случаев, только деформировавшись, обретают способность быть полноценным строительным материалом текста, то есть выполнять текстообразующую функцию. Именно это позволяет нам говорить о том, что потенциальные текстообразующие свойства архаичного фразеологизма способны привести к

тому, что в определенной текстовой ситуации этот фразеологизм «пожертвует» своей застывшей формой, чтобы органично влиться в текстовое пространство. О таких фразеологизмах можно сказать, что они подвергаются грамматической «реанимации» под давлением современной нормы китайского языка. Это тот феномен, который В.М. Мокиенко называет «устойчивой неустойчивостью», то есть в нашем случае сохраняется устойчивость общего значения фразеологизма и устойчивость его конструкции при изменении формы ее существования, которую можно обозначить как слитно-раздельную. Поэтому определение устойчивости фразеологизма⁵, данное в свое время В.Н. Телия, применимо и к китайским архаичным фразеологизмам, целый ряд которых обнаруживает в современном китайском языке способность к дистантному употреблению своих составных компонентов.

Примеры, подобные рассмотренному, убедительно подтверждают положение Н.Н. Короткова, высказанное им еще в 1965 году, о сосуществовании элементов старой и но-

---

самым, перешел в первое тысячелетие новой эры, пережил создание нового языка (вторая форма литературного языка – байхуа, созданного на основе среднекитайского разговорного языка 10-12 вв., примеч. авт.), стал к нему в оппозицию и много веков спустя вместе с новым языком послужил основой для создания разных подсистем современного китайского языка» [Солнцев 1999: 159]. «В Китае почти никогда не писали на том языке, на котором говорили» [Софронов 1979: 62]. Отход вэньяня от разговорной речи и развитие байхуа как разговорной формы языка происходило постепенно, в течение веков. До начала 20 века вэньянь оставался приоритетной формой письменного языка, т.е. являлся языком «элитарной литературы» (например, философские эссе), хотя параллельно с ним почти на протяжении тысячелетия существовала иная письменная форма языка – байхуа, которая использовалась в развлекательной литературе (пьесы, драмы, романы), что обеспечивало доступность этих произведений для широких масс, в большинстве своем не способных к полноценному восприятию вэньяня. Впоследствии, в 20 веке, байхуа был переименован в гоюй («национальный язык»), а в 1949 г. – в путунхуа («всеобщий язык»). Сейчас путунхуа, существующий в устной и письменной формах, противопоставлен, с одной стороны, вэньяню, а с другой стороны, многочисленным диалектам. Эти две подсистемы тесно взаимосвязаны друг с другом, что обусловлено устойчивой тенденцией проникновения вэньяня в путунхуа в силу различных причин.

⁵ «Устойчивость – это не абсолютная неизменяемость фразеологизма, а ограничение разнообразия трансформаций, допустимых в соответствии с множественностью регулярных способов выражения одного и того же смысла» [Телия 1990: 559].

вой норм как типологической черты китайского языка, на что также указывает З.И. Баранова в своей диссертационной работе, посвященной рассмотрению чэньюй: «... само существование в современном языке чэньюев – единиц, построенных по лексическим и грамматическим нормам древнекитайского языка, – является ярким подтверждением положения Н.Н. Короткова о сосуществовании элементов старой и новой норм как типологической черты китайского языка» [Баранова 1969: 77].

Здесь, в качестве небольшого отступления от главной темы нашего обзора, следует добавить, что в связи с интенсивным развитием фразеологического фонда современного китайского языка, вышеупомянутая идея Н.Н. Короткова подтверждается не только с точки зрения оппозиции лексической системы современного китайского языка и чэньюй-фразеологизмов, но и с точки зрения оппозиции сугубо на уровне фразеологии. Фразеологические единицы, построенные по лексическим и грамматическим нормам древнекитайского языка, противопоставлены фразеологическим единицам, построенным по лексическим и грамматическим нормам современного языка. В последнее время эти два полюса обычно именуется китайскими лингвистами соответственно как чэньюй и гуаньюньюй.

Причина возникновения так называемых гуаньюньюй (фразеологических единиц, построенных по нормам современного языка) заключается именно в той языковой напряженности (в дисбалансе), который начал складываться на фразеологическом ярусе китайского языка, когда в результате Движения 4 мая «байхуа» сделался языком художественной литературы, который должен был вытеснить архаичный «вэньянь». Но только к середине 50-х годов XX века вэньянь (газетный) был окончательно вытеснен со страниц китайских газет, уступив место «байхуа», который восходил к разговорному языку того времени, и позднее стал называться «путунхуа». Но процесс нормализации китайского языка далеко не сразу

затронул фразеологию, так как на момент преобразований в китайском языке перед обществом и специалистами-языковедами стояли более насущные лингвистические проблемы. Именно поэтому появление и существование фразеологизмов в (новом) современном китайском языке стало фиксироваться только с начала 60-х годов. К 80-90 годам процесс образования фразеологизмов нового класса набрал максимальные обороты, и, в конце концов, уравнивал существовавший ранее дисбаланс между фразеологическими единицами старой и новой норм китайского языка, которые не только не обнаруживают тенденций к вытеснению друг друга, но и спокойно сосуществуют в языке даже в рамках разговорного стиля.

Возвращаясь к основной теме этой статьи, укажем, что под текстобразующим потенциалом фразеологизма понимается его способность быть связующим, конструктивным элементом семантического пространства и формальной организации текста. Иначе говоря, текстобразующие потенции фразеологизма следует квалифицировать как степень воздействия семантической структуры фразеологизма на семантический объем текста.

Ниже мы даем описание роли фразеологизмов в текстах газетно-публицистического стиля, то есть объектом нашего рассмотрения является текст публицистического стиля, построенный на тропеической (метафорической) основе. Материалом для исследования этого вопроса послужила направленно отобранная серия статей из ряда китайских газет как центрального, так и провинциального уровня.

Фрагмент текста, приведенный нами в качестве наиболее яркого и типичного примера, содержит в себе целую серию фразеологических единиц, которые в разной степени участвуют в раскрытии главной темы текста. Примечательно, что всякий раз, когда автор передает какое-либо из значений на основную тему – «лесть – угодничество», он почти всегда прибегает к фразеологизмам, при этом один из идиоматичных фразеологизмов

‘pāimǎpì’⁶ употребляется в тексте настолько регулярно, (практически в каждом абзаце, и, кроме того, вынесен даже в заголовок), что следует говорить о нем как о весьма эффективном средстве сквозной дистантной когезии. Равномерная насыщенность текста фразеологическими единицами одной тематики гарантирует целостность последнего; поскольку, с точки зрения психолингвистики, целостным можно считать только тот текст, который способен сохранять свойство целостности при компрессии без ущерба для большинства его составных элементов, то нами было допущено незначительное сжатие текстового объема, с тем чтобы иметь возможность проанализировать текст-образец в рамках данной статьи. Рассмотрим прежде сам текст на китайском языке и его перевод, данный ниже:

Bàngōngshìlìde “mǎpìwénhuà”

Huángùsìzhōu, nǐ huì fāxiàn, pāimǎpì de qíngxíng shì rú cǐ pǔbiàn, yǐzhì yú ràng rén yǒuxiē xīnjīng-ròutiào: zìjǐ yuánlái yě pòbùdéyǐ pāiguò shéide mǎpì ne. Bùguò, dàkébùbì cánguìde hónglè liǎn. Qíshí, zhǐyào huózhe, shéi dōu nánmiǎn huì miànlín “kǒushìxīnfēi” huò pāi pāi mǎpì de shíkè. Yóuqíshì zài bàngōngshìlì.

Pāi háishi bù pāi?

Náli dōu huì yǒu xīhuàn pāimǎpì de rén, rúguǒ nǐ suǒchū de jīgòu, shàngsi zhènghǎo shì yī wei gāngzhíbùē de zhōngxiánzhīshì, nàme tā yěxù gèng kànzhòng xiàshǔ de chéngjì. Ruòshì

nǐ piānpīān yùshàng yī wei xīhuàn “hǎbagǒu”de shàngsi, nàme hěn bùxìngde, nǐ zhǐ néng qíqiú tā néng jízǎo kànqīng mǎpìjīng de jìliǎng, bìngqiě huìyán shí zhōngliáng.

Huòxǔ, nǐ míngtiān jiù huì yǒu shàngsi zài diàntīli xiāngyù, ér tā qià hǎo huì xīngfēnde náchū yī fèn shízài bù zěnme yàngde fāng’àn yǒu nǐ fēnxiǎng bìng xúnwèn nǐde yìjiàn, nǐ huì zěnme zuò? Zhǐyánbùhuì ma? Nàme yǐhòude rìzi yǒu nǐ hǎoshòudele; jiànfēngshǐduò háowúyuánzède gēgōngsòngdé? Yòu tài duibuzhù zìjǐ. “Pāi”, háishi bù “pāi”, zěnme “pāi” cái néng bù “pāi” dào mǎtuǐshàng? Shízài shìgè nántí.

Qíshí, bùdéyǐde kǒushìxīnfēi yǐjǐ shìdù zànměi bìng bùnéng yǒu mèizhe liángxīn pāimǎpì xiāngtíbinglùn. Tángguò néng zài wéihù zìwǒzūnyánde tóngshí, yòu néng gěi duìfāng liú yī diǎn miànzi, qībùshì liǎngquánqíměi?! Bírú shuō: “Zhè gè fāng’àn tǐng bù cuòde, dànshì bù shì kěyǐ zài jiā yīxiē nèiróng...”, jì pāile shàngsi yī gè xiǎo mǎpì, yòu shìshíde biǎoxiànle zìjǐ.

Rúguǒ duì shàngsi bǎochí yīdìng chéngdùshàng de zūnzhòng, gànhǎo fènnèide shì, name pāi bù pāi mǎpì, yě bìng bù zhòngyàole, yīgè yǒuxiùde guǎnlǐrényuán, háishi gèngjiā lèyì kàndào xiàshǔde liánghǎo biǎoxiàn hé yèjǐde.

(“Běijīng qīngniánbào”, 16.07.2000.)

Заголовок:

Офисная «культура лести» {Офисная «культура [похлопывания] коня по крупу»}⁷

Текст:

⁶ *pāi mǎ pì* ‘подхалимничать’ (дословно: ‘похлопывать коня по крупу’). Данное выражение в своем прямом значении, вероятно, существует уже не одну сотню лет, оно пришло из обиходно-бытовой речи кочевых народностей Северного Китая. Как известно, для кочевников нет ничего важнее, чем хороший конь, который рассматривается ими как символ благосостояния, поэтому кони – одна из основных составляющих их жизни. По заведенной некогда традиции, всякий раз, когда человек хотел выразить восхищение своим хорошим конем, он похлопывал его по крупу. Постепенно с той же самой целью этот обычай стал применяться и в отношении чужих коней (лошадей), что вскоре, естественно, привело людей к частичному переосмыслению значения этой условности; так, подобная демонстрация восхищения чужим скакуном превратилась в своеобразное средство лести. Теперь стало уже неважным, действительно хорош конь или нет, желавший угодить хозяину всё равно похлопывал коня по крупу, демонстративно выражая своё восхищение.

⁷ В фигурных скобках приводится буквальный перевод тех фрагментов текста, которые содержат фразеологизмы. Фразеологизмы в исходном тексте и их соответствующие эквиваленты в тексте перевода отмечены подчеркиванием.

Оглянувшись вокруг, вы сможете заметить – лести {случаи похлопывания по лошадиному крупу} распространена настолько широко, что даже в дрожь бросает: оказывается, что и [Вы] сами некогда помимо своей воли льстили кому-нибудь {похлопывали по чьему-либо лошадиному крупу}. Тем не менее, [Вам] вовсе не стоит стогать от стыда. В действительности, в обычной жизни любому [из нас] очень трудно избежать лицемерия {рот[говогит] «да», душа – «нет»} или лести {похлопывания по лошадиному крупу}. В особенности [на работе] в офисе.

Промежуточный подзаголовок:

«Польстить или не стоит?» {Похлопать или нет?}

Льстецы {любящие похлопывать по лошадиному крупу люди} могут найтись повсюду, если в вашей организации начальник оказался прямолинейным, мудрым и лояльным человеком, то вполне возможно – выше [всего] он ценит успехи [своих] подчиненных. Если же вы, наоборот, попали к такому начальнику, который обогаает подхалимов {болонок}, то, к несчастью, вам останется только уповать на то, чтобы он поскорее заметил ваши льстивые ухищрения {разгядел приемы мастера по похлопыванию лошадиного крупу}, и, вдобавок к этому, смог бы прозреть и оценить вас по справедливости.

Быть может, что завтра Вы столкнетесь в лифте со своим начальником, а он как раз в этот момент, будучи в приподнятом настроении, достанет совсем никудашный проект, чтобы обсудить его с Вами и узнать Ваше мнение, как Вы тогда поступите? Скажете ему все прямо в глаза? В таком случае Вы [только] навлечете на себя неприятности в будущем; [а может лучше] держать нос по ветру {рулить с оглядкой на ветер} и беспринципно петь дифирамбы? [И в этом случае такое поведение] будет в крайней степени недостойным. Так льстить или нет, и каким образом польстить так, чтобы не прогадать? {«Похлопать» или не «похлопать», и как «похлопать», чтобы не «хлопнуть» по лошадиным ногам?} [Это] действительно

дилемма.

В действительности же, вынужденное лицемерие {рот[говогит] «да», душа – «нет»} и умеренную (сдержанную) похвалу вовсе нельзя приравнивать к бессовестной лести {к похлопыванию по лошадиному крупу}. Если одновременно можно и собственное достоинство сохранить, и самолюбие человека не задеть, то разве это не лучший выход для обеих сторон?! К примеру [Вы] скажете [так]: «Этот проект очень даже не плох, и все же нельзя было бы внести некоторые дополнения...», так Вы и начальнику слегка пографите {легонько похлопаете по лошадиному крупу начальника}, и себя своевременно проявите.

Если же придерживаться определенной степени уважительного отношения к [своему] начальнику, и хорошо выполнять свои служебные обязанности, то льстить или не льстить {то хлопать коня по крупу или не хлопать}, вовсе не важно, настоящие руководители все-таки куда больше рады увидеть своих подчиненных, положительно проявляющих себя [в работе], а также успехи самой работы.

Системность данного текста строится благодаря избыточности (итерации) сем на фразеологическом уровне. Именно обязательная итерация сем как средство когезии и обеспечивает связность текста, в нашем случае эта итерация, будучи направленно сосредоточенной на уровне фразеологических единиц, носит избирательный характер. Выбор фразеологического фона для семной итерации, таким образом, есть своеобразное средство авторской тактики построения текста. Следует отметить, что такая тактика подразумевает творческий подход к созданию самой текстовой ткани не только со стороны самого автора, но и со стороны читателя, от которого ожидается активное участие в процессе осмысления регенерируемого текста. Фразеологизм, таким образом, предстаёт тем действенным инструментом, который способен оживить «диалог» между читателем и автором этого текста. Фразеологизм, построенный на метафоре, представляя со-

бой «продукт субъективного видения мира и индивидуального творческого акта ... требует индивидуального творческого акта и от читателя» [Долинин 1978: 141].

В приведенном тексте фигурируют следующие текстообразующие фразеологические единицы тематического ряда «лесть – угодничество»:

1. pāimǎrì подхалимничать (дословно ‘похлопывать коня по крупу’);

2. hǎbagōu прихвостень, приспешник (дословно ‘болонка’);

3. jiànfēngshǐduò держать нос по ветру (дословно ‘рулить с оглядкой на ветер’);

4. kǒushìxīnfēi лицемерие, двоедушие (дословно ‘на языке одно, а на сердце другое’);

5. gēgōngsòngdé петь дифирамбы (чрезмерно восхвалять).

Общая сема (классема) для фразеологизмов №№ 1–4 – «приспосабливаться», для фразеологизмов №№ 1,2 второй дополнительной общей семой будет «угождать». Общая сема для фразеологизмов №№ 1, 5 – «преувеличивать [факты]».

Употребление фразеологизмов в тексте организует текстовую модальность последнего. Сам термин «текстовая» модальность позаимствован нами у И.Р. Гальперина, который предложил разделять субъективно-оценочную модальность на фразовую и текстовую. Под текстовой модальностью в рамках рассматриваемого примера нами понимается модальность, выраженная фразеологическими средствами с целью актуализации отдельных частей текста, а также с целью обеспечения его связанности.

Если исходить из позиции Н.Э. Энkvиста о том, что лингвистические параметры текста сводятся к трем основным составляющим – тема (topic), фокус (focus) и связь (linkage) [цит. по: Гальперин 2004: 19], то, несомненно, что фразеологические единицы в текстах, подобных приведенному, следует соотносить, в первую очередь, с тем компонентом, который обозначен как фокус, возникающий вследствие выделения приоритетных элементов текста за счет стилистических приемов. Однако в то же время, как показывает

наш пример, фразеологизмы, будучи согласованы с темой текста, одновременно являются и средством его связи. Из этого можно заключить, что фразеологический уровень языка не только потенциально, но и в реальной практике способен к самостоятельному обеспечению цельности текста, а значит, и его системности.

Поскольку письменный текст далеко не всегда так прямолинеен и непосредственен в раскрытии своей направленности, как устная речь, то фразеологизмы (в первую очередь идиоматического характера) в тексте призваны компенсировать невозможность применения автором текста таких средств акцентуации живой речи, как интонация, мимика, жест, ретардация, ведь метафора, а следовательно, и фразеологизмы-идиомы, которые основаны на метафоре, не могут быть оценены как узуальный знак в чистом виде, передающий готовое понятие, это, по выражению К.А. Долинина, «своего рода семантический взрыв, дающий максимально живое и нерасчлененное представление, в котором одновременно содержатся все признаки, последовательно вычленяемые нами при анализе» [Долинин 1978: 141].

Мы разделяем мнение И.Р. Гальперина о том, что текст (хотя и не всякий) способен вызывать различные по характеру образы, которые непосредственно связаны с содержанием текста, но «такие образы зачастую не осознаются как несущие какую-то дополнительную информацию» [Гальперин 2004: 23]. Действительно, возникающие в процессе прочтения текста образы являются своеобразными смысловыми приращениями, выражаясь словами И.Р. Гальперина, эти образы «остаются как бы “побочным” продуктом процесса чтения» [Гальперин 2004: 23]. Образы, на каком бы тропе они ни строились, способны выражать не только те элементы текста, которые поддаются буквальной интерпретации, но и те элементы, которые вовлечены в «тело» текста ассоциациями и коннотациями, иногда даже не осознаваемыми. С этой точки зрения фразеологизм представляет собой распространенное,

а следовательно, универсальное средство создания образного слоя публицистического текста на китайском языке. В связи с этим можно говорить о том, что явление систематического повтора (рекуррентности) фразеологических единиц одного тематического ряда или одной и той же фразеологической единицы в газетном тексте формирует его фразеологическую доминанту.

Иными словами, фразеологизм наряду со словом является строительным материалом текста, однако, в отличие от слова, это особый материал; функционально-текстовая особенность фразеологизма состоит в том, что он способен содействовать связности текста, одновременно увеличивая при этом перспективу его потенциального восприятия. Эта способность объясняется изначальной предрасположенностью фразеологизма к семантическим приращениям. Образные ассоциации, возникающие в тексте за счет фразеологизмов, возможны только в текстовой среде, так как все текстовое пространство – это естественная зона иррадиации

(«зона иррадиации» – выражение К.Я. Сигала) значения фразеологизма.

Так в чем же заключается специфика текстобразующей функции фразеологизма в публицистическом тексте? Рекуррентность фразеологизма/фразеологизмов на протяжении всего текста служит средством авторской кодировки своего эмоционального отношения к тем событиям, которые он описывает, причем регулярная апелляция к фразеологическим единицам создает эффект незримого присутствия автора текста, – текста, который неизменно «пропитан» в той или иной мере субъективным авторским восприятием преподносимой информации. Таким образом, фразеологизм в газетном тексте способен организовывать не только и не столько его формальную связность, подобно слову, сколько его эмотивно-модальную перспективу. Именно поэтому повторяющийся фразеологизм в публицистическом⁸ тексте представляет собой его эмотивный конститuent.

Литература

- Баранова З.И.* Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 2004.
- Долинин К.А.* Стилистика французского языка. – Л., 1978.
- Солнцев В.М.* О разных подсистемах в современном китайском литературном языке // Устные формы литературного языка. История и современность. Сб. научн. трудов. – М., 1999.
- Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество. – М., 1979.
- Телия В.Н.* Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

---

⁸ То же самое, без сомнения, можно утверждать и относительно текстов разговорного стиля, что подтверждается экспериментальными данными.

А.В. Кирилина

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ЧЕРТЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ИНТЕРНЕТОМ¹

В статье характеризуются изменения в научном общении вследствие развития Интернета, влияющие на характер протекания коммуникации, что в значительной мере меняет и ее суть. Все количественные данные представлены по материалам ВИНТИ [НТИ-2007].

Ключевые слова: электронная коммуникация, научная коммуникация, Интернет.

A.V. Kirilina

SOME NEW FEATURES OF SCIENTIFIC COMMUNICATION DETERMINED BY THE INTERNET

The article demonstrates the interdependence of the new features of scientific communication and the development of the Internet which influences the communication process and its essence.

Key words: e-communication, scientific communication, the Internet.

---

¹ Статья подготовлена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»).

Постнеклассическая концепция знания признает его субъективность, наличие в нем ценностной составляющей, личностного смысла и отмечает направленность его на средства познания. Как следствие в новом свете предстают привычные понятия информации и коммуникации в науке. А в понимании самой науки доминирует ее социальная сторона, влияющая на «производство истины».

Научная коммуникация как совокупность различных видов профессионального общения представителей научного сообщества является неотъемлемой частью функционирования науки как социального института.

С конца XX века человечество осознало необходимость «упорядочивания научной работы, установления взаимосвязей между различными сферами научной деятельности и формирования единой системы, направленной на получение и распространение знаний в обществе и организации» [Дрешер 2007: 113].

Внимание к средствам познания и одновременно сильнейшие их изменения под влиянием новой среды – Интернета – заставляют обратить внимание на те изменения, которые происходят в научной коммуникации.

К числу значимых изменений технических средств познания мы относим:

1. Развитие цифровых технологий и связанное с ними все более широкое распространение Интернет-коммуникации, сопровождающееся рядом инноваций в научном общении, получении и обработке данных:

А. Формируется электронное документальное пространство (ЭДП), понимаемое как «совокупность общедоступных электронных информационных ресурсов документного типа, циркулирующих в обществе» [Антопольский, Майстрович 2007: 11]. Динамика наращивания составляет примерно 20% в год [там же: 12]. Практически половина всех эл. библиотек создана любителями (там же).

Реализуется ряд проектов, направленных на упорядочение и разработку стандартов ЭДП:

- создание специализированных электронных порталов, например научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

- создание Интернет-системы экспертных оценок, которое предусматривает привлечение ведущих специалистов (ученых) к комплектованию библиотечных фондов, отбору претендентов на конкурсах и т.п.

- увеличение числа и обзорности т.н. документированных результатов научной деятельности, что позволяет выявить «точки роста», динамику и направления развития объекта научно-технической или предметной области, что дает возможность сделать качественный скачок в библиометрической деятельности и усилить обе ее функции – информационную (тематическую) и аналитическую (прогностическую).

Б. Расширение доступа к информации при облегчении самого процесса этого доступа: происходит создание специальной информационной системы, одна из целей которой – получение необходимых данных непосредственно на рабочем месте ученого [Арский, Яшукова 2007: 19]. Совершается постепенный переход к эл. форме научных текстов.

В. Расширение и приращение знаний (например, корпуса текстов помогают получить данные, прежде недоступные).

Г. Изменение институциональных норм научного общения: наблюдается параллельное сосуществование старой институциональной нормы и ее упрощенной формы; фиксируется также процесс вытеснения старой нормы.

Д. Изменение процессов социального конструирования институциональных – ролевых, статусных, хронотопических [по Карасик 2002] – характеристик научной коммуникации.

2. Сближение коммуникации и информации как понятий и возникновение понятия *Инфокоммуникация*.

3. Появление новых, не имевших ранее аналогов в «традиционном» научном общении свойств научной коммуникации, связанных с вовлечением в общение машины:

А. Формирование совокупной человеко-машинной системы, основной целью которой является анализ и синтез нового знания;

Б. Разработка новых форм формализации знаний; например, разработка онтологий – новой разновидности информационно-поисковых тезаурусов [Добров, Лукашевич 2007: 101].

Цифровые технологии создали и новые возможности научной деятельности и сбора данных. Приведем лишь некоторые из них:

- разработка интерактивных методов распространения и формирования информационных ресурсов, облегчение т.н. навигации в Интернете;

- разработка системы автоматизации научных исследований;

- наряду с хранилищами информации, работающими по принципу накопления документов и программ, все большее место занимают информационные ресурсы, назначение которых состоит в быстрой реакции на события, формирование текущей актуальной информации, т.е. динамичное сверхвариативное создание актуальных наборов данных;

- накопление и создание динамических баз данных по науке и научной деятельности: с 2005г. создаются Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), единый реестр научных публикаций (ЕРНП). Разработана общая Система государственной регистрации информационных ресурсов (СГРИР) и как ее часть создается “Реестр электронных научных изданий”, позволяющий регистрировать эл. издания и сформировать их архив. Формируется единый реестр результатов научно-технической деятельности [Богданов и др. 2007: 49]; сами результаты определяются при помощи эл. носителей быстрее и точнее; так, при формировании индекса научного цитирования одним из источников являются базы данных различных фондов.

Меняется процедура цитирования и расширяется само это понятие:

- электронное онлайн-цитирование в дополнение к документному;

- распространение понятия цитирования на такие информационные объекты, как ис-

полнитель проекта, научный проект, научная организация, научное направление, город, регион и т.д.. Эта подсистема программно фиксирует все обращения (содержание и формальные признаки запроса, имя пользователя, время обращения и т.д.) к тому или иному информационному объекту (публикации, проекту, отчету, организации и т.п.) Такой запрос может рассматриваться как аналог цитирующей публикации;

- формирование массива данных о научных мероприятиях.

Понятие тиража в Интернете также претерпевает изменения: появилась возможность фиксировать виртуальный тираж (объем скачанного трафика).

Специфичен и электронный поиск: он направлен не только на поиск запрошенных документов, но и на охват пограничных идей-аналогов, т.е. «документы, которые по формальным признакам будут мало соответствовать запросу, но в конкретной проблемной ситуации станут тем “склеивающим элементом”, который позволит пользователю из множества отдельных информационных сообщений не только выделить нужные фрагменты, но и построить из них систему, проявляющую новое качество информации» [Максимов, Шабанова 2007: 190].

Как близкое будущее обсуждается т.н. онлайн-революция в науке, позволяющая ученому постоянно работать над текстом, находящимся в эл. пространстве, совершенствуя его. Это кардинально меняет современное представление о публикации и самом научном результате, придавая ему сверхдинамичный характер.

Создаются скоростные подсистемы связи – инструмент, позволяющий зарегистрированному пользователю практически мгновенно связаться с любым другим зарегистрированным пользователем этого ресурса. Такого рода указатели, помимо прямого назначения, позволяют получать «актуальные аналитические данные о состоянии российской науки: тенденции в той или иной области науки, квалификационные, демографические и гендерные характеристики

сотрудничества между индивидуальными учеными, многие десятки (если не сотни) различных статистических распределений» [Либкинд и др. 2007:181]. Так, можно выявить, кроме всего прочего, межличностные отношения – информационные связи между учеными, проследить историю научных открытий и личной причастности разных исследователей к этим достижениям. Тем самым обогащаются также история, социология и философия науки.

Необходимость соединять вычислительные мощности для обработки огромных объемов информации привела к появлению GRID-технологии и *e-science – совокупности программных, технических и методологических средств для обеспечения территориально распределенных научных исследований*. В центре внимания и в этом случае оказывается социальная составляющая *e-science* – организация работы сетевого научного сообщества. Электронная наука, кроме того, предполагает развитие сетевых сообществ исследователей и разработку принципов их организации.

В сетевых сообществах меняется и понятие знания: *знаниями предлагается считать совокупность методов и результатов анализа и интерпретации материалов, реализованных и принятых научным сообществом*. Истинность знаний проверяется воспроизведением методики исследования. Кроме задокументированных явных знаний предлагают различать и неявные (*tacit*) знания о коллекциях и методах исследования, опыт экспертов.

Формулируются принципы создания информационных систем, ориентированных на работу сетевых сообществ исследователей [Кравцов, Варфоломеев 2007: 383 и след.]:

1. Следование современным тенденциям развития Интернета (от статичных сайтов с качественной информацией – к социальным сетям и веб-сервисам (легкость наполнения, снижение качества).

2. Использование гипертекстовой природы Интернета, что предполагает использование гипертекстовых ссылок, причем уже на этапе подготовки для публикации, т.е.

создание ссылки на несуществующий (или виртуальный) объект, который впоследствии создается или заполняется по результатам дальнейших исследований.

3. Создание «двойного» текста, семантика которого создается для человека и машины (концепция развития Интернета нацелена на изменение процесса публикации информации, на добавление к ней описания, понятного компьютеру.

4. Многофункциональность. Совмещение целей публикации и исследования текста.

5. Многокомпонентная распределенная архитектура.

6. Управление знаниями.

Изменение процесса получения знания ведет и к глубочайшим изменениям в системе образования. Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки статьи.

Главной задачей эл. науки выступает не совместное использование объединенных вычислительных мощностей, а территориальное распределение сбора и хранения самих данных, разработка стандартов для свободного обмена данными, а также сервисов, позволяющих с ними работать.

Электронная научная коммуникация еще более явственно демонстрирует связь развития науки и научной коммуникации с общими тенденциями развития человечества:

1. Формирование глобального информационного общества и общества знаний. Переход к информационному обществу меняет все научные и образовательные ориентиры: «происходит сдвиг от линейного, последовательного представления информации к сетевому» [Климов 2007: 150]. С 2000 г. в России реализуется программа ЮНЕСКО «Информация для всех»; с 2007г. Российский комитет программы приступил к работе над новым проектом «Развитие многоязычия в Интернете». ЮНЕСКО выдвигает лозунг «От информационного общества – к обществу знаний». Основными составляющими в создании общества знаний являются образование, наука, культура, средства массовой коммуникации. Сегодня также ставится задача создания национальной системы зна-

ний; открыт домен ru, функционирующий на русском языке.

2. Сближение логики науки с логикой развития рынка, отмечаемое сегодня все большим числом авторов.

3. Приближение образования и науки к практической деятельности, социальному заказу: «Оживились исследования свойств и закономерностей НТИ как составной части социальной системы научной коммуникации» [Климов 2007: 147]. Происходит также конвергенция услуг связи, информационных услуг и производства и переработки контента (содержания) [Родионов 2007: 276].

4. Наука и научная коммуникация становятся составной частью геополитики: создается «Электронное правительство» – система госуправления на основе современных информационно-коммуникационных технологий, т.е. электронных средств обработки, передачи и распространения информации. Во многих странах приняты программы, предусматривающие переход к информационному обществу и обществу знаний. Важной составной частью таких программ стали развитие науки и образования – создание в сети образовательной и научно-инновационной системы.

Революционный характер изменений в научной коммуникации при всем разнообразии его проявлений может быть, на наш взгляд, сведен к следующим двум разнонаправленным тенденциям:

- размывание научного сообщества вследствие дистантного общения, смешение ученых, дилетантов и просто любопытствующих (блоги, Интернет-публикации, энциклопедии с возможностью редактировать их прямо « по ходу дела» и независимо

от научного статуса (википедия); снижение роли внешнего статуса и иных опознавательных возможностей. Сложности с определением авторства (в ряде случаев), изменение авторства как такового; смешение научного и обыденного сознания, знания и мнения. Создание у Интернет-коммуникантов иллюзии способности быть экспертом.

Эта тенденция соответствует общим тенденциям развития общества. В частности, это атомизация человеческого существования, поведение, определяемое впечатлением (т.е. восприятием), чему весьма способствует виртуальная среда и общение в ней. Отражение в научной коммуникации общих тенденций как самого Интернета, так и общесоциальных тенденций – смешения частного и общественного (по Хабермасу), сакрального и профанного, насаждению общей усредненности. Так, Википедия – Интернет-энциклопедия – пополняется любым желающим, независимо от его компетентности.

При кажущейся анонимности и свободе Интернет-общение подвергается большему контролю, т.к. то, что ранее было физически бесследным или весьма частным – устные неформальные контакты (ср. «невидимые колледжи»), личная переписка и т.п. – теперь оставляет электронный след, доступный контролю извне.

Стремление ученых сохранить эзотеричность, создать более закрытое сообщество – Интернет-2, действующее по принципу системы идентификации пользователя и предоставления ресурсов лишь определенному кругу лиц.

Мы назвали некоторые черты современной научной коммуникации, опосредованной Интернетом.

Литература

Антопольский А.Б., Майстрович Т.В. Актуальные проблемы развития электронного документального пространства России // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–6 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 11– 15.

Арский М., Яшукова С.П. Формирование системы информационного обеспечения научной, научно-технической и информационной деятельности // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 19–21.

Богданов Ю.М., Капицын В.М., Столярова Т.Д. Организация создания и пути совершенствования системы формирования единого реестра результатов научно-технической деятельности // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 49–50.

Добров Б.В. Лукашевич Н.В. Онтология по естественным наукам и технологиям для автоматической обработки текста // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 100–101.

Дрешер Ю.Н. Подготовка специалистов-документоведов в контексте задач управления знаниями // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 112–115.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик, Волгоград, 2002.

Климов Ю.Н. О динамике числа публикаций в реферативных журналах. К столетию РЖ Chemical Abstracts (1907–2006) // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 147–150.

Кравцов И.В., Варфоломеев А.Г. Принципы организации информационного пространства сетевого сообщества исследователей рукописных текстов // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 383–386.

Либкинд А.Н., Минин В.А., Либкинд И.А., Маркусова В.А., Янц М.М. Указатель РФФИ как инструмент информационного поиска и анализа тенденций в фундаментальной науке России // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 180 – 183.

Максимов Н.В., Шабанова С.М. Динамическая модель информационного документального поиска // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 190.

НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – 405 с.

Родионов И.И. Программы поддержки НИОКР в области ИТ на основе частно-государственного партнерства // НТИ-2007. Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационные технологии. Материалы 7-ой международной конференции 24–26 октября 2007. М., ВИНТИ, 2007. – С. 274 – 276.

Хельга Коттхофф

ПОДШУЧИВАНИЕ НАД СОБОЙ. О МНОГОАСПЕКТНОЙ РАБОТЕ ЖЕНЩИН НАД СВОИМ ИМИДЖЕМ В КОММУНИКАЦИИ¹

Статья посвящена устной научной коммуникации. Автор акцентирует внимание на самоиронии, исследуя ее в гендерном аспекте. Выявлены данные, позволяющие рассматривать самоиронию не как элемент снижения статуса говорящего, а как способ выстраивания отношений между говорящим и слушающим.

Ключевые слова: гендерные исследования, гендер, коммуникация, самоирония, конверсационный анализ.

Helga Kotthoff

MAKING FUN OF ONESELF. THE MULTIPLE WORK WOMEN DO TO CONSTRUCT THEIR IMAGE IN COMMUNICATION

This paper focuses on oral forms of academic communication. The author investigates gender aspects of self-irony and argues that it is employed by the speakers not to belittle themselves but to establish a good rapport between the speaker and the listener.

Key words: gender researches, gender, communication, self-irony, conversion analysis.

---

¹ Перевод М.В. Томской

В представленной статье я рассматриваю забавные истории из жизни, в которых рассказчица высмеивает собственную оплошность. Смешные эпизоды, послужившие материалом моего исследования, были рассказаны во время застольных бесед среди хороших знакомых, принадлежащих к среде людей с высшим образованием; большинство из них женщины. В отличие от психологических гендерных исследований, которые выявили самоуничижительные тенденции, присущие женскому юмору (женщины оценивают шутки в свой адрес как более смешные, чем шутки в адрес мужчин), я рассматриваю юмор в контексте комплексной политики создания имиджа в ситуации речевого общения. Я обращаюсь к концепту лица/имиджа (face-concept) Ирвина Гоффмана и использую его для описания имиджа человека. Подробно анализируя разговоры, я хочу показать, что рассказчицы выстраивают свои истории таким образом, чтобы высмеять не себя, а нормы, которые могут вызвать общий смех. Можно предугадать реакцию слушателей, скорее всего они будут разделять точку зрения рассказчиков. В высмеивании самого себя проявляются специфические стороны социальной идентичности. Я настаиваю на изучении шутливого общения в естественном контексте. В заключение остается только объяснить, почему мужчины редко прибегают к таким сложным формам высмеивания самого себя.

В смешных историях события излагаются так, что над ними могут посмеяться все. Они, несомненно, служат непринужденному общению и разрядке, однако, могут – имен-

но потому, что призваны вызывать смех, – имплицитно передавать вполне серьезное стремление добиться, чтобы в группе возникли сходные восприятия, оценки и взгляды, не прибегая к эксплицитному обсуждению темы. К примеру, негативные события могут быть обобщены так, что реальные обстоятельства в истории меняются местами: например, влиятельные внезапно оказываются глупцами, неудачники – победителями и т.д. В истории может присутствовать только намек на темы, которые частично табуированы, например, сексуальность или определенные болезни. Обратив их в игру¹, можно поговорить на щекотливые темы, не эксплицируя все их аспекты. Нетипичные интересы, пристрастия или поведение теряют свою остроту, если они с целью развлечения переданы с юмором: веселье служит консолидации группы. Весьма интересной, с точки зрения работы над имиджем в беседе, является шутка в собственный адрес. Люди представляют себя в шутках весьма разнообразно, выдвигая на передний план свою глупость, неловкость, забывчивость или прочие недостатки. Они выставляют себя объектами смеха. Шутка в адрес других может также переплетаться с шуткой в собственный адрес.

В исследованиях неоднократно было показано, что юмор в свой адрес у женщин развит сильнее [Stocking, Zillmann 1988, 1996; Jenkins 1988, 1996; Ervin-Tripp, Lampert 1992], здесь возникает вопрос, подтвердят ли мои данные эту тенденцию?

Из 27 женщин, участвовавших в беседах, положенных в основу данного анализа, восемь рассказали забавные эпи-

---

¹ Бейтсон разработал метод, посредством которого различают игру и серьезные намерения. Уже приматы могут распознать, был ли сделан укус в шутку или всерьез и возникнет ли тем самым серьезная борьба или это будет только шутливая потасовка. Игра находит цель в себе самой и не ориентирована ни на какую другую цель, кроме самой себя. Игры ориентированы на исполнение, но не на реальность. Юмористическое часто происходит в игровой модальности и одновременно создает ее [Bange 1986 и Schütte 1991].

зоды из своей жизни, а из 21 мужчины – только один².

В своем исследовании я связываю разные проблемы. Основная цель моей работы заключается в анализе отдельных смешных историй о себе с точки зрения их языковых и просодических особенностей. Далее я хотела бы обсудить их с позиции понятия «лица» (face-concept) Гоффмана, который позволяет выявить отклонение от фокуса. Сначала я привожу отдельные результаты исследований гендерных различий в шутовском общении, к которым затем прилагаю свой анализ бесед.

Гендерные различия в шутовском общении

В социологии, лингвистике, психологии и психоанализе существуют различные, нередко дополняющие друг друга, модели юмора, которые группируются вокруг таких феноменов, как двойная рамочная конструкция и нарушение перспективы, умение возразить и противоречивость, напряжение и разрядка, доминирование и подчинение, агрессия и удивление. Мы имеем дело, пре-

жде всего, с социологическими и социально-психологическими явлениями: шутовская коммуникация (шутливое общение)³ в нашем обществе осуществляется женщинами и мужчинами по-разному, по-разному переживается, а также имеет различные традиции. Прежде всего в социологических работах постоянно подчеркивается, что шутники и юмористы нередко являются социально очень влиятельными личностями [Coser 1960, 1996]. Они определяют ситуации, и тот, кто смеется вместе с ними, разделяет эти дефиниции⁴.

В профессиональной сфере женщины реже занимают позиции, в которых они могут определять ситуации. Неудивительно, что они реже выступают в роли шутников.

Разрыв в развитии детского шутовского поведения у мальчиков и девочек происходит рано. В целом исследователи исходят из того, что девочки и мальчики активно перенимают примеры полоролевого поведения их окружения и что шутовские интеракции играют определенную роль в процессе конструирования женской и мужской идентичностей [McGhee 1979]. Элис Гроч (Alice

² Я рассматриваю здесь только группу, обозначенную мной как «группа людей с высшим образованием». В работе о прагматике юмора в разговоре [Kotthoff, 1996a] я исследовала шутовские действия представителей и других социальных групп (например, спортсменов). В шутовском общении различия в социальной среде бросаются в глаза. К примеру, в группе спортсменов шутки в свой адрес вообще не играют никакой роли. Я использую здесь понятие «среда» [Шульце 1993] и вслед за ним исхожу из того, что общепринятое социологическое понятие «слой» сегодня уже не является достаточным для того, чтобы проанализировать стилистическую когерентность групп. Я никоим образом не недооцениваю того, что на шутовское общение группы может влиять, в первую очередь, ее уровень образования.

³ Я предпочитаю понятие «шутливая коммуникация / шутовское общение» понятию «юмор», поскольку юмор в обыденном понимании касается психических качеств. Здесь же речь идет о действиях, которые посредством создания веселости играют с различными точками зрения и нацелены на смех.

⁴ О небогатой традиции женского литературного юмора см. Kotthoff (1992) и Walker (1988). В юмористическом жанре еще более, чем в других областях искусства выпячивается маргинализация женщин. Так, например, во время большой выставки «Карикатура & Сатира. Пять столетий критики времени» Мюнхенского фонда культуры в 1992 году не была представлена ни одна известная карикатуристка, такая, как Клара Бретехер или Мария Маркс. Среди 117 выставленных художников были две женщины, одна из них, Кете Кельвиц, была ошибочно размещена на данной выставке.

Grosch), опубликовавшая одной из первых в 1974 году свои непосредственные наблюдения за поведением детей в детском саду, обнаружила четкие различия между девочками и мальчиками, а именно как в проявлениях юмора, так и в реакциях на юмор. Она установила, что девочки в подавляющем большинстве проявляют юмор, базирующийся на неконгруэнтности и удивлении. Агрессия и враждебность практически не присутствовали в производимых девочками сценах, тогда как у мальчиков доминировали злые шутки [см. Fine 1990]. Они атаковали в шутливой форме других, подражали им, шутили и смеялись больше над недостатками других. Таким образом, исследование выявило различия в формах проявления юмора.

Различные психологические лабораторные эксперименты также подтвердили различия в проявлениях юмора. Я совершенно не согласна с мнением, что юмор должен изучаться в искусственно созданной обстановке, и предпочитаю методы исследования, с помощью которых можно анализировать повседневные действия в естественном контексте, что будет показано и в данной работе. Однако полученные в лабораторных исследованиях выводы о гендерных различиях в проявлении юмора я считаю весьма интересными и поэтому кратко изложу их.

Кантор [Cantor 1976] сравнил образы мужчин и женщин в различных анекдотах, где в зависимости от пола изменялась ситуация, например:

К актеру, недавно издавшему свою автобиографию, на вечеринке обращается одна актриса с такими словами: «Я прочитала Вашу новую книгу... Кто Вам ее написал?». На что актер отвечает: «Я рад, что книга Вам понравилась. Кто Вам ее прочитал?».

Этот же анекдот имеет обратный вариант, в котором актриса превосходит актера в находчивости. Мужчинам, разумеется, больше нравится анекдот, где последнее слово остается за актером. Это может быть объяснено

с точки зрения теории диспозиции [Zillmann 1983]: если я представлен в анекдоте как жертва дискредитации, я не могу считать его смешным. Мужчины всегда принимают в экспериментах сторону мужчин, если анекдот построен на высмеивании кого-либо по признаку пола. «Женщины, – как пишут Стокинг и Цильманн [Stocking, Zillmann 1988/1996: 234], – как будто признают свою подчиненную роль, взваленную на них правилами поведения и этикета, смеются над тем же анекдотом, что и мужчины». Их больше смешит, если мужчина оставляет в дураках женщину, а не наоборот. Они ведут себя так, как будто они на стороне мужчин. Анекдот, в котором актриса в словесном поединке оказывается на высоте, информантки сочли не очень смешным. Параметр «удовольствие» они оценили негативно.

Многие исследователи в дальнейшем получили сходные результаты. Макги (McGhee) и Даффи (Duffey) (McGhee, Duffey 1983a, 1983b) установили, что мальчики уже в возрасте от трех до семи лет находят более смешной ситуацию, когда не везет девочке, а не мальчику. Девочки не становятся на сторону девочек, а разделяют веселье мальчиков. Макги смог показать, что эта самоуничижительная тенденция более ярко проявляется у девочек из семей с невысоким достатком. Существуют веские причины для аргумента, что девочки в отличие от мальчиков не проявляют расположения к своему полу. Создается впечатление, что процесс социализации в нашей культуре способствует положительной диспозиции для мужского пола. Это подтверждает старый тезис Дюркгейма о том, что общественная система ценностей оседает почти в каждом индивидууме [см. Bourdieu/Wacquant 1996]. Только этим можно объяснить ее стабильность. Однако это не значит, что диспозиции не могут быть изменены.

Более поздние исследования Макги⁵ и Эрвин-Трипп/Ламперта [Ervin-Tripp/

---

⁵ *Личное сообщение.*

Lampert, 1992] показывают, что женщины и мужчины, которые утверждают, что они поддерживают женское движение, не разделяют эту всеобщую эмпатию с мужчинами в шутках; прежде всего феминистки солидарны в юморе с представительницами своего пола. Они изменяют свои эмоциональные диспозиции. Однако Эрвин-Трипп и Ламперт смогли в своем исследовании спонтанного юмора в естественных условиях показать, что в однополых группах женщины значительно чаще, чем мужчины, рассказывают о смешных случаях, произошедших с ними⁶. В смешанных группах традиционные гендерные различия проявляются только у женщин и мужчин из Латинской Америки и Азии. Белые американцы, как женщины, так и мужчины, обмениваются шутками в смешанных группах. Эрвин-Трипп и Ламперт установили в целом рост количества шуток в адрес отсутствующих: мужчины чаще шутят в свой адрес, а женщины – реже. Таким образом, происходит приспособление к стилю разговора. Разумеется, более тщательный анализ историй из жизни показал, что истории, рассказанные мужчинами, часто относятся к преувеличениям или фантазиям, но не обязательно к собственному отрицательному опыту. Более того, в смешанных группах обнаружили другие различия между полами: мужчины чаще становятся инициаторами перевода разговора в шутливую модальность: в целом они чаще отпускают шутливые замечания.

Пейнтер [Painter 1988] и Дженкинс [Jenkins, 1988/1996] в своем исследовании женского юмора сделали наблюдение, что женщины между собой часто прибегают к юмору, чтобы пережить свой негативный опыт. Общий смех над негативными событиями и переживаниями уменьшает их влияние

на жизнь женщины. В этом смысле юмору такого рода можно приписать терапевтические функции.

Материал исследования

Материалом моего исследования послужил корпус из 15 застольных бесед в кругу друзей, подруг и хороших знакомых, в каждой из которых принимали участие от трех до восьми человек. На пленку были записаны по полтора часа каждой беседы, а именно 45 минут разговора в начале вечера и 45 минут более поздней стадии разговора.

Все разговоры происходили среди представителей одной социальной группы, возраст которых на момент записи колебался от тридцати до сорока лет. В большинстве своем они имеют законченное высшее образование и работают в различных сферах (психологи, экономисты, работники культуры, представители книжного бизнеса, ученые, учителя, журналисты, дизайнеры, врачи и др.). Я называю эту группу также «группа людей с высшим образованием», однако это не значит, что я считаю, что высокий уровень их образования влияет на способ их шутливого общения. Я скорее придерживаюсь мнения, что на способ их шутливого общения влияют их взгляды, оценки и их равномерная социальная структура. Это совокупность из 48 человек, которые в разном составе и с разной частотностью встречаются друг с другом в свободное время. Я получила от членов этой группы своего рода коллективное разрешение во время отдельных встреч записывать разговор. Само собой разумеется, соблюдалась полная анонимность. Это разрешение имело то преимущество, что я или другие записывающие беседу люди не должны были предварительно спрашивать разрешение делать запись во время беседы. Производимая

---

⁶ Это своеобразие объясняется, скорее всего, социализацией мальчиков в группе, в которой опасно показывать свои слабости, даже если это только шутка. В мальчишеских группах господствуют более жесткие нормы конкуренции, чем в группах девочек [Maltz, Borker 1982, 1991].

запись, таким образом, не привлекала внимания присутствующих. Юмор проявляется скорее всего тогда, когда царит непринужденная и ненапряженная атмосфера⁷.

Женщины описываемой социальной группы экономически независимы и работают по специальностям, которые по социальному престижу приравниваются к мужским. Все сочувствуют в той или иной мере целям женского движения и пытаются внедрить новый стандарт поведения.

В целом гендерные различия в шутовском общении данной социальной группы выражены не очень ярко. Два различия бросились мне в глаза: женщины смеются гораздо больше и они чаще рассказывают смешные истории о себе.

Политика создания имиджа в ситуации речевого общения

Фундаментом лингвистических и коммуникативно-социологических исследований проблем политики создания имиджа в разговоре служат категории, которые изложил Гоффман в своей работе «Ритуал взаимодействия» [«Interaction Ritual» 1967], а затем постоянно развивал.

Аспекты интерактивного действия ритуализируются; например, самоизображение, которое человек выдает за свое подлинное «Я». Гоффман называет это явление также «communicating a line»:

«Каждый человек живет в мире социальных взаимодействий, вовлекающих его или в непосредственный (лицом к лицу), или в опосредованный контакт с другими участниками общения. В каждом из этих контактов он склонен изображать то, что иногда называют контуром (a line), – то есть моделью вербальных и невербальных действий, при помощи которых он выражает свой взгляд на ситуацию и тем самым оценивает коммуникантов, в первую очередь себя»...

«Термин «лицо» (face), определяемый как положительная социальная ценность, на которую претендует говорящий посредством этой модели. Эта же модель призвана показать остальным участникам коммуникации, как следует воспринимать его в контактах. Лицо – это образ «Я», выраженный посредством принятых социальных отношений, но и такой имидж, с которым согласны другие» [Goffman 1967: 5].

«Лицо» («face») – это имидж «Я», сформированный из принятых социальных отношений, к которому прибегает говорящий, и который подтверждается другими участниками коммуникации. Понятие «контура» («a line») указывает на ожидаемую при этом когерентность. Любой человек всегда вовлечен и в подтверждение имиджа других: они являются конструкциями одного порядка. Имиджу необходима определенная устойчивость, которая так институализируется в общении, что совпадает с ожиданиями окружающих. То, что человеку приписывают определенные «контуры» («lines»), становится очевидным только тогда, когда он больше не выполняет ожидаемые от него действия. Обычно люди чувствуют себя эмоционально связанными со своим «лицом» («face»). Это гарантирует надежность и чувство самооценности. Если связь эта ослабевает, возникают страхи, чувство стыда и растерянность. Утрата «лица» может быть опасна, т.к. она путает контуры поведения социального, экспрессивного кода. Гоффман связывает стратегии поддержки лица с достоинством, гордостью, честью и вежливостью.

Собственное лицо должно утверждаться в коммуникации. Кто не делает этого, тот производит странное впечатление. Точно так же любой индивид должен щадить лицо другого. Гоффман пишет, что на меру бережного отношения влияют власть и престиж личности [Goffman 1967:10]. Обоюдное

---

⁷ См. о характеристике всего корпуса тестов Kotthoff 1996a. В работе сравнивается шутовское поведение этой группы с шутовским поведением других групп. Здесь и в Kotthoff 1996b анализируются многие другие шутовские действия.

признание лица (face) является основополагающим структурным признаком любой интеракции, особенно если она каноническая (происходит лицом к лицу). Это непременно сопровождалось бы борьбой, спором и различием во мнениях, пока не были бы признаны правила «честной игры» («fair play»). Сохранение лица (face-work) вносит некий консервативный момент в интеракцию, т.к. оно формирует ожидания на будущее. Сохранение лица – это условие интеракции, а не ее предмет. Как социальная практика оно становится привычным и стандартизуется в любой культуре, субкультуре или группе. От каждого члена группы требуют знания практик сохранения лица, как оборонительных, которые касаются его собственного лица, так и охранительных, которые касаются имиджа других. Можно поставить под угрозу как свое собственное лицо, так и лицо другого, намеренно или непроизвольно.

Гоффман (Goffman 1994, на нем. яз.) в соответствии с этологией исходит из того, что определенные способы поведения формализуются: они упрощаются, гиперболизируются, стереотипизируются и вырываются из прежнего вызывающего раздражение контекста – все это с целью эффективного воздействия сигнала. Вместо того, чтобы осуществить действие, человек прибегает к легко узнаваемому обозначению ситуации в форме ритуала. Эти обозначения и самопрезентация устанавливают модальность общения между людьми. Обозначения не имеют какого-либо определенного символического языка, а свидетельствуют об идентичности и определении ситуации. Юмор также относится к самопрезентации, которая ритуализируется.

Различные действия или компоненты действия могут иметь в межличностной сфере ритуальное значение, например, прическа, выбор лексики в разговоре, стиль разговора, жесты, структуры речи, движения в пространстве, положения тела и интонации, благодаря которым говорящая выражает свое отношение к теме разговора и к собеседнику или собеседнице. В этом находят выражение основополагающие компоненты

интеракции, а именно почтение и поведение. Также и шутливое общение в межличностной сфере приобретает ритуальные значения, т.к. оно является составной частью самопрезентации.

У Гоффмана, а впоследствии Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1987], речь шла о работе над имиджем в целом: однако и в коммуникации можно проследить, о какой своей специфичной социальной идентичности заявляет человек.

Шутливая самопрезентация

Неясно, действительно ли подрывается имидж при шутливом рассказе о своей неудаче или слабости, неизвестно также, представляет ли этот вид юмора указание на очень сложную политику создания имиджа. Возможно, собеседник смеется вместе с тем, кто иронизирует над собой, нежели над ним, о чем свидетельствуют и примеры. Второстепенными сторонами собственного имиджа, видимо, жертвуют для утверждения других аспектов, которые шутники считают более важными для себя. Шутка в свой адрес показывает, как сложен имидж личности. Подобные формы шутливого подрыва собственного имиджа производят впечатление независимости.

В тексте 1 речь идет о трудностях применения компоста в своем огороде.

Текст 1

Разговор 3, эпизод 6

Антон (А), Хелен (Н), Маргарита (М), Рудольф (R), остальные (m)

1 M: *nein, aber wir ham uns grad (-) ma damit beschäftigt*

2 *aber wir kriegen eben bis jetzt nicht, (-) gereHEgelt*

3 *son Kompostding aufzustellen, (- -) weil wir eben auch*

4 *nicht wußten oder immer dachten, in dem kleinen Garten,*

5 *wenn er dann sti:nkt, АНАНА,*

6 H: *mHEHEHEHE*

7 M: *ja des is auch nich so schönÖn*

8 H: *mHEHEHE (^H)*

9 M: *ja und und das Einzige was ich eben*

weiß, is daß daß

10 der wirklich nich stink, wenn man, wenn man das, (-)

11 geschickt stapelt, (-) und guckt daß da Luft dran

12 kommt. keine gekochten Sachen, und keine Bananenschalen,

13 ! (-) reinkommen, naja und die ganzen.

14 R: ! (? ?)

12 A: ! mhm.

16 R: keine Lebensmittel.

17 (0,5)

18 M: mhm.

19 H: ja was darf man denn dann nehmen.

20 A: Gemüsereste.

21 R: Blumen.

22 M: unsere vergammelten Blumen stinken ! auch.

23 m: !НЕНЕНЕНЕНЕ

1 M: нет, мы как раз этим занимались, 2 но мы до сих пор не поняли, как правильно

3 сооружать компостную кучу, т.к. мы в тот момент

4 не знали или всегда думали, в маленьком саду,

5 если она потом будет вонять, АХАХА

6 X: мХЕХЕХЕ

7 M: да это не очень приятно

8 X: мХЕХЕХЕ

9 M: да и единственное, что я знаю, что

10 она действительно не воняет, если ее

11 аккуратно укладывать штабелями, и следить, чтобы воздух туда

12 поступал. никаких сваренных штучек, никакой банановой кожуры,

13 не добавлять, как и целых бананов

14 P: ? ?

15 A: хм

16 P: никаких продуктов.

17 (0,5)

18 M: хм

19 X: да, а что же можно брать тогда.

20 A: остатки овощей.

21 P: цветы.

22 M: Цветы у нас так запущены, что и от них несет.

23 м: ХЕХЕХЕХЕХЕ

Маргарита рассказывает о своих трудностях при сооружении в саду компостной кучи. Уже в строке 2 в слове «geregelt» заметны смешки. Уже с самого начала понятно, что здесь не последует рассказ о проблеме. Не случайно смешки находятся уже в предложении (kriegen es nicht gereHgelt), которое содержит неполную информацию. В строке 7 она говорит с отчетливым снижением, что это не так хорошо, если компост затем дурно пахнет (5). Проблемы компостирования контекстуализируются как смешные. Хелен смеется (6). Вкрапленный в текст смех приглашает слушателей не воспринимать проблему Маргариты как особенно сложную и разделить ее точку зрения⁸.

Начиная со строки 9, Маргарита разъясняет правила компостирования. Рудольф также добавляет информацию по теме (16, 21). Хелен спрашивает, что же разрешено использовать (19), и получает ответ от Антона и Рудольфа. Вопрос Хелен с его ниспадающей интонацией носит скорее характер возмущения, а не вопроса, и тем самым выражает ее сочувствие взглядам Маргариты, которая своим ответом в строке 22 лишает основания ответы обоих мужчин. Создается впечатление, что умение делать компост не такое простое занятие. Все смеются. Смеются, однако, не обязательно над ней, а скорее над расхождением между теорией и практикой. Маргарита уже в строке 2 со смехом признается, что просто так не понять. Действительно, необходимо соблюдать множество правил, но даже, если они все соблюдаются,

---

⁸ Понятие «перспектива» (в нашем переводе «взгляд, точка зрения») я использую в смысле Граумана [Graumann 1989], который понимает под этим «репрезентацию», «изображение», «представление» о чем-либо для кого-либо с данной позиции. При перспективизации речь идет о создании релевантного изображения в определенном аспекте. См. Sandig 1996 об изложении литературы на тему перспективы.

не всегда можно получить желаемый результат. Маргарита показывает себя с той стороны, которую можно принять за недостаток. Это можно интерпретировать как неумение правильно применить теорию. Демонстрация подобных слабостей создает в кругу близких людей почти интимную атмосферу. Комическая неконгруэнтность создается из противоречия между сложными правилами и отсутствием, несмотря на это, гарантий личного успеха. Маргарита воспринимает провал своих усилий по созданию компостной кучи демонстративно легко: она тем самым создает имидж, с которым совместимы безуспешные старания. В этой социальной группе приветствуется забота об экологически безопасном уничтожении отходов. «Экологическая сознательность» служит в данном случае в качестве некой окантовки; можно проявить нонконформистскую идентичность, смело признавшись при этом в «экологической» неудаче. Нормативный фон, служащий шуточной окантовкой, создается собственной средой, проявляющей заботу о прогрессивности и экологическом сознании.

Проблема контекстуализации смешного

В интерпретативной социолингвистике, как и в анализе интеракции, сегодня исходят из того, что участники интеракции для внедрения своих высказываний в конкретный контекст становятся активными, т.е. что они посредством вербальных и невербальных сигналов, «кодов контекстуализации» («contextualization cues») [Cook-Gumperz, Gumperz 1976; Auer 1986], интерактивно формируют контекст, они создают рамку, которая служит для понимания высказывания. Понятия «рамочная конструкция» и «контекстуализация» я использую здесь как синонимы. Смешное как таковое должно быть контекстуализировано или помещено в рамку.

Анализ речевого общения внес значительный вклад в анализ комических речевых действий. Он был посвящен вопросу,

когда именно в разговоре возникает смех, как это изменяет дискурс и в какой степени смех является упорядоченным диалоговым действием [Jefferson 1979, 1985]. Заслугой анализа является то, что он продемонстрировал абсурдность простой повседневной теории, согласно которой мы смеемся, если что-то смешно. Мы смеемся, чтобы определить что-то как достойное смеха. Смех является типичным способом контекстуализации шуточного.

Анализ речевого общения занимается изложенными в естественной обстановке шутками и анекдотами. Исследовались формы жестового, мимического и просодического маркирования шуточной модальности [Müller 1983, Schütte 1991]. В первую очередь в рамках интеракциональной социолингвистики были проведены исследования, которые выявили взаимосвязь шуточного общения и культуры той или иной группы [напр., Schütte 1991; Schwitalla 1994, 1995; Kallmeyer 1994].

Для анализа шуточного общения большое значение имеет понятие «модальность интеракции» [Kallmeyer 1978]. Оно соответствует понятию «тональность» («keying»), которое используется в этнографии коммуникации [Hymes 1974]. Пафос, преувеличение или шутка могут считаться примерами «тональности» («keying»). Модальности интеракции принимают участие в особом понимании текста [Kallmeyer 1978]. Они представляют собой подгруппу рамочной конструкции. Модальности интеракции являются способами построения рамочной конструкции, регулирующие особенное взаимоотношение высказываний с реальностью и когерентностью. В шутке связь с реальностью ослабевает и необходимо прибегнуть к специальным умозаключениям, которые должны установить «смысл в бессмыслице» («Sinn im Unsinn»), если применить выражение Фрейда (1905–1985)⁹. Высказывания становятся смешными благодаря особым приемам контекстуализации или рамочного конструирования. Инициативный

⁹ См. об интерактивных модальностях шуточного общения Kothhoff 1996a.

смех играет при этом особую роль.

Наша тема шуток над своими проблемами предполагает сопоставление рассказа о проблеме и смешного рассказа о проблеме. Вслед за исследователями контекстуализации мы исходим из того, что мужчины и женщины, рассказывающие о своей проблеме, для создания особенной рецепции сами активизируются. Хотят ли они добиться того, чтобы слушатели узнали об их проблеме и возможно посочувствовали им? Или они хотят, чтобы тема их рассказа была воспринята не как действительно существующая проблема, а как нечто забавное?

Джефферсон [Jefferson 1984] занималась изложениями проблем в разговоре и показала, что в этом контексте слушатель не обязательно поддерживает смех рассказчика. Она обсуждает эпизоды, в которых рассказчики смеются, когда они сообщают (или сообщили) о серьезной проблеме, например:

(1) Frankel TC 1.4.SO

G: *You don't want to go through all the ha:ssle?*

S: *hhh I don't know Geri.*

( )

S: *I've stopped crying uhheh-heh-heh-heh-heh.*

G: *Wuh were you crying?*

(1) Frankel TC 1.4.SO

G: *Ты же не хочешь пройти через весь этот кошмар?*

S: *xxx я не знаю, Джерри.*

( )

S: *Я перестала плакать хехехехехехе.*

G: *О, ты плакала?*

С смеется после того, как она сказала, что прекратила плакать. Джерри, однако, не смеется.

Если смех реципиента обычно представляет собой ответ на смех рассказчика и нормальное явление в повседневном общении, то в данном случае слушатель демонстрирует «восприимчивость к проблеме» («trouble-receptiveness») [Jefferson 1984: 348]. Он или она выражает тем, что он не смеется вместе

с рассказчиком, как раз то, что он или она воспринимает проблему всерьез.

Джефферсон пишет, что инициативный смех в контексте рассказа о проблеме показывает, что рассказчик или рассказчица оказывает сопротивление проблеме; он или она пытается воспринимать проблему как несерьезную. Однако слушатель может не всегда разделять это несерьезное восприятие. Он оказывается чувствительным к проблеме, если реагирует скорее на суть проблемы, переспрашивает или серьезно комментирует. В этой связи при рассказе о проблеме, чтобы добиться смеха слушателей, требуется особенно сильно контекстуализировать шуточное. Анализ примеров Джефферсон позволяет предположить, что человек, рассказывающий о своей проблеме, сам начинает смеяться над своим рассказом относительно поздно, часто только в завершающей части рассказа. Размещение смешков существенно влияет на социальное значение высказанного. Существует разница, в какой фазе изложения смеются над проблемой. Если о проблеме смешно рассказывают, то смешные аспекты темы одерживают верх.

В дальнейшем мы обращаем наше внимание на стратегии контекстуализации безобидности и комичности изложенной проблемы.

Проблемы, неудачи и другие неприятности – в шутливом изложении

В нижеприведенном тексте Анни шутит над своими студенческими прогулами. Контекстуализация смешного с самого начала препятствует возможному серьезному восприятию.

Текст 2

Разговор 6, эпизод 7

Анни (А), Бернада (В), Давид (D), Иоганн (J), Мария (M), Катарина (K), Ульф (U)

1 A: *aber stellt ihr Euch vor, ich mußte mich jetzt im*

2 *neununddreißigsten Semester exmatrikulieren.*

3 *da hamse extra ne Studienberatung eingerichtet.*

4 M.: NEI::HEHE HE
 5 U.: *es war folgende Meldung in der Presse, in Berlin*
 6 *hättense jetzt massenhaft ihre Lang =*
 7 A: *genau. ja*
 8 U: *eh die BummelaHAnten*
 9 A: *genau. aber nur die Kunstgeschichte. und ich meine,*
 10 *die anderen*
 11 U: *da hamse einen mit neunundfuffzig Semestern entdeckt.*
 12 A: *a:h, neunundfuffzig. der hat mehr als ich.*
 13 U: HEHEHEHEHE
 14 A: *auf vHierzig wollt ichHEs bringen. HEHE*
 15 U: HEHEHEHEHE
 16 K: *ja und dann?*
 17 A: *meines Wissens kam das aus der Kunstgeschichte*
 18 *der Professor Sauer hat diese unglückliche Aktion*
 19 *entrollt. scheinheilig wollte er sich erkundigen.*
 20 *was mit diesen Gestalten is, ja?*

1 A: *но представьте себе, я должна была сейчас*
 2 *с тридцать девятого семестра отчислиться.*
 3 *они специально создали учебный совет.*
 4 M.: *нет::XEXE XE*
 5 U.: *в прессе было сообщение, в Берлине*
 6 *они сейчас массово своих заядлых*
 7 A: *точно. да*
 8 U: *э прогульщиков*
 9 A: *точно. но только на истории искусства. и думаю,*
 10 *прочие*
 11 U: *тут они обнаружили одного с пятьдесят девятого семестра.*
 12 A: *а, пятьдесят девятого. у него больше, чем у меня.*
 13 U: XEXEXEXEXE
 14 A: *я хотела бы довести до сорокового. XEXE*
 15 U: XEXEXEXEXE
 16 K: *да и что потом?*

17 A: *насколько я знаю, это началось на истории искусства*
 18 *профессор Зауер эту несчастную кампанию*
 19 *развернул. он лицемерно хотел осведомиться,*
 20 *что с этими личностями, да?*

Компания как раз обсуждает, кто, когда и что изучал в вузе, когда Анни рассказывает, что ее должны были сейчас отчислить с тридцать девятого семестра. Анни предьявляет свою историю как информацию к размышлению (представьте себе). Тем самым рассказ с самого начала лишается возможного неприятного эффекта. Реакция Марии в строке 4 демонстрирует одновременно удивление и веселье. Ульф также читал, что в Берлине недавно были приняты меры против прогульщиков, категория, к которой теперь косвенно приписана Анни. Ульф оказывается совсем не чувствительным к проблеме, в отличие от слушателей в работе Джефферсон, а обостряет проблему еще и благодаря негативным определениям. Смешки функционируют в его высказывании как маркеры цитаты. Анни не протестует против определения «прогульщики», а подтверждает слова Ульфа, говоря «точно». Отчисления, рассказывает Анни дальше, происходят только на «Истории искусства». Ульф смог еще добавить, что был обнаружен один с пятьюдесятью девятью семестрами. Анни сразу же начинает спорить с ним: он продержался больше (12). Ульф смеется. В строке 14 она со смехом объявляет о своей высокой учебной цели. Ульф смеется вместе с ней. Катарина спрашивает серьезно, и Анни объясняет, что один профессор лицемерно хотел узнать, что случилось с этими личностями. Используя слово «личность», Анни для проформы перенимает позицию профессора. Однако поскольку он уже был выставлен как лицемер, ясно, что профессору нет дела до этого, он занят тем, чтобы освободить университет

от прогульчиков. Анни иронически использует обороты, которые косвенно приписываются профессору¹⁰.

Сообщение о том, что можно быть отчисленным с тридцать девятого семестра, производит ошеломляющий эффект. Столь долгое пребывание в статусе студента представляется не как недостаток, а как своего рода спорт; чем дольше учишься, тем «круче». Вопрос Катаринины не воспринимается как вопрос, как можно так долго учиться, а как вопрос, каким образом стали возможны отчисления. Анни переставляет в своем рассказе общепринятые общественные оценки: профессор является отрицательной фигурой; он испортил ей удовольствие. Она на самом деле проигравшая, – но в игре, с нормами которой она себя все равно не отождествляет. Она приглашает посмеяться вместе с ней над неконгруэнтностью норм. В данном случае победил представитель учреждения, но она тем не менее получила удовольствие.

Разумеется, необходимо иметь фоновые знания, чтобы можно было непосредственно принять легкость рассказа Анни об ее отчислении. Анни уже давно профессионально занимается синологией и поступила в вуз, чтобы получить дополнительные знания по истории искусства, имеющие отношение к Китаю. Если бы Анни действительно была женщиной, которая не справляется с учебой, то, вероятно, презентация и реценция были бы другими.

В следующем эпизоде Анни рассказывает о том, как она в одной азиатской стране, сопровождая группу, подцепила вшей, и что она сначала не поняла этого. Щекотливая тема представлена здесь так же смело, как и в двух предыдущих текстах.

Текст 3

Разговор 6, эпизод 8

Анни (А), Бернада (В), Давид (D), Иоганн (J), Мария (M), Катарина (K), Ульф (U), остальные (m).

1 A: *ich sag, des is mir so wurscht,*
2 *ich laß mir jetzt hier ne Glatze schneiden,*
3 *wenn ich Läuse hab. und dann hab ich der*
↑ *Gruppe das*

4 *gsagt, und ich sag, ich vermute, ich hab*
Läuse, (HH)

5 *hat jemand Erfahrungen mit Läusen; un*
dann ↑ meldeten

6 *sich einige, und sagten, nee Sie haben*
keine Läuse.

7 *so wie Ihre Haare ausschaun , das sin keine*
Läuse. (-)

8 D: *mhm*

9 A: *damit war ich auf Krätze. oder auf e:h*
(H) Allergie

10 *dacht ich. daß ich gegen irgendwas*
allergich bin,

11 *und (1,0) und hab nur dann verdammt*
schwarze

12 ↑ *Fingernägel immer ghabt,*

13 D: *HEHE*

14 A: *wenn ich kratzt hab HEHEHE und da*
hab ich x LäuHse

15 *glaub ich (HH) auf die AHArt und*
WeiHese schon

16 [*ermoHOrdeHEt.*

17 K: [*НАНАНАНАНАНА[АНАНАНАНА*

18 m: [*HEHEHE HEHEHE*

19 K: [*das is in schöner Kombination mit*
dem ganzen Essen.

20 m: *HEHEHEHEHEHEHEHEHE*

21 M: [*wir ham (-) gleich Eis.*

22 m: [*HEHEHEHEHE HEHEHE*

1 A: *я говорю, а ну и ладно,*

2 *выстригу волосы - будет плешь,*

3 *если у меня вши. а потом я это группе*

4 *сказала, и я говорю, кажется, у меня*
вши, (HH)

5 *кто-нибудь знает, что делать с ними; и*
тогда некоторые

6 *посмотрели и сказали, нет, у Вас нет*
вшей.

7 *если бы были вши, волосы выглядели бы*

¹⁰ *Stempel (1976) показал, что ирония эксплуатирует контраст оценок. Иронизирующий применяет речевые обороты другого человека и одновременно дистанцируется от них. В иронии мы обнаруживаем полифонию сдвоенного смысла речи [Kotthoff 1997].*

иначе. (-)

8 D: хм

9 A: Но я думала, это чесотка. или аллергия

10 я думаю, что у меня на что-то аллергия,

11 и тогда у меня были чудовищно грязные

12 ногти все время,

13 D: ХЕХЕ

14 A: если я чесалась, то я х вшей

15 думаю я, таким образом уже

16 убила.

17 K: [ХАХАХАХАХАХ[АХАХАХАХА

18 т: [ХЕХЕХЕ ХЕХЕХЕ

19 K: [хорошенькое сочетание с ужином.

20 т: ХЕХЕХЕХЕХЕХЕХЕ

21 М: [у нас как раз мороженое.

22 т: [ХЕХЕХЕХЕ ХЕХЕХЕ

Все уже знают, что у Анни недавно были вши; они уже не раз становились в разном виде темой для шуток. Непосредственно перед вышеприведенным текстом начали говорить как раз на тему паразитов и в связи с этим вспомнили о вшах. В первых трех строках текста 3 Анни сообщает, что она сказала другим присутствующим при первом же подозрении на вшей. Она ведет себя подчеркнуто бесстрашно (*is mir wurscht*). Она сообщает также своей группе туристов о случившемся и спрашивает их, имеют ли они подобный опыт. Затем она передает слова некоторых членов ее группы. Со строки 9 она описывает свой новый диагноз (чесотка или аллергия), который также не очень способствует созданию имиджа. Затем она упоминает одну очень неаппетитную деталь (чудовищно грязные ногти). Чтобы представить комичным свой позор, повествуется о деталях, о которых обычно не принято рассказывать. Они указывают на то, что рассказчица может себе позволить ничего не скрывать. Она рассматривает произошедшее с веселой стороны так, что могут быть восприняты также ужасные или угрожающие имиджу детали. Она эксплицитно находит

в этой детали абсурдно-положительные стороны, а именно – благодаря своей реакции (чесаться) она убила х вшей (14–16). В этом также заключается юмористическая неконгруэнтность в отношении к нормам. В реальном мире вши под ногтями ужасают, в субъективном мире рассказчицы они переопределяются в победу в борьбе. Все смеющиеся разделяют ее восприятие неконгруэнтности. Катарина не щадит Анни, а высказывает дружеское, ироническое замечание (19). Все смеются. Интонация в строке 19 не позволяет выявить какой-либо критический оттенок. Катарина создает дальнейшую шутивную несогласованность. Ирония свидетельствует о том, что точку зрения Анни поддерживают. Зандиг (Sandig, 196, 46) указывает на то, что в иронии взаимодействует несколько точек зрения. Высказывание Марии также не выходит за рамки дружеской иронии, которую она развивает дальше (21)¹¹. Хотя Анни иронически и упрекают в выборе подходящей темы для ужина, ее абсурдный взгляд на проблему разделяют. О восприятии точки зрения может имплицитно свидетельствовать ирония, возникающая в диалоге. Если ирония считалась бы критичной, то вероятно, она не была бы смешной. Нонконформизм Анни разделяется.

В следующем тексте со смехом рассказываю о том, как на одну знаменитую актрису со стола смахнули соевый соус и как при этом себя вели.

Текст 4

Разговор 6, эпизод 11

Анни (А), Бернада (В), Давид (D), Иоганн (J), Мария (М), Катарина (К), Ульф (U)

7 A: *jedenfalls am achten März, Frauentag, da saßen wir beim*

8 *Japaner zum Essen, und neben uns Frau Hüttinger.*

9 *in Gesellschaft, HE uHUnd plötzlich schmiHiß JohannaHA*

10 *die [Sojasauce vom TISCH*

¹¹ Такие формы коллективной иронии в дружеском контексте только сейчас начинают рассматриваться в литературе, однако часто встречаются в повседневном общении [Kotthoff 1996a, b и c].

akzeptieren,
 30 ? : [НЕНЕНЕНЕ
 31 ? : [[ja.
 32 U: [ja. kannst se ja eh nimmer anziehn.
 [НЕНЕНЕНЕ
 33 m: [НАНАНАНАНАНА
 34 M: selbst das ArgumeHEnt HE daHß
 HeiHEnrichs (-) Füße zwei
 35 Nummern gröHÖßer [siHnd НЕНЕ, als
 Ulf's НЕНЕ zog nicht. НА
 36 m: [НАНАНАНАНАНАНАНАНАНА
 37 A: is ja herrlich.

1 U: но, наконец-то, я купил себе новые
 ботинки.
 2 A: хм
 3 U: я даже и подумать не мог, тогда
 4 потому что ботинки, думал я всегда, у
 каждого свои.
 5 J: [нет, он всегда мои старые
 6 носил, но считал это нормальным.
 7 A: ХЕХЕХЕ
 8 J: если я считал, что в них нельзя боль-
 ше ходить, тогда,
 9 (0,5)
 10 U: [не, но тут он,
 11 J: [(? ?)
 12 U: тут он, они ему тоже очень понра-
 вились,
 13 A: [ХЕХЕ
 14 V: новые ботинки.
 15 U: новые ботинки. а затем они вдруг
 исчезли на целую неделю.
 16 [а потом, ,
 17 m: [ХАХАХА
 18 A: пошли погулять [ХАХАХАХАХАХА-
 ХАХАХАХАХАХА
 19 m: [ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА-
 ХАХАХАХА [ХАХАХА
 20 D: да,
 21 V: [он
 22 их хорошо разносил?
 23 U: да и и потом, э Юргену пришлось
 24 объясниться, я я был на самом деле
 25 довольно разъярен, что это: наверное,
 не слишком хорошо
 26 было бы, с ортопедической точки зре-
 ния и т.д., и потом у меня

27 уже ХЕХЕ нога в гипсе, и тогда Генрих
 мои
 28 ботинки надел, и так,
 29 J: он не хотел слушал никаких доводов,
 30 ? : [ХЕХЕХЕХЕ
 31 ? : [[да.
 32 U: [да. ты никогда больше не смо-
 жешь их носить. [ХЕХЕХЕХЕ
 33 m: [ХАХАХАХАХАХАХА
 34 M: даже довод, что ног Генриха на два
 35 размера больше, чем у Ульфа, не сму-
 тил его. ХА
 36 m: [ХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХАХА-
 ХАХАХА
 37 A: это замечательно.

В строке 1 Ульф вводит тему своих бо-
 тинок. Он думал, что Генрих не «одол-
 жит» его ботинки, но Юрген напоминает
 ему о том, что Генрих надевал его ботин-
 ки (5, 6), разумеется, с его согласия. Анни
 смеется. Вероятно, здесь необходимо упо-
 мянуть в качестве фонового знания, что
 Генрих неплохо зарабатывал и надевал
 ботинки других отнюдь не из бедности.
 Знание о наличии проблем и сострадание
 также не контекстуализируются. Ульф в
 строке 12 рассказывает, что Генриху его
 ботинки тоже очень понравились. Генрих,
 который, видимо, не обращал внимания
 на свой внешний вид, оказался все же че-
 ловеком со вкусом. Новые ботинки тогда
 однажды пропали на неделю (15). Главная
 информация преподносится очень лако-
 нично. Модальная частица halt в данном
 случае также свидетельствует о неизмен-
 ности событий. Все смеются. Анни встав-
 ляет шутливую реплику (18). Ботинки
 пошли погулять. Это звучит так, как будто
 ботинки сами решились на это. Возникает
 долгий смех. Бернада задает вопрос, ко-
 торый придает событию положительное
 значение (21/22). Ульф описывает затем
 предъявленную Генриху аргументацию,
 которую он переложил на Юргена, пото-
 му что сам был в ярости. Ульф начинает
 смеяться, когда он рассказывает о своей
 загипсованной ноге. Юрген продолжа-

ет, что Генрих считал любые аргументы неубедительными в период, когда была загипсована нога. Смешно уже то, что в данной ситуации вообще необходимо что-либо аргументировать. Ульф воспроизводит в строке 32 слова Генриха. Совершенно преувеличенным является наречие «nimmer» (больше никогда), поскольку его семантика близка к тому, что Ульф вообще никогда больше не будет ходить. В действительности, однако, ясно, что он будет носить гипс только временно. Мария со смехом приводит еще дополнительное свидетельство дерзкого поведения Генриха. Ясно, что речь идет не об осуждении Генриха, а скорее о том, чтобы интересно описать общежитие с его своеобразными нравами. Все смеются. Ботинки Ульфа были разношены; однако благодаря совершенно неслезливой форме повествования формируется позиция, с точки зрения которой это событие, в конце концов, не такое скверное. Сам процесс рассказа мог бы оказать возвышающее действие (катарсис) в смысле последующего достижения позиции легкого восприятия, которая, однако, как тенденция должна была быть достигнута уже давно.

В смешных историях рассказчики представляют себя людьми, которые понимают шутки и в состоянии еще увидеть комичное и в неприятном. Анни оценивает в конце все действие как замечательное.

В следующем примере речь идет о том, как Вивьен, философ из Америки, хотела объяснить немецким студентам понятие из философского текста на английском языке, а именно понятие «лейтмотив». Студенты указали тогда своему преподавателю на то, что это немецкое слово и им, тем самым, знакомо лучше, чем усердному преподавателю.

Текст 6

Разговор 11 (двуязычный), эпизод 4

Дон (D), Роланд (R), Вивьен (V), Венди (W)

1 V: *einmal habe ich meine Studenten gefragt,*

2 ob sie dieses Wort Leitmotiv verstanden haben,

3 und sie haben gesagt, ja Vivian,

4 das IST aHber ein deuHEtsches WoHOrt.

5 W: das is ja toll [HEHEHEHEHE

6 V: [ja HEHEHEHEHEHE

7 R: das wird halt nich übersetzt.

1 V: однажды я спросила моих студентов,

2 поняли ли они это слово «лейтмотив»,

3 а они сказали, да Вивьен,

4 это же немецкое слово.

5 W: это потрясающе [XEXEXEXEXE

6 V: [да XEXEXEXEXEXE

7 R: оно ведь не переводится.

Вивьен рассказывает о своей собственной невнимательности. Философские понятия часто не переводятся. Вивьен просто упустила, что понятие, которое она хотела объяснить, было немецким словом и тем самым не представляло для немецких студентов проблем. Она представляет это как забавное, и Венди воспринимает это так же. Роланд добавляет разъяснение. Преподавательская честь Вивьен не страдает от подобных оплошностей.

Послание, которое скрыто во всех историях, смешным образом описывающих собственные неудачи, следующее: неудачи не только не вредят собственному имиджу, а скорее укрепляют его. Только на первый взгляд кажется, что рассказчики предлагают себя в качестве мишени для насмешек; в действительности мы смеемся вместе с ними над нормативными несогласованиями и вместе с ними берем верх над обстоятельствами. Юмористы не высмеиваются и не приглашают к этому. Вряд ли они скажут «со мной такая ерунда случилась» или «я такой идиот», однако все стратегии рассказа призваны не дать повода для возникновения сожаления или сострадания или даже насмешки. Истории начинаются, как правило, без прикрас и быстро переходят к сути. Оно может даже давать некоторую пищу для размышления, как в тексте 2. Центральная информация всегда представлена со смехом и открывает простран-

ство для дальнейшей градации шутки (auf vierzig Semester wollte sie es bringen, Schuhe hatten Ausgang, Läuse passen gut zum Eis, Blumen stinken auch). Градация передает часто соль шутки; она может быть высказана самой рассказчицей или слушателем. Если ее выражают последние, то это свидетельствует, как правило, о том, что они разделяют взгляд рассказчицы на тему.

Шутки в собственный адрес показывают, с одной стороны, как прочен имидж, если исходить из положительного дружеского отношения. С другой стороны, он показывает специфику имиджа: она заключается в том, что женщины и мужчины представляют себя нонконформными, т.е. свободомыслящими. Они нарушают различные виды соглашений, принятые как в их социальном круге, так и в обществе в целом. Коттхофф [Kotthoff 1996b] показывает, что имидж, вопреки неоднократным утверждениям, не страдает от невежливости, если она преподнесена с юмором; он выдерживает и рассказы о недостатках. Если кто-то реагирует на эти истории о своих неудачах, покачивая головой или даже давая советы, он оказывается недостойным такого свидетельства доверия или губит всю игру. Иногда кто-то переспрашивает, но чаще всего смеются или добавляют что-нибудь смешное. Шутки в собственный адрес подтверждают неформальность дискурса, в котором речь идет не о позиционной идентичности [Irvine 1979], а о личной. Тем самым можно было бы назвать две различающиеся составляющие имиджа. Подшучивание

над собой осуществляется за счет той составляющей имиджа, которой можно при небрежь и не является для человека важной. У Гоффмана [Goffman 1967] и Браун/Левинсона [Brown, Levinson 1987] имидж является очень общей категорией, которая применима равным образом ко всем людям. Наряду с общими потребностями в дистанции и утверждении человек, однако, проводит собственную политику создания имиджа. Здесь отчетливо проявляется индикативная функция юмора. Юмор в свой адрес не обязательно демонстрирует неразвитое чувство самоценности, как это утверждается в психологической литературе, а совершенно специфичное чувство самоценности. Он грозит нанести ущерб не общему имиджу личности, а его составляющим, которые не являются для человека важными. В представленных эпизодах коммуниканты утверждают себя в нонконформной идентичности.

Заключение

В чисто женских группах смешные рассказы о себе очень распространены, тогда как в чисто мужских – нет¹³. Мужской юмор описывается исследователями как безличный.

Результаты указывают на то, что мужчины и женщины в прогрессивных кругах западноевропейских обществ проводят разную политику взаимоотношений в общении. Женщины обращаются со своими недостатками и неудачами комплексно; мужчины, прежде всего между собой, стараются их нивелировать¹⁴.

---

¹³ Гюнтер [Günthner 1996] обнаружила в своих данных, что женщины также чаще, чем мужчины, рассказывают истории о событиях, вызывавших их негодование, и встречают особенно у женщин ярко выраженное ответное негодование. Также в историях, рассказанных с негодованием, рассказчицы представляются людьми, которым противостоит нечто негативное. Они оказываются в ситуациях, которые они сами не могут контролировать. Это сходно с ситуациями в смешных историях о себе; разумеется, события воспринимаются здесь с демонстративной легкостью. В историях о негодовании все наоборот.

Фрейд (1905/1985) считал юмор в свой адрес зрелым юмором, потому что он демонстрировал способность к самодистанцированию. Женщины, видимо, обладают этой способностью, пусть даже на протяжении всей истории человечества ее за ними не признавали. Интересно, что среди профессионалов-комиков преобладают мужчины (например, Чарли Чаплин или Вуди Аллен), чья комичность частично основана на том, что у них все идет вкривь и

вкось. Они полностью противоречат мужским полоролевым клише и делают это также темой своего юмора.

Если изучать шутовское общение в естественном контексте, то возникает более дифференцированная картина женских и мужских стратегий юмора, чем при лабораторных исследованиях. Анализ средств массовой информации, разумеется, также представляет интерес.

Литература*

- Auer, Peter J.C.* (1986): Kontextualisierung. *Studium Linguistik* 19: 22–48.
- Bange, Pierre* (1986): Fiktion im Gespräch. In: Werner Kallmeyer (Hrsg.): *Kommunikationsstypologie*. Düsseldorf: Schwann, 117–153.
- Bateson, Gregory* (1954/1972): A Theory of Play and Phantasy. In: (Ders.): *Steps to an Ecology of Mind*. San Francisco: Chandler, 177–193. (Dt. 1981): *Ökologie des Geistes*. Frankfurt: Suhrkamp, 241–262.
- Bourdieu, Pierre / Wacquant, Loic J.D.* (1996): *Reflexive Anthropologie*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Brown, Penelope / Levinson, Stephen* (1987): *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cantor, Joanne* (1976): What is Funny to Whom? *Journal of Communication* 26 (3): 315–321.
- Cook-Gumperz, Jenny / Gumperz, John* (1976): *Context in Children's Speech*. Papers on Language and Context. Working Papers No. 46. Berkeley, Ca: Language Behavior Research Laboratory.
- Coser, Rose* (1960 / 1996): Lachen in der Fakultät. In: Helga Kottthoff (Hrsg.): *Das Gelächter der Geschlechter*. Konstanz: Universitätsverlag, 97–121.
- Ervin-Tripp, Susan / Lampert, Martin D.* (1992): Gender Differences in the Construction of Humorous Talk. In: Kira Hall, Mary Bucholtz, and Birch Moonwomon (eds.): *Locating Power*. University of California, Berkeley: Berkeley Women and Language Group.
- Fine, Gary A.* (1990): *With the Boys. Little League Baseball and Preadolescent Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Freud, Sigmund* (1905/1985): *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*. Frankfurt: Fischer.

---

¹⁴ По-разному указывается на то, что обращение со своими проблемами у женщин и мужчин очень различается. Таннен [Tannen, 1990] сообщает, что мужчины расскажут о своих проблемах скорее женщинам, чем другим мужчинам. Среди женщин, напротив, делиться своими проблемами считается основным показателем дружбы. См. сноску 13.

*Список литературы публикуется по образцу оригинала.

Goffman, Erving (1967): *Interaction Ritual*. Garden City, NY: Doubleday. (Dt. 1971): *Interaktionsrituale*. Frankfurt: Suhrkamp.

Graumann, Carl F. (1989): *Perspective Setting and Talking in Verbal Interaction*. In: Rainer Dietrich / Carl F. Graumann (eds.): *Language Processing in Social Context*. North Holland, 95–122.

Groch, Alice (1974): *Joking and Appreciation of Humor in Nursery School Children*. *Child Development* 45: 1098–1102.

Günthner, Susanne (1996): *Complaint Stories. Constructing Emotional reciprocity among Women*. In: Helga Kotthoff & Ruth Wodak (eds.): *Communicating Gender in Context*. Amsterdam: Benjamins, 179–219.

Hymes, Dell (1974): *Ways of Speaking*. In: Richard Bauman/Joel Sherzer (eds.): *Explorations in the Ethnography of Speaking*. Cambridge: Cambridge University Press, 433–451.

Irvine, Judith (1978): *Formality and Informality in Speech Events*. *Sociolinguistic Working Papers* 52. Columbus, OH

Jefferson, Call (1979): *A Technique for Inviting Laughter and its Subsequent Acceptance/Declination*. In: George Psathas (ed.): *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*. New York> Irvington, 79–96.

Jefferson, Call (1984): *on the Organization of Laughter in Talk about Troubles*. In: Max Atkinson / John Heritage (eds.): *Structures of Social Action*. Cambridge: Cambridge University Press, 346–369.

Jefferson, Call (1985): *An Exercise in the Transcription and Analysis of Laughter*. In: Teun A. van Dijk (ed.): *Handbook of Discourse Analysis*. Vol 3. London: Academic Press, 25–34.

Jenkins, Mercilee M. (1988/1996): *Was ist daran so lustig? Scherzen unter Frauen*. In: Helga Kotthoff (Hrsg.): *Das Gelächter der Geschlechter*. Konstanz: Universitätsverlag, 43–61.

Kallmeyer, Werner (1978): *„(Expressif) Eh ben dis donc, hein' pas bien“*. Zur beschreibung von Exaltation als Interaktionsmodalität. In: Rolf Kloepfer (Hrsg.): *Bildung und Ausbildung in der Romania*. München: Fink, 549–568.

Kallmeyer, Werner (1994): *Kommunikation in der Stadt*. Teil 1. Exemplarische Analysen des Sprachverhaltens in Mannheim. Berlin/New York: de Gruyter.

Kotthoff, Helga (1992): *Von gackernden Hühnern und röhrenden Hirschen. Zur Geschlechtsspezifität von Humor, Witz und Gelächter*. In: Thomas Vogel (Hrsg.): *Vom Lachen. Einem Phänomen auf der Spur*. Tübingen: Attempto, 192–211.

Kotthoff, Helga (1996a): *Spaß Verstehen. Zur Pragmatik von konversationellem Humor*. Habilitationsschrift. Universität Wien.

Kotthoff, Helga (1996b): (Hrsg.): *Scherzkommunikation. Beiträge aus der empirischen Gesprächsforschung*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Kotthoff, Helga (1996c): *Impoliteness and Conversational Joking: On Relational Politics*. *Folia Linguistica* XXX/3–4: 299–327.

Maltz, Daniel/Borker, Ruth (1982/1991): In: Susanne Güntner/Helga Kotthoff (Hrsg.): *Von fremden Stimmen*. Frankfurt: Suhrkamp.

McGhee, Paul E. (1979): *The Role of Laughter and Humor in Growing up Female*. In: Claire Kopp (ed.): *Becoming Female*. New York: Plenum Press, 199–209.

McGhee, Paul E. / Duffey, Nelda S. (1983a): *Children's Appreciation of Humor Victimizing Different Racial Ethnic Groups: Racial-Ethnic Differences*. *Journal of Cross-Cultural Psychology* 14 (1): 29–40.

McGhee, Paul E. / Duffey, Nelda S. (1983b): *The Role of Identity of the Victim in the Development of Disparagement Humor*. *Journal of General Psychology* 108: 257–270.

Müller, Klaus (1983): *Formen der Markierung von „Spaß“ und Aspekte der Organisation des Lachens in natürlichen Dialogen*. *Deutsche Sprache* 4: 289–322.

Sandig, Barbara (1996): Sprachliche perspektivierung und perspektivierende Stile. Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik 102: 36–63.

Schwitalla, Johannes (1994): Poetisches in der Alltagskommunikation. In: Dieter Halwachs/Christine Penzinger/Irmgard Stütz (Hrsg.): Sprache, Onomatologie, Rhetorik, Namen, Idiomatik, Grammatik. Festschrift für Prof. Dr. Karl Sornig. Grazer linguistische Monographien 11: 228–243.

Schwitalla, Johannes (1995): Kommunikative Stilistik zweier sozialer Welten in Mannheim-Vogelstang. Kommunikation in der Stadt, Bd. 4. Berlin/New York: de Gruyter.

Stocking, Holly / Zillmann, Dolf (1988/1996): Humor von Frauen und Männern. Einige kleine Unterschiede. In: Helga Kotthoff (Hrsg.): Das Gelächter der Geschlechter. Konstanz: Universitätsverlag, 229–247.

Painter, Dorothy S. (1988/1996): Lesbischer Humor als Normalisierungsverfahren. In: Helga Kotthoff (Hrsg.): Das Gelächter der Geschlechter. Konstanz: Universitätsverlag, 83–97.

Schütte, Wilfried (1991): Scherzkommunikation unter Orchestermusikern. Tübingen: Niemeyer.

Schulze, Gerhard (1993): Die Erlebnisgesellschaft. Kultursoziologie der Gegenwart. Frankfurt: Campus.

Tannen, Deborah (1990): You Just Don't Understand. New York: William Morrow.

Walker, Nancy (1988): A Very Serious Thing. Women's Humor and American Culture. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Zillmann, Dolf (1983): Disparagement Humor. In: Paul E. McGhee/Jeffrey H. Goldstein (eds): Handbook of Humor Research. Vol. 1. New York/Berlin: Springer, 85–107.

Ю.А. Курилович

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСЬБЫ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ДЕЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Исследуемые в статье письма-просьбы – наиболее распространенная форма деловой переписки. Как правило, целью таких писем является побуждение адресата к какому-либо действию, поэтому они названы письмами побуждения. К ним относятся следующие виды писем: письма-просьбы, запросы, заказы.

Ключевые слова: просьба, деловая корреспонденция, письмо, заказ, запрос.

Yu.A. Kurilovich

LANGUAGE-SPECIFIC WAYS OF EXPRESSING A REQUEST IN RUSSIAN AND ENGLISH BUSINESS CORRESPONDENCE

The letters of request studied in this article are the most common form of business correspondence. As a rule, the purpose of such letters is to encourage the recipient to any action and that's why they are called impellent letters and include the following types of letters: letters of request, requests and orders.

Key words: please, business correspondence, mail, order, request.

Во всем многообразии социально-коммуникативных видов деятельности и деловой коммуникации официально-деловая переписка занимает особое место. По всей видимости, зарождение и становление данного вида общения произошло, когда деловые отношения вышли за рамки непосредственно личного контакта. Деловая переписка – жанр со своей историей и традициями, нормами и стандартами, который не утратил своего значения и в настоящее время, в эпоху телефона и электронных средств связи.

Исследуемые нами письма-просьбы – это, пожалуй, наиболее распространенная форма деловой переписки. Как правило, целью таких писем является побуждение адресата к какому-либо действию, поэтому они названы письмами побуждения [Стеблецова 2001]. К ним относятся следующие виды писем: письма-просьбы, запросы, заказы. В отдельный вид побудительных писем мы вынесли письма-требования.

Языковая конструкция русских деловых побудительных писем

Прагматические характеристики писем

Все письма данной группы характеризуются общим типом целевой установки, которую можно определить как изменение предметной ситуации. Стремление адресанта добиться от адресата какого-либо действия обусловлено его желанием изменить/преобразовать уже существующее положение дел или создать новое. И то и другое неизменно ведет к изменению предметной ситуации, что является целью автора, и прогнозируемым результатом, к которому он стремится.

Письма группы побуждения являются средством реализации данной целевой установки, в их текстах воздействие оформляется в виде *просьбы* (прислать каталог товаров, разместить новость на сайте), *запроса* (предоставить необходимую информацию), *предложения* (сделать заказ на покупку /

поставку товара или услуги), *заказа* (осуществить продажу / поставку товара), *напоминание* (произвести платеж), *требования* (оплатить задолженность).

Характер воздействия на адресата в текстах писем русских коммуникантов является прямым, эксплицитно выраженным с помощью речевых актов просьбы и/или заказа, например:

письмо-просьба

В качестве оказания технической помощи просим выделить...

письмо-запрос

В целях учета... прошу вас дать...

письмо-заказ

Ссылаясь на ваше предложение... мы хотели бы сделать следующий заказ...

письмо-напоминание

Напоминаем вам о том, что ...

Как видно из приведенных примеров, речевые акты просьбы и запроса выражены эксплицитно с помощью глаголов *прошу, просим, просим сообщить*, а также словосочетанием «глагол + существительное» *сделать заказ*.

Адресантом деловых писем группы побуждения могут выступать коммерческая или производственная организация (письма-просьбы, заказы, запросы, требования), общественная или государственная организация (письма-просьбы, заказы) или гражданин (письма-просьбы, запросы), которые по своему коммуникативно-ролевому статусу являются заказчиком / покупателем или лицом, нуждающимся в информации.

Адресатом деловых писем побуждения могут выступать коммерческая или производственная организация (письма-просьбы, заказы, запросы, требования), общественная или государственная организация (письма-просьбы, запросы) или гражданин (письма-просьбы), которые по своему коммуникативно-ролевому статусу являются потенциальными продавцами \ поставщиками или лицами, способными предоставить нужную информацию или услугу.

Характер отношений между коммуникан-

тами – официально-деловой или деловой, уровень отношений в большинстве случаев – равный, партнерский.

Социальная дистанция может быть и далекой, и близкой.

В рамках своего дискурса побудительные письма являются письмами- стимулами, а их адресанты – инициаторами коммуникации, однако это не всегда свидетельство первого контакта адресанта и адресата. Письма-заказы, напоминания или требования, как правило, являются не первым контактом между корреспондентами.

По характеру бенефактивности речевого воздействия тексты писем-просьб, заказов, запросов, требований являются бенефактивными для адресанта. Однако в плане прогнозируемого результата письма-заказы – всегда, а письма-просьбы и запросы – часто оказываются взаимовыгодными, то есть бенефактивными для обоих, так как совершение адресатом предписываемого ему действия может вести к продолжению контактов и успешному сотрудничеству.

Характер национальной направленности текстов писем может быть как национальный (внутрикультурный), так и межнациональный (межкультурный).

Текстовая характеристика писем

Общий содержательный тип текстов побудительных писем можно определить как формирование новой предметной ситуации, то есть в письмах отражается стремление адресанта так или иначе изменить положение действительности; письма способствуют созданию новой предметной ситуации или приведению старой в соответствие с целевыми установками адресанта. Общий содержательный тип текста реализуется в отдельном виде текста, создавая тем самым жанрово-тематический тип текста, а именно:

- *письмо-просьба* является попыткой сформировать новую предметную ситуацию посредством воздействия на адресата, который, в случае успешности этого воздействия, совершит предписываемое ему дей-

ствие, и, следовательно, сформирует новую ситуацию, например:

Уважаемая Татьяна Валерьевна!

ООО «ARC» просит предоставить нашему изданию ювелирные украшения в количестве _____ на сумму _____ для проведения фотосъемки...;

- *письмо-запрос* формирует новую предметную ситуацию, так как в случае успешности воздействия на адресата, адресант получит необходимую ему информацию, например:

ООО «ARC» просит предоставить данные по опробованию и клеймению ювелирных украшений в Инспекции пробирного надзора за прошедший квартал;

- *письмо-заказ* формирует новую предметную ситуацию, так как в случае успешности воздействия на адресата, адресант получит необходимый ему товар или услугу, например:

Уважаемый Владислав Сергеевич!

Согласно п.4 договора № 09-2010/3 от 27 января 2009 г. ООО «ARC» просит предоставить нашему изданию ювелирные украшения на сумму _____ в качестве оплаты услуг...

В текстах писем основным способом раскрытия темы является номинация. В пропозициональном содержании речевых актов просьб, запроса, заказа и др. содержится прямое обозначение предмета, например:

Просим вас забронировать номер в гостинице...

Мы бы хотели сделать заказ по закупке 10 партий...

В текстах писем-просьб, запросов часто содержится мотивация данного речевого действия, например:

В целях учета объемов транспортировки...

В связи с производственной необходимостью...

Своеобразие композиционно-тематического структурирования текстов писем состоит в том, что в текстах писем-просьб отсутствует обращение. В этом случае

идентифицирующую и контактоустанавливающую функции выполняет предтекстовый блок, в котором указана фамилия и должность адресата в дательном падеже, например:

Директору ООО «ARC»
Банникову К.Л.

Текст письма может быть представлен как в виде одного абзаца, содержащего и просьбу (или иной речевой акт) и ее мотивацию, так и в нескольких абзацах, выполняющих функции осуществления речевого акта, мотивов обращения.

Характер информации, представленный в письмах, можно определить как фактуальный или апеллятивный, способ подачи информации – сжатый. Информационный минимум представлен полностью.

Объем текста письма при распечатке, как правило, не превышает одной страницы формата А4.

Тексты писем характеризуются как внутритекстовым (локальным) видом связности, осуществляющейся с помощью языковых средств: местоименные замены, синонимические повторы, например, «товар... изделия... продукт...», так и надтекстовым видом связности или дискурсивной связностью, реализуемой языковыми средствами, обычно синтаксическими оборотами, указывающими на повторный контакт между коммуникантами, например: «*Благодарим Вас за Ваше письмо от...*», «*Согласно Вашему предложению от...*».

Визуально-композиционные и орфографико-пунктуационные характеристики писем

В плане расположения композиционно-тематических частей текста письма-просьбы следуют традиционному для русской деловой переписки шаблону.

Обращение располагается в середине строки. В случае его отсутствия, в правом верхнем углу располагается блок, содержащий название должности и фамилию адресата в дательном падеже.

Основная часть структурируется в виде

одного или нескольких абзацев, каждый из которых начинается с красной строки. Пробел между абзацами может быть как одинарным, так и двойным. Блок подписи адресанта состоит из названия его должности и фамилии, которые соответственно располагаются в несколько строк по левому краю поля до края правого поля.

Наиболее распространенным размером шрифта является 12 или 14, реже встречается 10, тип Times New Roman.

В плане пунктуационного оформления особенностью русского делового письма является написание обращения «Вы» во всех падежах с большой буквы. Обращение всегда обособляется восклицательным знаком. Отмечается отсутствие точек в оформлении реквизитных частей (адреса корреспондентов), а также части подписи.

Пунктуационное оформление основной части соответствует общим правилам русского языка. Отмечается использование сокращений, например, экз. – экземпляр, г-н, г-жа – господин, госпожа, г. – город.

Языковая характеристика писем

В текстах писем доля использования стилистически окрашенной лексики функционального характера преобладает над долей использования стилистически нейтральной лексики. Среди случаев употребления функциональной лексики отмечены следующие виды:

– книжно-письменная лексика в виде отдельных лексем и словосочетаний, например: *в связи с вышеизложенным, на основании вышеизложенного, неоднократно поощрялся;*

– коммерческие, технические и производственные термины, например: *таможенная очистка...*;

– официальные и деловые клише и штампы, например: *производственная необходимость...*;

– сокращения производственного, технического или юридического характера, принятые в той или иной отрасли, например: *ст.* (статья), *г.р.* (год рождения), *температур-*

ный график ГВС...

Случаи употребления лексики эмоционально-экспрессивного характера отмечены в письмах-просьбах между социально близкими или равными коммуникантами, например:

Умоляю, переделай КП и включи в него следующие позиции из спецификации...

В плане выбора синтаксических средств в текстах писем-просьб доля использования простых предложений несколько выше доли использования сложных предложений. Простые повествовательные предложения обычно распространены причастными и однородными членами, вводными оборотами с отыменными предлогами, например:

В соответствии с п. 4 Договора от..., прошу Вас выслать...

В текстах писем-заказов используются неполные предложения, обычно для номинации технических характеристик заказываемого товара, например:

...прошу просчитать стоимость, возможную скидку и сроки выполнения следующего заказа: 1) Разборный пластинчатый теплообменник Alfa Laval M10-BFG/55nn Dn100 (отопл.) – 2 шт. 2) Разборный пластинчатый теплообменник Alfa Laval M6-FG/44nn Dn50 (ГВС 1ст.) – 2 шт.

Нормативная характеристика писем

Тексты побудительных писем соответствуют официально-деловому и деловому стилю, формальному и нейтральному регистру. Способ их композиционного построения, тематического структурирования отличается стандартизированным, клишированным характером.

Соблюдение этических норм проявляется в следовании общим правилам в выборе форм обращения (*Уважаемый Валерий Владимирович, Уважаемые коллеги*), в капитализации местоимения Вы, в изложении мотивов побуждения. Данные черты позволяют считать рассмотренные тексты соответствующими жанровому канону русского делового письма.

Языковая конструкция английских деловых побудительных писем

Прагматические характеристики писем

Основным способом выражения просьбы является императивная конструкция с наречием *please*, например:

Please be so kind to provide me by the information requested here below. The customer needs it urgently (Пожалуйста, будьте так добры предоставить мне информацию, запрошенную ниже. Клиенту она нужна срочно).

Характер и способ воздействия на адресата в текстах писем варьируется от прямых эксплицитно выраженных императивных конструкций до косвенных речевых актов, синтаксически оформленных как косвенные вопросы.

Так, в письмах-просьбах при выполнении речевого акта просьбы наиболее распространенным способом ее оформления является вопросительная конструкция с модальным глаголом *could*, например:

Could you make us an offer for such medicine? (Не могли бы вы прислать нам свое предложение на эти лекарства?)

Please could you confirm that the prices in your catalogue are still correct (Не могли бы вы подтвердить, что цены, представленные в вашем каталоге, действительны).

Достаточно частотным способом реализации просьбы является косвенный вопрос с модальным глаголом *could*, например:

I would be extremely grateful if you could spare the time to tell us ... (Я был бы очень признателен, если бы вы уделите время...).

Отмечается также использование перформативных глаголов в сочетании с оборотами (наречие, модальные глаголы) вежливого, этикетного характера, например:

In the meantime we kindly ask you to introduce your orders either by letter or fax to our office... (Просим вас представить ваш заказ письмом или факсом в наш офис).

В письмах-запросах преобладают прямые и косвенные вопросительные конструкции с глаголом *could*:

I would be very interested in hearing how

you feel this could be marked in Kazakhstan? (Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение по поводу того, может ли этот продукт пользоваться спросом в Казахстане?).

Could you please inform us about the results of the research? (Не могли бы вы сообщить нам о результатах исследования?).

В письмах-заказах преимущественно используются перформативные фразы (перформативный глагол + этикетная фраза), например:

I would like to order... (Я бы хотел заказать...).

I would please to place the order... (Я бы хотел разместить заказ...).

Would you please reserve... (Пожалуйста, зарезервируйте...).

I would like to make a reservation... (Я бы хотел забронировать...).

Перформативные фразы (перформативный глагол + модальный глагол со значением долженствования/вынужденности) используется в письмах-требованиях:

I really must insist, therefore, that you refund at least 10% of our money (Таким образом, я вынужден настаивать, чтобы вы возвратили, по меньшей мере, 10% наших денег).

I must urge you to take immediate actions ... (Я должен потребовать, чтобы вы предприняли немедленные действия...).

Адресантом деловых побудительных писем могут выступать: коммерческая или производственная организация (письма-просьбы, заказы, запросы, требования), общественная или государственная организация (письма-просьбы, заказы), или частное лицо (письма-просьбы, запросы), которые по своему коммуникативно-ролевому статусу являются заказчиком / покупателем или лицом, нуждающимся в информации.

Адресатом деловых побудительных писем могут выступать коммерческая или производственная организация (письма-просьбы, заказы, запросы, требования), общественная или государственная организация (письма-просьбы, запросы), частное лицо (письма-просьбы), которые по своему коммуникативно-ролевому статусу являют-

ся потенциальными продавцами / поставщиками или лицами, способными предоставить нужную информацию или услугу.

Характер отношений между адресантом и адресатом писем побуждения можно определить как официально-деловой или деловой уровень отношений, в большинстве случаев – равный или партнерский. Социальная дистанция может быть и далекой, и близкой.

В рамках своего дискурса все письма побуждения являются письмами-стимулами, то есть инициаторами коммуникации, однако, как показывает практика деловой корреспонденции, только письма-запросы и, реже, письма-просьбы могут являться примерами действительно первого контакта между адресантом и адресатом. Письма-заказы, предложения, требования, как правило, демонстрируют не первый случай контакта между корреспондентами.

По характеру бенефактивности речевого действия тексты писем-просьб, заказов, запросов, требований характеризуются как бенефактивные для адресанта; предложения как бенефактивные для адресата; однако в плане прогнозируемого результата письма-заказы – всегда, а письма-просьбы и запросы – часто оказываются взаимовыгодными, то есть бенефактивными для обоих, так как совершение адресатом предписываемого ему действия может вести к продолжению контактов и успешному сотрудничеству.

Характер национальной направленности текстов писем побуждения может быть как национальный (внутрикультурный, так и межнациональный (межкультурный).

Текстовая характеристика английских писем побуждения

Тексты писем побуждения на английском языке характеризуются общим содержательным типом текстов, который можно определить как формирование предметной ситуации, то есть письма, отражая стремление адресанта так или иначе изменить положение в действительности, языковыми средствами способствуют созданию новой

предметной ситуации или приведению старой в соответствие с целевыми установками адресанта.

Общий содержательный тип текста реализуется в отдельном жанрово-тематическом типе, а именно:

- жанрово-тематический тип письма-просьбы представляет собой попытку адресанта побудить адресата к разнообразным действиям, например прислать каталог, назначить время встречи и др.;

- особой разновидностью писем-просьб являются просьбы об оплате. Их отличает многоступенчатая стратегия выбора речевых действий, выражающаяся в использовании различных оттенков просьбы – от вежливого намека-напоминания до требования;

- жанрово-тематический тип письма-запроса представляет собой попытки адресанта побудить адресата к преодолению разнообразной информации;

- жанрово-тематический тип письма-заказа представляет собой побуждение адресанта к поставке / продаже того или иного товара;

- жанрово-тематический тип письма-требования является по сути разновидностью просьбы, но в отличие от нее побуждает адресата к действиям, которые тот должен был совершить, но по каким-то причинам не сделал этого. Обычно к требованиям прибегают в случае неуспешности предыдущих просьб.

В текстах побудительных писем основным способом раскрытия темы является номинация. В пропозициональном содержании речевых актов просьбы, запроса, заказа содержится прямое обозначение предмета, например:

Please kindly let me know when ampoules for ODO will be ready for shipment (Пожалуйста, сообщите мне, когда ампулы для ОДО будут готовы к отгрузке).

В некоторых случаях тема письма выносится в отдельный блок, иногда с обозначением Re: (англ. Regarding – относительно), который еще до прочтения текста письма позволяет адресату понять, о чем идет речь,

что будет составлять тематическое содержание письма. В ответе на письмо, полученное по электронной почте, Re ставится почтовой программой автоматически.

В некоторых письмах-заказах номинативного способа раскрытия темы достаточно для выполнения речевого действия и достижения желаемого результата. Обычно это происходит, когда тема не является новой для адресата, она уже поднималась в ходе предшествующего дискурса и необходимость ее детального описания отсутствует. В таких случаях тема раскрывается в одном абзаце, который и является основной композиционно-тематической частью письма, например, письмо-заказ или его разновидность – бронирование или резервирование билета, места в гостинице и проч.

Dear Mr..

(Уважаемый господин...)

Характер информации, представленной в побудительных письмах, можно охарактеризовать как фактуальный и апеллятивный способ подачи информации: развернутый – в письмах-просьбах, требованиях, сжатый – в письмах-заказах. Информационный минимум представлен полностью.

Объем текстов писем побуждения, как правило, не превышает одной страницы формата А4.

Тексты писем характеризуются как внутритекстовым (локальным) видом связности, осуществляющейся с помощью языковых (местоименные замены, синонимические повторы, артикли, параллельные синтаксические обороты), так и надтекстовым видом связности или дискурсивной связностью, реализуемой языковыми средствами, обычно синтаксическими оборотами, указывающими на реактивный характер данных писем и на их место (реакция на стимул) в целом дискурсе.

Пример внутритекстовой связности:

If goods leave the stock as in this case of Saugella Russia, please show us this by using the column adjustments (Если товар отправили на склад, как в случае с Saugella в России, пожалуйста, покажите нам это, используя

колонку корректировки).

Пример надтекстовой связанности:

Further to my letter dated 28 may I can inform you... (В дополнение к моему письму от 28 мая я могу сообщить вам...).

Визуально-композиционные и орфографико-пунктуационные характеристики английских писем побуждения

В плане расположения композиционно-тематических частей текста, а также их пунктуационного оформления письма-просьбы демонстрируют следование традиционным для англоязычной деловой переписки нормам, а именно:

- использование Block Style, в соответствии с которыми все композиционно-тематические части текста (обращение, основная часть, завершающая часть, подпись) располагаются от левого края поля строки и отделяются друг от друга полуторным или двойным интервалом;

- использование наиболее типичных шрифтов Times New Roman и Arial, 12 или 14 кегля;

- произвольное использование капитализации, выделения, курсива, подчеркивания – обычно в качестве дополнительного графического средства привлечения внимания адресата к информационно и тематически значимым частям текста.

Языковая характеристика английских писем побуждения

В текстах писем на английском языке стилистически нейтральная общеупотребительная (межстилевая) лексика преобладает над стилистически окрашенной лексикой функционального характера.

Тем не менее, использование разнообразных видов функциональной лексики настолько значительно, что, даже уступая общеупотребительной лексике в количественном отношении, в качественном смысле использование стилистически окрашенной лексики функционального характера является одним из языковых средств, создающих жанрово-стилистическую специфику

делового письма.

В текстах писем побуждения отмечено значительное количество случаев употребления стилистически окрашенной лексики функционального характера, например:

- книжно-письменной лексики, которая является принадлежностью формального регистра (devalue / девальвировать; spare the time / уделить время);

- специальной лексики, к которой относятся бизнес-терминология, деловые клише (credit terms / условия кредитования).

Использование эмоционально-экспрессивной лексики положительной оценки сопровождает речевые действия просьбы, заказа, запроса, например:

Please kindly let me know when... (Пожалуйста, сообщите мне, когда...).

Однако тексты писем-требований оплаты представляют образцы лексики отрицательной оценки: regret / сожалеть, unsuccessfull / безуспешный, blame / вина, oversight / недосмотр, что связано с желанием адресанта выразить свое разочарование относительно того, что адресат не выполнил свои обязательства и сожаление, что поэтому адресанту приходится совершать такое невежливое речевое действие, как требование:

We are sending this letter to you with regret, that previous efforts to obtain payment of your account have been unsuccessfull (С сожалением отправляем вам это письмо, так как все наши предыдущие усилия получить от вас платеж оказались безуспешными).

Употребление различных частей речи в побудительных письмах на английском языке можно охарактеризовать следующим образом: высокая частотность употребления существительных, средняя частотность употребления глаголов, предлогов, местоимений и низкая частотность употребления прилагательных и артиклей. Во всех побудительных письмах отдается предпочтение использованию однозначной лексики конкретной семантики.

В плане выбора синтаксических средств в текстах писем побуждения доля использования сложных предложений более

значительна по сравнению с долей использования простых предложений. При употреблении последних предпочтение отдается простым полным предложениям. Доля употребления простых неполных предложений незначительна и используется в основном тогда, когда отдельно обозначена тема письма, например:

Congress information (Информация о конгрессе).

В текстах писем-заказов доля использования простых предложений выше доли использования сложных предложений. Во всех остальных жанрово-тематических типах писем побуждения употребление сложных предложений оказывается более частотным.

Повествовательные предложения являются основным используемым видом предложений во всех видах побудительных писем.

Вопросительные предложения не отличаются частотностью употребления и практически не используются в письмах-заказах, запросах, требованиях.

Доля использования синтаксических конструкций активного залога более значительна по сравнению с использованием конструкций страдательного залога, хотя последние также используются.

В текстах побудительных писем отмечены случаи употребления синтаксических повторов и инверсий, например:

You'll find that...

You'll receive...

You'll get...

Should you need further information, please contact me (В случае, если вам потребуется дальнейшая информация, пожалуйста, свяжитесь со мной).

В письмах-просьбах широко используются императивные предложения с наречием *пожалуйста*, например:

Please, send me... (Пожалуйста, пришлите мне).

Нормативная характеристика английских писем побуждения

Тексты побудительных писем на английском языке отличает отнесенность к официально-деловому стилю, формальному регистру.

В плане жанрового соответствия тексты писем-просьб, запросов, заказов, требований демонстрируют полное соответствие жанровому канону делового письма соответствующего типа, так как ясно и недвусмысленно реализуют установку адресанта и адекватно отражают содержательный тип письма.

В плане этикетного соответствия рассматриваемые тексты демонстрируют полное соблюдение этикетных норм в тематически-композиционных частях:

- обращении, в котором используются нормативные формы:

Dear Sirs (Уважаемые господа), *Dear Mr. Ivanov* (Уважаемый господин Иванов) и др.;

- основной части, к которой в случае повторного контакта всегда есть ссылка или выражение благодарности:

Thank you for your letter...

- завершающей части, в которой соблюдается правило комплиментарного окончания письма, содержащее благодарность за внимание, предложение помощи или выражение надежды на дальнейшее сотрудничество:

I look forward to hearing from you (С нетерпением жду ответа)...

В текстах побудительных писем наиболее ярко проявляется соблюдение этикетных норм при совершении речевых актов. Ведь обращения с просьбой, запросом и тем более с требованием являются действиями, которые могут поставить адресата в затруднительное положение, поэтому при их совершении адресанту особенно важно строго следовать принципу вежливости. Соблюдение этого принципа проявляется:

- в преимущественном использовании косвенных речевых актов, например:

We would be extremely grateful if you could spare the time to... (Мы были бы очень признательны, если бы вы уделите время...); *I would be very interested in hearing how you feel this could be marketed in Kazakhstan* (Мне было бы очень интересно узнать ваше мнение о том, может ли этот продукт пользоваться спросом в Казахстане);

- снижении категоричности прямых ре-

чевых актов путем модификации перформативного глагола, а именно замена ядерного речевого акта с глаголом в первом лице единственного числа настоящего времени (Я прошу..., Я требую...) на более приемлемые, с точки зрения вежливости, перформативные фразы, где категоричность перформативного глагола снижается с помощью модальных глаголов, этикетных фраз:

We kindly ask you to introduce... (Мы просим предоставить...).

- снижении категоричности императивных конструкций путем дополнения их наречием *пожалуйста*:

Please kindly let us know when... (Пожалуйста, дайте нам знать когда...).

- в создании общей позитивной тональности текста, что особенно ярко проявляется в письмах-требованиях, в которых адресант, осуществляя вполне понятное давление на адресата (потому что последний не выполнил каких-то обязательств, договоренностей), избирает стратегию завершения письма на позитивной ноте, например:

If you send your payment within two weeks, you'll avoid legal action we'll otherwise take (Заплатив в течение следующих двух недель, вы избегнете судебных действий, которые мы, в противном случае, будем вынуждены предпринять).

Сопоставительный анализ английского и русского делового письма-просьбы

После описания побудительных писем на английском и русском языках, использующихся в сфере деловой коммуникации, можно проанализировать их сходства и различия в прагматических, текстовых, визуально-композиционных, орфографически-пунктуационных и нормативных характеристиках.

С точки зрения прагматических характеристик общей целевой установки, деловые письма-просьбы имеют одинаковые типы целей, что обусловлено их использованием в одной функциональной сфере, участники которой подчиняются одним и тем же социальным закономерностям: письма-просьбы

преследуют цель – изменение предметной ситуации.

В письмах побуждения на английском языке наиболее ярко проявляется воздействие на адресата, где речевые акты (просьба, запрос, заказ) являются косвенными и оформлены как косвенные вопросы, с обилием этикетных и экспрессивных оборотов. Употребление прямых речевых актов менее частотно, но в обоих случаях всегда используется наречие *пожалуйста*.

В русских письмах побуждения характер воздействия на адресата является прямым, эксплицитно выраженным с помощью речевых актов просьбы, заказа, запроса. Иногда побуждение к действию осуществляется с помощью речевого акта требования или предупреждения. Вместе с тем нельзя утверждать, что косвенный способ осуществления воздействия в текстах русских писем полностью отсутствует, однако его использование значительно уступает частотности употребления прямых языковых форм для реализации воздействия на адресата.

Таким образом, тексты английского делового письма-просьбы отличаются большим разнообразием косвенных форм воздействия на адресата, а воздействие в текстах русских писем носит более открытый характер с преобладанием эксплицитных форм его речевой реализации.

С точки зрения факторов адресата и адресанта делового письма-просьбы, их социально-профессиональных и дискурсивных статусов в текстах писем отмечено больше сходств, чем различий. Адресатами и адресантами текстов писем-просьб выступают официальные, коммерческие производственные компании, организации и учреждения. Все они выполняют сходные дискурсивные функции заказчиков или исполнителей, продавцов или покупателей.

С точки зрения факторов отношений между адресатами и адресантами в текстах и русских, и английских писем-просьб преобладает официально-деловой характер отношений, равный, партнерский уровень отношений.

	Письма-просьбы на английском языке	Русские письма-просьбы
Лексические сходства и различия	<ul style="list-style-type: none"> • преобладание стилистически нейтральной лексики над стилистически окрашенной; • высокая степень использования стилистически окрашенной функциональной лексики: книжно-письменной, специальной (коммерческие термины), деловые клише; • средняя степень использования эмоционально-экспрессивной лексики со значением положительной оценки (письма-просьбы, запросы, заказы); • средняя степень использования эмоционально-экспрессивной лексики со значением негативной оценки (требования). 	<ul style="list-style-type: none"> • преобладание стилистически нейтральной лексики над стилистически окрашенной; • средняя степень использования лексики функционального характера, книжно-письменные лексемы и словосочетания, коммерческие и производственные термины, официально-деловые клише; • низкая доля использования сокращений при употреблении специальной лексики производственного характера; • эпизодическое использование эмоционально-экспрессивной лексики со значением негативной оценки.
Синтаксические сходства и различия	<ul style="list-style-type: none"> • незначительное преобладание сложных повествовательных предложений над простыми (просьбы, запросы, требования); • преобладание простых предложений в письмах-заказах; • использование неполных предложений для синтаксического оформления отдельно вынесенной темы писем и в письмах-заказах. 	<ul style="list-style-type: none"> • преобладание использования простых предложений над сложными; • использование неполных предложений в письмах-заказах, а также использование неполных предложений в качестве одного придаточного сложного предложения в остальных видах писем-просьб; • использование причастных и деепричастных оборотов для распространения деловых предложений.

С точки зрения текстовых характеристик содержание писем-просьб и на русском, и на английском языках отражает общий тип формирования новой и/или изменение старой предметной ситуации.

В плане выбора способов раскрытия

темы – номинация, декларация, описание, повествование – в текстах писем обеих культур они также используются сходным образом. Выявленные различия относятся к способу структурирования темы, а именно: в текстах русских писем-просьб представ-

ление и развитие темы в одном абзаце (а иногда в одном предложении) встречается чаще, чем в английских письмах, где тема обычно представлена и развивается в нескольких абзацах.

В плане информационного наполнения, способа подачи и степени полноты и обязательности представления информационного минимума английские деловые письма-просьбы в большинстве случаев отличаются развернутым способом подачи информации и полнотой представления информационного минимума. Русские деловые письма чаще демонстрируют сжатый способ подачи информации и частичное представление информационного минимума.

Большинство английских деловых писем-просьб в плане визуально-композиционного оформления следует отнести к так называемому Block Style, в соответствии с которым все композиционно-тематические части текста (обращение, основная часть, завершающая часть, подпись) располагаются от левого края строки и отделяются друг от друга полуторным или двойным пробелом.

В русских деловых письмах обращение располагается в середине строки. Основная часть формируется из одного или нескольких абзацев, каждый из которых начинается с красной строки.

Наиболее распространенным размером шрифта в письмах обеих культур является 12 или 14, тип Times New Roman. В плане визуально-графических средств английские деловые письма отличаются большим разнообразием и частотностью их использования: курсив, подчеркивание, выделение – наиболее типичные приемы. Русские деловые письма не отличаются использованием визуально-графических средств.

Главным орфографико-пунктуационным отличием английских текстов писем-просьб от русских является используемый «открытый» способ при оформлении обращения, при котором в обращении отсутствуют какие-либо знаки препинания. Также любая форма обращения выделяется заглавной буквой (*Dear Mr. Smirnov, Dear Madam*).

В русских деловых письмах обращение завершается, как правило, восклицательным знаком. Формы обращения *господин* или *госпожа*, получающие в последнее время все большее распространение, не выделяются заглавной буквой и пишутся, как правило, в сокращенном виде (*г-н Вознесенский, г-жа Усольская*). В русском деловом письме-просьбе местоимение Вы во всех падежных формах употребляется с заглавной буквы.

В орфографическо-пунктуационном оформлении основной части письма образцы обеих культур следуют своим орфографическим и пунктуационным правилам, различия между которыми являются характерными не столько для делового письма, сколько для его письменного языка, и поэтому не являются релевантными для выявления национально-культурной специфики.

Английские и русские деловые письма-просьбы располагают достаточно разнообразной языковой характеристикой системы лексических и синтаксических средств, которые используются для создания жанрово-стилистического разнообразия текстов, а также для достижения максимальной эффективности их воздействия на адресата.

В плане выбора и применения лексических и синтаксических средств тексты побудительных писем обеих деловых культур проявляют как сходства, так и различия.

В процентном соотношении различных типов лексики нами понимаются:

- высокая степень использования – 70-90% или преобладание – более 70%;
- средняя степень использования – 50-60% или широкое использование – более 60%;
- низкая степень использования – 20-40% или эпизодическое использование – не более 5-10%.

Полученные результаты позволяют отметить значительное сходство между текстами английских и русских деловых писем-просьб в плане выбора используемых лексических средств. В большинстве текстов обеих культур степень использования стилистически нейтральной лексики выше доли использования стилистически окрашенной лексики,

однако употребление официально-деловых оборотов и клише создает языковой стиль делового письма.

Основные различия между используемыми в текстах английских и русских побудительных писем синтаксических средств заключаются в частотности использования того или иного типа предложения. Так, использование простых предложений преобладает в текстах русских писем, использование сложных – в текстах английских писем-просьб.

Сопоставление текстов английских и русских деловых писем-просьб, с точки зрения нормативных характеристик, обнаруживает между ними больше различий, чем сходств, особенно в плане этикетной конвенциональности текстов.

К числу сходств, обнаруженных в текстах английских и русских побудительных писем, можно отнести их полное или частичное соответствие официально-деловому стилю, формальному регистру. Лишь отдельные образцы писем-просьб, при общем соблюдении официальных стилевых норм, демонстрируют элементы отнесенности к неформальному регистру, такие, например, как использование обиходно-разговорной лексики, вопросительных (англ.) и восклицательных (рус.) конструкций, в целом нетипичных для делового письма.

Подобный отход от канонов формального регистра объясняется дополнительными прагматическими задачами коммуникантов, которые состоят в стремлении сократить коммуникативную дистанцию между собой, создать уже при первом контакте впечатление дружеских доверительных отношений и, в конечном счете, повысить коммуникативную действенность коммуникации.

Английские и русские побудительные письма обнаруживают значительные различия с точки зрения фактора их этикетной отнесенности к жанрово-стилистическому канону делового письма. Большинство английских образцов демонстрируют строгое соблюдение речевых этикетных норм во всех композиционно-тематических частях текста,

под которыми мы, вслед за А.О. Стрельцовой, понимаем:

– Соответствие формы обращения и формы завершения письма. Согласно этикетным правилам английского делового письма, обращение к адресату по имени (*Dear Mr. Osgud*) требует в завершающей части формы *Yours sincerely*, а обращение к адресату, имя которого не известно или к группе лиц (*Dear Madam; Dears Sirs*) требует *Yours faithfully*. Еще одним этикетным правилом, связанным с формой обращения, является обращение к женщине – деловому партнеру без точного указания на ее семейное положение (*Ms. Hollyfield*).

– Использование ритуализированных речевых форм выражения эмоций и чувств в основной части текста. Так, сообщение адресату благоприятной для него информации обязательно сопровождается выражением радости, удовлетворения со стороны адресанта, и наоборот, сообщение адресату неблагоприятной информации сопровождается выражением сочувствия, сожаления со стороны адресанта.

– Выражение благодарности за письмо в случае повторного контакта, использующееся как наиболее приемлемое с точки зрения этикета начало письма и комплиментарное окончание как наиболее типичное и благоприятное завершение письма [Стеблецова 2001: 183].

Тексты русских деловых писем не всегда соответствуют этикетным правилам делового письма. Частичное несоответствие проявляется зачастую в отсутствии в ряде случаев выражений благодарности за полученное письмо в начале текста, в отсутствии этикетных выражений в завершающей части письма.

Отсутствие или ограниченное использование этикетных выражений эмоций и чувств в основной части текста связано с тем, что нормы и правила русского делового письма не предусматривают их обязательного использования, а говорят лишь об уместности их выражения.

Традиционно в русской деловой переписи

ске основной упор делается на лаконичность и объективность письма, а не на его соответствие этикетным нормам, «текст письма должен быть лаконичным, последовательным, убедительным и корректным. Факты и события должны представляться объективно...» [Стенюков 1998: 32].

Английские деловые письма побуждения

являются яркими образцами приоритетности стратегии вежливости при осуществлении прагматической цели письма.

В плане стандартизованности текста и русские и английские деловые письма-просьбы отличаются шаблонным характером как в композиционном плане, так и в выборе языковых и визуально графических средств.

Литература

Стеблецова А.О. Национально-культурная специфика делового текста: На материале английского и русского языков. Диссертация ... кандидата филологических наук. – Воронеж, 2001. – 212 с.

Стенюков М.В. Документы. Делопроизводство. – М.: ПРИОР, 1998. – 144 с.

Н.В. Дмитрюк, К. Медведева

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследуя этнические стереотипы языкового сознания, авторы анализируют этнокультурные и социально-исторические стороны этого сложного ментального процесса. В статье проведен теоретико-экспериментальный этнопсихолингвистический анализ взаимодействия русской диаспоры и титульного этноса Казахстана.

Ключевые слова: идентичность, этнос, культура, этнический стереотип, языковое сознание, этнопсихолингвистика.

N.V. Dmitryuk, K. Medvedeva

ETHNIC IDENTITY AND THE PROBLEMS OF TOLERANCE IN TERMS OF ETHNOLINGUISTICS

While studying ethnic stereotypes of the language consciousness, the author examines ethnic, cultural, social and historical aspects of this complex mental activity. The article analyses on the basis of psycholinguistics the relationships between the Russian expat community and the titular ethnic group in Kazakhstan.

Key words: identity, ethnos, culture, ethnic stereotypes, linguistic consciousness, psycholinguistics

Вопросы этнической идентификации и этнических стереотипов в процессе межкультурной коммуникации становятся с каждым днем все более актуальными. Выбранная нами тема несколько выходит за рамки так называемой «чистой лингвистики», потому что, исследуя этнические стереотипы языкового сознания, важно учитывать этнокультурные и социально-исторические стороны этого сложного ментального процесса.

С другой стороны, межкультурное общение – наиболее важное и широко разрабатываемое направление в современной науке.

Действующие в современном мире процессы глобализации, интеграции и дифференциации охватывают отнюдь не только сферу экономики и политики; они касаются прежде всего людей – их взаимоотношений, взаимопонимания, культуры общения и конструктивной действенности межкультурного диалога в широком понимании этого слова. Вот почему в последнее время наблюдается всплеск интереса к явлениям культуры, этнической уникальности и тем ценностным ориентирам, в том числе морально-этическим, которые влияют на взаимопонимание и взаимодействие представителей разных лингвокультурных и религиозных сообществ.

Целью исследования является разработка ряда конкретных предложений, рекомендаций, позволяющих контролировать, прогнозировать и устранять вербальные (коммуникативные) и невербальные конфликты, возникающие в процессе межетнической коммуникации. Нами предпринимается попытка на вполне убедительном материале провести теоретико-экспериментальный этнопсихолингвистический анализ проблемы взаимодействия русской диаспоры и титульного этноса Казахстана.

Этническая идентичность – это, в первую очередь, результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов. Представляется, что

смысл данного понятия хорошо отражает термин, предложенный Г.Г. Шпетом [Шпет 1996], который рассматривал этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отдаления от других.

В своих исследованиях мы опирались на то, что проблема межкультурного общения – это не столько проблема языковая (перевод с языка на язык возможен всегда), сколько проблема этнокультурологическая, социально-психологическая, связанная с формированием и функционированием языкового сознания этноса. Проблема языкового сознания порождает проблему этнических стереотипов, которую нельзя достоверно раскрыть без знания типов этнической идентичности.

В условиях глобальных изменений в обществе поиск или определение уровня трансформации этнической идентичности – это и философская, и социальная, и психологическая проблема. Это жизненно важный вопрос определения субъектом своей позиции в системе человеческих отношений в целом.

В книге Г.У. Солдатовой «Психология межетнической напряженности» [Солдатова 1998: 104] представлены основные типы этнического самосознания и составлена анкета – тест по определению этих типов. Безусловно, границы между выделенными типами этнической идентичности условны и подвижны так же, как и вопросы – индикаторы для каждой выявляемой группы.

Качественно-количественный анализ материала, собранный по этой методике, выявляет следующие 6 типов этнической идентичности: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм [Солдатова 1998: 104]. В свое время, в период острых этносоциальных процессов, происходящих в Казахстане (1996-1997 гг.), С.В. Дмитриук [Дмитриук 2000] провел по методике ДТО (диагностический тест отношений) массовое анкетирование с представителями двух самых крупных этносов Казахстана – рус-

ского и казахского, причем, с учетом гендерного фактора. Прочитав некоторые выводы и суждения предпринятого исследования. «В самом общем виде наиболее толерантными к национальным (как, впрочем, идеологическим и социальным) различиям можно считать наиболее урбанизированные категории населения крупных городов, столиц, где сложились исторические предпосылки модернизированного общества и его ценностей – индивидуальная автономность, культурная селективность, высокая оценка инновативности и плюрализма. Это напрямую связано с низким уровнем авторитарности и идеологизированности в старом «советском» смысле. Параметры толерантности очень сильно различаются в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению: наибольшей терпимостью во всех отношениях – религиозном, этническом, социальном, идеологическом, ценностном и проч., отличаются молодые группы, период социализации которых пришелся на предперестроечное и перестроечное время. Наибольшей нетерпимостью, напротив, отличаются самые пожилые, низкообразованные и периферийные группы (сельское население и жители мелких городов, полуурбанитов)» [Дмитрюк 2000: 44].

Нам представилось интересным спустя почти два десятилетия провести аналогичный социолингвистический эксперимент в нашем регионе и сравнить полученные данные между собой (к тому же и Г.У. Солдатов в числе прочих регионов, исследовала и суверенный Казахстан), чтобы попытаться ответить на вопросы: какова природа этнических взаимоотношений в современном Казахстане и как она влияет на этнические процессы, происходящие сегодня в обществе?

В настоящее время мы активно продолжаем вести сбор экспериментального материала, по ходу работы производится его систематизация и интерпретация. Наше исследование проводилось в основном в г. Шымкенте и в областных центрах с представителями разных слоев молодежи и студентов от 17 до 27 лет, хотя для сравнения

намеренно были привлечены представители среднего и преклонного возраста. Всего было опрошено 74 представителя казахского этноса и 52 представителя русской диаспоры. В дальнейшем мы планируем расширить область и географию исследований, включив в исследования новые группы: группу маргиналов (дети смешанных браков), казахов, для которых родной язык русский, казахов-оралманов, представителей других этнических групп, проживающих на территории Казахстана.

Каждый из респондентов, отвечая на заданные вопросы, демонстрировал проявление каждого из шести перечисленных выше качеств в той или иной степени, которая отмечалась нами по 100-процентной шкале; то есть если испытуемый отвечал положительно на все пять вопросов-индикаторов, считалось, что это качество проявилось у него на 100%.

При этом нами учитывались не только полярные мнения «согласен-несогласен», но и ответы с определенной долей сомнения, которые оценивались нами в 5%, 10%, проявления анализируемого качества.

Этнонигилизм в полном (100-процентном) его проявлении не характерен ни для русских, ни для казахов современного Казахстана. Это говорит о том, что проблемы этнической самоидентификации небезразличны для обоих анализируемых этносов. Следовательно, большая часть опрошенных (и русских, и казахов) ощущают принадлежность к своей этнической общности. Так, для 81% опрошенных казахов этнонигилизм не свойственен вовсе, и лишь 2 человека (около 3%) из 5 вопросов, характеризующих этнонигилизм, на 4 дали положительный ответ.

Этническая индифферентность в современном менталитете казахов проявляется в гораздо меньшей степени, чем у современных русских, оставшихся в Казахстане: соответственно на 75%, и больше этот признак среди казахов не был проявлен вовсе, у русских же в данном соотношении он проявился у 10% опрошенных. Отсутствие этого качества у казахов свидетельствует о том,

что проблемы национального характера, национального возрождения им далеко не безразличны. Отсутствие индифферентности русских к этой проблеме, возможно, объясняется защитными механизмами в процессе выживания, корпоративностью и стремлением сохранить черты своей этнической принадлежности на фоне титульного этноса Казахстана.

Норма (положительная этническая идентичность) оказалась на редкость коррелирующим, совпадающим признаком у представителей обоих контактирующих этносов. Особенно наглядно это отразилось в полярных точках проявления данного признака. Так, 100-процентно «нормальными» казахами себя ощущают 15 человек (20,2%), такую же 100-процентную степень положительной этнической идентичности проявили 10 русских (19,2%). Отсутствие нормы (отрицательная этническая идентичность) свойственна очень незначительному числу респондентов (у казахов – 0%; у русских – 2 %).

Этноэгоизм как самая мягкая степень выражения нетерпимости и интолерантности на 100% проявился у незначительного числа опрошенных казахов (5%), соответственно у русских такое категоричное проявление этого признака отмечается только у 2% процентов респондентов. В этом, очевидно, отразилась актуализирующаяся в последнее время тенденция возрождения национального самосознания казахов, с одной стороны, и сравнительно ассимилированное в условиях проживания в инокультурной среде этническое самосознание русских, с другой стороны.

Этнический изоляционизм, судя по представленным в таблице материалам нашего исследования, в максимальном своем проявлении (100%) как у казахов, так и русских, не был выявлен. Напротив, отсутствие этого

качества свойственно 35 казахам (47,2%) и 40 русским (70%).

И, наконец, этнический фанатизм как проявление крайней степени интолерантности у представителей 2 групп не был обнаружен, полное отсутствие этого качества проявилось у 30 казахов (40,5%) и 40 русских (77%).

На основе теоретического анализа проблемы было установлено, что имеются 4 основные группы лиц, которые могут влиять на процесс формирования и изменения этносоциальной установки: старшие по возрасту; превосходящие по социальному рангу; превосходящие по уровню интеллекта; превосходящие в умении в какой-либо практической области.

Нейтрализация негативной этносоциальной установки может происходить следующим образом: в результате ослабления значимости этнической принадлежности объекта установки. Повышение значимости этнической принадлежности у казахов сопровождается увеличением эмотивных (вербальных) реакций, направленных на защиту собственной этнической личности, своего «Я», собственного достоинства; уменьшение значимости этнической принадлежности у русских сопровождается реакциями, направленными на решение проблемных ситуаций.

Что касается законченных выводов о нынешней этнопсихологической ситуации, то о них говорить пока рано, но сделанные нами предварительные фрагментарные подсчеты и анализ экспериментальных материалов показали, что в течение прошедшего десятилетия явственно наметилась динамика роста позитивной этнической идентичности в целом, хотя и с отдельными отклонениями от нормативной составляющей (в разной степени интенсивности проявления качеств) в разных регионах республики.

Литература

- Дмитрюк С.В.* Поиск межэтнического равновесия: культура и толерантность. – М., 2000.
Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998.
Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. – СПб: Алетейя, 1996.

Т.А. Полякова

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ АНАЛИЗА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена анализу системы цветообозначений французского и русского языков на материале реакций французских респондентов на основные цветообозначения и одноязычных толковых словарей Le Petit Robert и Larousse.

Ключевые слова: цветообозначения, ассоциативный эксперимент, одноязычные толковые словари, цвета и оттенки.

T.A. Polyakova

ASSOCIATION EXPERIMENT AS A WAY OF COLOR TERMS ANALYSIS (IN FRENCH)

Article is devoted to the system analysis color designation French and Russian of languages on a material of reactions of the French respondents on the cores color designation and monolingual explanatory dictionaries Le Petit Robert и Larousse.

Key words: color designation, associative experiment, monolingual explanatory dictionaries, colors and shades.

Общеизвестно, что разные народы видят мир по-разному. Здесь целесообразно упомянуть об образе мира, связанном с особенностями национальной культуры и национальной психологии, и вспомнить слова А.А. Леонтьева об этнической обусловленности сознания человека, поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем», а потому «видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа» [Леонтьев 1993: 19–20]. Немаловажно также вспомнить определение языкового сознания как знания человека, выраженного языковыми средствами [Тарасов 1996: 7], и как сознания, опосредованного значениями, а потому близкого к понятию образа мира в современной психологии [Леонтьев 1993: 18].

Из всех существующих экспериментальных методик изучения языкового сознания – согласно классификации А.А. Леонтьева, насчитывается 10 различных категорий – ассоциативный эксперимент является наиболее распространенным.

«Субъективное содержание знакового образа» является лишь «относительно субъективным» [Леонтьев 1976: 62] ввиду того, что значение включает в себя наряду с субъективным содержанием знака (т.е. «социальным опытом субъекта, спроецированным на знаковый образ») его объективное и идеальное содержание. Значения – это «часть общественного сознания и общественно-исторического опыта; и в силу этого они развиваются по общественно-историческим законам, имманентным индивидуальному сознанию» [Леонтьев 1976: 49]. Таким образом, как отмечает Н.В. Уфимцева, язык опосредованно от-

ражает систему ценностей, настроения, оценки, существующие в конкретном обществе на данный момент [Уфимцева 1998: 158]. Результаты массовых ассоциативных экспериментов помогают, по мнению Н.В. Уфимцевой, понять, какие формы та или иная этническая культура накладывает на восприятие окружающей действительности. Это происходит во многом благодаря тому, что ассоциативно-вербальная сеть отражает язык в его предречевой готовности [Караулов 1996: 69]. Следовательно, ассоциативные нормы как «объективные данные относительно типичных или стереотипных ассоциаций» можно использовать в самых различных областях науки – «от составления словарей до отбора фразеологизмов, от установления оптимальных способов семантизации до анализа культуроведческих проблем» [Леонтьев 1997: 9].

В связи с вышесказанным нам хотелось бы отметить работу Е.Ю. Петровой «Цветобозначения в языковом сознании вторичной языковой личности» [Петрова 2008], предметом исследования которой явилась связь цветобозначений с определенными реалиями действительности, существующая в языковом сознании носителей русского и французского языков. Получив интереснейший экспериментальный материал, а именно: реакции французских респондентов на основные цветобозначения, – автор, тем не менее, оставляет без интерпретации данные таких одноязычных толковых французских словарей, как *Le Nouveau Petit Robert* [Le Nouveau Petit Robert 2004] и *Larousse* [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>], пользуясь, в основном, данными словаря В.Г. Гака и К.А. Ганшиной [Гак, Ганшина 2000]. Нисколько не умаляя достоинств

вышеупомянутого словаря, мы попытаемся взглянуть на данную проблему несколько по-иному, т.к. считаем, что использование этих словарей позволяет сказать о французской культуре больше.

Число носителей французской культуры, принявших участие в эксперименте Е.Ю. Петровой, составило 164 человека: 109 женщин и 55 мужчин.

В главе «Теоретические проблемы исследования колористической лексики и языкового сознания» автор ссылается на книгу В.Г. Гака «Сопоставительная лексикология» [Гак 1997], указывая на то, что в ней ставится проблема перевода цветообозначений с русского языка на французский и обратно. Сравнивая систему цветообозначений французского и русского языков, В.Г. Гак отмечает, что данная система во французском языке шире, чем в русском. Французы более точно указывают цвет (оттенок), используя отдельные слова или терминологические образования (технические термины, название красителей, пигментов и т.д.). При передаче таких текстов на русском языке переводчики поступают точно с оттенком, передавая его лишь приблизительно.

Но далее, при интерпретации результатов эксперимента, этот факт принимается во внимание автором лишь частично, а ведь именно его подтверждают полученные реакции (и не только единичные), хотя указывается только на значение слова «épinard», которое, помимо значения «шпинат», имеет также значение «темно-зеленый» [Петрова 2008]. (Ср. Vert épinard, vert foncé [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]). Однако, кроме vert épinard в языке существует

и устойчивое выражение vert bouteille, что означает также vert foncé [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>].

Проанализируем реакции респондентов на стимул VERT (в скобках здесь и далее указывается количество реакций на тот или иной стимул).

VERT: eau (2)¹, bouteille (4), épinard (2), émeraude (14), jade (2), olive (1), pomme (8), pré (5), prés verts (1).

Именно эти словосочетания (vert bouteille, vert épinard, vert émeraude и т.д.) в качестве примеров дает словарь Le Petit Robert (Le Nouveau Petit Robert 2004: 2762). Полученные реакции указывают на их употребительность, живучесть в языке.

Émeraude nom masculin et adjectif invariable («изумруд», если французское существительное женского рода, и «изумрудный цвет» – если мужского): Couleur verte semblable à celle de l'émeraude [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>].

В словаре Larousse **Jade** (по-русски «нефрит») интерпретируется как имя существительное [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]. Это очень твердая горная порода, от зеленого до белого оттенка, представляющая собой либо жадеит, либо волокнистый амфимбол (разновидность, называемая нефритом):

Jade nom masculin: Roche métamorphique très dure, verte à blanche, constituée soit de jadéite, soit d'amphiboles fibreuses (variété appelée néphrite). (Susceptible d'un beau poli, elle fut utilisée dès la haute antiquité comme pierre d'apparat (bijoux, objets d'art)).

Однако в разделе «Difficultés» указывается на искомый нефритовый оттенок:

Des jades chinois (= des objets en jade),

¹ В круглых скобках здесь и далее указывается количество реакций на тот или иной стимул

mais: des papiers jade, des vasques vert jade.

Тот же случай и с существительным *pomme* (яблоко):

Pomme nom féminin: Fruit du pommier, charnu, de forme plus ou moins arrondie, de couleur verte, jaune ou rouge selon la variété, que l'on consomme frais, en compote, en beignets et dont on fait le cidre ou des jus.

Тем не менее, примеры, предлагаемые в разделе «Difficultés», указывают и на оттенок цвета яблока: *Des feuilles vertes, mais des yeux vert émeraude, des tissus vert foncé, vert pomme, vert bouteille, vert-jaune* [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>].

Реакция респондентов «*gré*» на стимул VERT может, конечно, отсылать к естественным зеленым пространствам, как указывает Е.Ю. Петрова, но также может и обозначать: 1) цветовой оттенок: **vert-pré** – изумрудно-зеленый, 2) кулинарное блюдо: **vert-pré** – *une grillade accompagnée de cresson et d'un beurre manié au persil* (жареное мясо с гарниром из кресс-салата) [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>].

Кроме того, на наш взгляд, интересно указать на такие часто встречающиеся, но не прокомментированные реакции, как *espoir* (29) и *espérance* (7). Связь зеленого с надеждой обусловлена прямым указанием в словаре *Le Petit Robert* на тот факт, что для французов «*Le vert – la couleur de l'espérance*» [*Le Nouveau Petit Robert 2004: 946*]. Со Средневековья французы ассоциируют зеленый цвет с надеждой, случаем (как счастливым, так и нет), а также с разрешением (и даже распушенностью) и природой: «*Dans la symbolique occidentale, le vert est associé depuis le Moyen Âge à l'espoir, au hasard (malchance comme chance), à la permission (voire au libertinage) et à la*

nature. Au fil du temps cette symbolique a évolué, l'aspect végétal et libertaire du vert étant aujourd'hui dominant» [<http://fr.wikipedia.org/wiki/Vert>]. Но как мы можем убедиться по результатам ассоциативного эксперимента, проведенного Е.Ю. Петровой, доминирующей в символике зеленого цвета является его связь с природой и надеждой. Упомянутый в Википедии «*l'aspect libertaire*» («анархистский образ») данными эксперимента не подтверждается. Реакции «*liberté*» и «*libre*» являются единичными.

Сходный случай более точного указания французами цветовых оттенков мы можем наблюдать и в случае с реакциями на стимул ROSE.

ROSE – *bonbon* (36), *layette* (5), *rosebonbon* (1).

Мы считаем, что реакция «*bonbon*» имеет отношение не столько к конфете, сколько к оттенку этого цвета: *Rose bonbon, d'une couleur rose vif* (ярко-розового цвета) [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]. Выражение «*rose layette*» означает «*rose pâle*» [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]. Здесь можно упомянуть значение существительного *la layette*, которое *Le Petit Robert* интерпретирует как: «*Ensemble des vêtements, du linge qu'utilise le jeune enfant de la naissance à l'âge de 18 mois environ*» [*Le Nouveau Petit Robert 2004: 1469*].

Интересными нам также показались реакции «*Toulouse*» (3) и «*la ville de Toulouse*» (1) на данный стимул, оставленные автором работы без внимания. Так же, как и Париж, Тулуза имеет свое прозвище. Париж называют «*Paname*», Тулузу – «*la Ville rose*» и «*la Cité des violettes*». «Розовый город» обязан своим названием терракотовому кирпичу, который использовался при строительстве

местных зданий: «Ville à l'architecture caractéristique, Toulouse est surnommée la «ville rose» en raison de la couleur du matériau de construction traditionnel local, la brique de terre cuite» [<http://fr.wikipedia.org/wiki/Toulouse>]. Кроме того, «à pied, à vélo ou en bateau, vous serez charmés par des reflets mêlés bleus et roses que ciel et murs de briques peignent au fil de l'eau...» [<http://www.toulouse-tourisme.com/sites-et-visites>].

Связь белого цвета со свадьбой для носителей русской культуры традиционна и очевидна. Для носителей французской культуры выражение «Mariage blanc» (реакция «mariage» на стимул BLANC встречается 25 раз) означает «mariage non consommé» («ненастоящий брак») [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>] или «blanc – qui n'a pas tous les effets habituels» [Le Nouveau Petit Robert 2004: 264].

Это явление несколько отличается от такого явления в русской культуре, как фиктивный брак [см., например: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Брак>]. Википедия толкует выражение «un mariage blanc» как «un mariage de complaisance ou de convenance», «un mariage contracté dans d'autres buts que la vie commune» [http://fr.wikipedia.org/wiki/Mariage_blanc]. Выражение «elle a fait un mariage de convenance» переводится как: «она вышла замуж по расчету» («la convenance» – «приличие, благопристойность, хороший тон; удобство»; «la complaisance» – «любезность, услужливость; снисходительность» [Французско-русский словарь активного типа 1991: 206, 229]). Википедия поясняет также, что такой брак часто используется либо иммигрантами, либо по профессиональным причинам: «Cette pratique est utilisée notamment par des immigrants qui épousent une personne

du pays dans lequel ils souhaitent immigrer, dans le but d'obtenir certains avantages: l'autorisation de séjour dans le pays concerné, un logement ou la nationalité de la personne épousée, etc. Des mariages blancs peuvent aussi avoir lieu dans un même pays, pour des raisons professionnelles par exemple» [http://fr.wikipedia.org/wiki/Mariage_blanc]. В настоящее время, согласно закону Саркози (loi Sarkozy), лица, вступающие в такой брак (если их вина доказана), подвергаются наказаниям либо в виде крупного денежного штрафа, либо в виде лишения свободы сроком на 5 лет. Частотность реакции респондентов указывает либо на распространение этого явления среди представителей франкоязычной культуры, либо является ответом на закон, принятый 26 ноября 2003 г. (его полное название – La loi du 26 novembre 2003 relative à la maîtrise de l'immigration, au séjour des étrangers en France et à la nationalité) [http://fr.wikipedia.org/wiki/Mariage_blanc].

Связь белого цвета со снегом, кажущуюся, на первый взгляд, удивительной для носителей французской культуры, можно также объяснить существованием в языке устойчивого выражения «blanc comme la neige» или «blanc comme neige», употребляющегося уже, по свидетельству словаря Larousse, в переносном смысле: «Emploi: Blanc comme... On dit : blanc comme l'ivoire, comme la neige (blanc comme neige, au figuré), mais blanc comme un cygne, comme un lis, comme un linge» [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>]. Реакции «lis» (старое написание «lys») и «linge» также встретились среди частотных реакций, реакция «ivoire» – среди единичных.

Таким образом, по стереотипным реакциям можно проследить частотность

употребления данных словосочетаний носителями языка и получить более полное представление о том или ином понятии у носителей исследуемой культуры, преодолев погрешность проекции языкового сознания мира родного языка на мир неродного языка. А «изучение этноса и его менталитета (...) должно жидиться на всестороннем изучении всего того бесценного материала, который можно получить из языка» [Голованивская 2009: 35].

Литература

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. – М.: Междунар. отношения, 1997. – 264 с.

Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – 5-е изд. испр. – М.: Рус. язык, 2000. – 1195 с.

Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 67–96.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. – С. 16–21.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 46–52.

Петрова Е.Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности (на материале русского и французского языков) / Дисс. ... кандидата филол. наук. – М., 2008.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7–22.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 135–170.

Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. – М.: Рус.яз, Париж Либерти дю Глоб, 1991. – 1056 с.

Le Nouveau Petit Robert // Dictionnaires Le Robert – Paris, 2004. – 2952 pp.

<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>

<http://fr.wikipedia.org/wiki/Vert>

<http://fr.wikipedia.org/wiki/Toulouse>

<http://www.toulouse-tourisme.com/sites-et-visites>

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Брак>

http://fr.wikipedia.org/wiki/Mariage_blanc

Е.Ю. Раскина

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.С. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье исследуется специфика поэзии Н.С. Гумилева. Рассмотрена метафора путешествия во времени, свойственная русской литературе «серебряного века». Обсуждены проблемы сакральной географии – геософии (философии и географии); показан феномен паломнической литературы.

Ключевые слова: русская литература «серебряного века», поэзия Н.С.Гумилева, сакральная география, геософия, межкультурная коммуникация.

E.Yu. Raskina

POETIC CREATIVITY OF N.S. GUMILEV IN A CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS

The article circles around the peculiarity of N.S. Gumilyov's poetry. The metaphor of time travel which is characteristic for Russian literature of Silver Age. The problems of sacral geography that is geosophy are discussed and the phenomenon of pilgrim literature is shown.

Key words: Russian literature of Silver Age, N.S. Gumilyov's poetry, sacral geography, geosophy, cross-cultural communication.

Русская литература и культура «серебряного века» (конец XIX – начало XX века) представляла собой «путешествие по временам и культурам», когда литературные произведения были насыщены культурными и межкультурными смыслами и ассоциациями, глубоко интертекстуальны и эклектичны, цитатны. В произведениях поэтов «серебряного века» русской литературы присутствовали различные культурные коды, переплетались и взаимодействовали яркие образно-символические и мифологические ряды. Метафора «путешествие по временам и культурам» была осмыслена деятелями русской литературы и культуры «серебряного века» как одновременное присутствие в литературном тексте образов, символов и мифологем, относящихся к различным культурам и эпохам. Соответственно, утверждалось, что мировые культуры оригинальны и зеркальны одновременно, несут в мир собственные ценности и культурные смыслы и отражаются друг в друге. Литература и культура русского «серебряного века» может быть интерпретирована в контексте межкультурной коммуникации, на стыке литературоведения и культурологии.

Одним из прекраснейших поэтов «серебряного века», воплотивших метафору «путешествие по временам и культурам» в своих произведениях, был Н.С. Гумилев. Для творчества Н.С. Гумилева характерно художественное, религиозное и культурно-философское осмысление географических образов, тем и мотивов. В произведениях поэта география перерастает в геософию (сакральную географию). Геософия исследует систему взаимосвязей между природой и культурой и понимается нами не как география («землеописание»), а как наука об «умной сущности земли» – «землемудрие». К

геософии относятся характерные для «серебряного века» русской литературы идеи о сакральности природных и культурных объектов, «благодатности» или «безблагодатности» земель. Изучением геософских тем, мотивов и образов в русской литературе XX века в настоящее время занимаются такие исследователи, как Р.Д. Тименчик [Тименчик 2007: 161–166], Н.М. Теребихин [Теребихин 1993], Н.А. Богомолов [Богомолов 1992: 47], Д.В. Громов [Громов 2005], Ю.В. Зобнин [Зобнин 1995: 5–53] и др.

«Приключения и путешествия были для него всего лишь аскезой. Он мечтал о создании собственной науки – геософии, как он ее назвал, умудренной в климатических зонах и пейзажах» [Тименчик 2007: 162], – писал французский поэт Жан Шюзевиль, близко общавшийся с Гумилевым в 1910 г. в Париже. Анализируя стихотворение Гумилева «Современность» (1911), Р.Д. Тименчик упоминает о «недовоздвигнутом» поэтом «здании новой науки о чудесах земли». «Он (Н.С. Гумилев – Е.Р.) открыл ее в 1909 г., назвал геософией, решил основать «Геософическое общество» с участием М. Кузмина и В.К. Ивановой-Шварсалон и в связи, возможно, с этими проектами «Вере Шварсалон какую-то нечисть подарил... (тритона?)», – пишет ученый [Тименчик: 2007: 162]. По мнению Р.Д. Тименчика, гумилевская геософия сродни «джаграфии» барона Брамбеуса (О. Сенковского), которую последний называл наукой о чудесах и тайнах земли («геософия Гумилева рифмовалась с джаграфией и другими научными шутками барона Брамбеуса» [Тименчик 2007: 161].

Однако любовь Гумилева к чудесам и тайнам земли вызывала насмешки современников: Иванова-Разумника, Л.Н. Войтоловского, В.Л. Львова-

Рогачевского, Б.А. Садовского и др. Все эти литературные критики видели в Гумилеве «Тартарена русской поэзии», упрекали его в бутафорских эффектах и бегстве от современности в декоративный, условный Восток. «У Н. Гумилева большое тяготение к Востоку, – писал В.Л. Львов-Рогачевский, – он любит придумать что-нибудь этакое экзотическое, он любит «небывалые плоды», «нездешние слова». У Алексея Толстого один из его помещиков уехал из своего медвежьего угла в Африку и оттуда прислал своему дядюшке Мишухе Налимову банку с живым крокодилом. В поэзии Гумилева, как в банке симбирского помещика, плавают «темно-изумрудный крокодил». Впрочем, тут целый зверинец: «Изысканный бродит жираф». Встречаются «свирепые пантеры», слоны, львы, обезьяны, какаду, «перья страуса» [Львов-Рогачевский 1995: 381].

Многообразие флоры и фауны, характерное для образного ряда стихотворений Н.С. Гумилева, является, однако, доказательством «чудес и тайн земли», указанием на красоту и необычность тварного мира. Даже в небесных сферах поэт видит «зоологический сад планет» (стихотворение «Память»). «Первозданность» африканской природы сближает ее с раем. Но эта подлинная, девственная природа искажена первородным грехом. В сборнике «Шатер» изображена не только прекрасная в своей первозданности, но и страшная, ужасающая Африка. Так, в стихотворении «Судан», после описания тенистых рощ и галерей лесов, тихого озера Чад и «самых чудесных, неожиданных птиц и животных» перед читателями предстает картина африканской охоты: «Бродят звери, как Бог им назначил, / К водопою собираются вместе, / К водопою собираются мирно. / И не знают, что див-

но прекрасны, / Что таких, как они, не отыщешь, / И не знает об этом охотник, / Что в пылающий полдень таится / За кустом с ядовитой стрелой, / И кричит над поверженным зверем, / Исполняя охотничью пляску, / И уносит владыкам Судана / Дорогую добычу свою» [Гумилев 2000: Т.2, 63]. Африка – это «отражение рая», искаженное, смутное земное воспоминание о рае, которое наполняет душу лирического героя поэзии Гумилева тоской по раю небесному.

Образ рая – земного и небесного – в творчестве Н.С. Гумилева связан с архетипическим сюжетом «изгнания из рая». Этот сюжет присутствует в ряде стихотворений поэта, таких как «Адам», «Сон Адама», «Райский сад», в поэме «Блудный сын» и т.д. «Господь, изгнав человека на землю из рая, вселил его на ней прямо рая сладости (Быт 3, 24), чтоб он, непрестанно обращая взоры к раю и вместе питаясь надеждой возвращения в рай, пребывал в непрестанном плаче покаяния», – писал свт. Игнатий (Брянчанинов) [Брянчанинов 1995: 54]. Надежда на возвращение в райский сад, сны о святой земле («Индии Духа») являются для лирического героя поэзии Гумилева путеводной звездой, сопровождают его в странствиях. Так, в стихотворении «Райский сад» перед читателями предстает картина Эдемского сада: «В золотистом лиловом мираже / Дивный сад предомною встает. / Ах, такой раскрывался едва ли / И на ранней заре бытия, / И о нем никогда не мечтали / Даже Индии солнца – князя. / Бьет поток; на лужайках прибрежных / Бродят нимфы забытых времен; / В выем раковин длинных и нежных / Звонко трубит мальчишкатритон...» [Гумилев 2000: Т.2, 89].

Уже современники и соратники по второму «Цеху поэтов» отмечали, что эк-

зотизм африканских стихов Гумилева обладает совсем иной породой, нежели «экзотизм Гогена и все, что ему родственно» [Альманах Цеха Поэтов 1921: 69]. «Только близорукому Гумилев покажется потомком Гогена, – справедливо утверждал Г. Адамович в рецензии на вышедший в Севастополе сборник «Шатер». – Он всегда был и остался в новой своей книге прежде всего мужественным в смысле желания работать в мире, “преобразать” его, как любят у нас говорить, а не очаровываться им...» [Альманах Цеха Поэтов 1921: 70]. «Природа этих стихов совсем иная, – продолжал Г. Адамович. – Есть мир и есть человек, хозяин его. Хорош тот хозяин, который все любит и все хочет описать...» [Альманах Цеха Поэтов 1921: 71].

Если в пассивном экзотизме Гогена Адамович видел выдумку мечтательного и усталого поколения, «отвыкшего от действия и ищущего утешения и обмана», то в африканских стихах сборника «Шатер» поэт и соратник Гумилева по второму Цеху совершенно справедливо усмотрел желание одухотворить «огромную, беспредельную во всех измерениях материю», преобразить движением, поэтическим ритмом «косный сон стихий». Однако, как резюмировал Адамович в своей рецензии на «Шатер»: «Огромная, беспредельная во всех измерениях материя еще не одухотворена, и наша культура есть еще младенческий слабый лепет» [Альманах Цеха Поэтов 1921: 72].

Работа поэта (человека-хозяина) в мире заключается в том, чтобы открыть («исчислить») и назвать неведомые пространства, одухотворить и окультурить материю. Поэт подобен географу, который «исчислил» неведомый мир, предугадал его существование, или мореплавателю, который первым увидел на горизонте никому не известную землю.

Лирический герой поэзии Н.С. Гумилева – это «искатель нездешних Америк». Стихия лирического героя – движение, понимаемое как вечное совершенствование. Географические реалии в произведениях Гумилева становятся элементами сакральной географии, приобретают не только художественное, но и культурно-философское и религиозное значение.

Странствия лирического героя поэзии Н.С. Гумилева направлены на постижение «души земли», являются поисками «рая земного», особого, сакрального пространства, подобного райскому саду, Эдему. Многие, наиболее важные топонимы, присутствующие в произведениях Н.С. Гумилева, являются культуронимами – географическими реалиями, наполненными культурно-философским и религиозным смыслом. Такими культуронимами являются *Абиссиния, Египет, Китай, Индия, Византия, Ирландия, Франция, Россия*. Гумилевский экзотизм является не пассивным, а активным, он направлен на открытие и познание новых, далеких земель. Для творчества Гумилева характерно сближение образов поэта, дающего вещам имена, и географа, путешественника, открывающего и познающего далекие земли. Как следствие, путешествие сродни познанию, открытию, называнию, одухотворению и окультуриванию земного пространства.

Экзотизм Гумилева – это не бегство усталого и мечтательного декадента от европейской цивилизации, а стремление освоить новые для русской поэзии пространства. Так, благодаря «Шатру» в пространство русской поэзии вошла Абиссиния-Эфиопия – одна из самых таинственных и насыщенных культурными реалиями стран загадочного «черного континента», земля «черных христиан».

«Пассивный экзотизм» связан с от-

торжением западных ценностей, бегством от них, часто – физическим и безвозвратным. «Активный экзотизм» предполагает сближение Запада и Востока в контексте геософской проблематики, постижение «чудес» и «тайн» мирской географии, проникнутой духом божественного.

Странствие к истокам великой реки, плавание к неведомой, благодатной земле или стремление достичь чудесного сада уподобляется в текстах Гумилева паломничеству к святыне. В этом контексте путешествие/ странствие является вариантом паломничества, а сюжетные линии, связанные с путешествиями, – элементами «паломнического текста». *В то же время лирический герой – это не только «странник духа», но посредник между различными культурными мирами, между древнейшими культурами земли, такими как Египет, Китай, Индия, Персия, Эллада-Византия, Русь-Россия, «остров друидов» Ирландия, прекрасная Франция и т.д.*

«Сквозной» сюжет путешествия к благодатной земле, чудесному саду, великой реке или «родине иной» необыкновенно важен для произведений Гумилева. Как странник, идущий «путем жемчужным по садам береговым», изображен Христос в одноименном стихотворении поэта. В этом стихотворении Спаситель говорит своей пастве о светлом рае, который розовее самой розовой звезды. Этот сюжет может быть интерпретирован как путь к чудесному саду, подобному райскому (стихотворение «Эзбеки»), или же – как возвращение в небесную прародину после «странствия земного» (стихотворение «Прапамять»).

Одним из самых ярких воплощений образа-символа (паломник) в творчестве Гумилева является стихотворение «Па-

ломник», герой которого – Ахмет-оглы – движется к земной Мекке, но обретает Мекку небесную. В этом стихотворении поэт дает ему следующую характеристику: «Он очень стар, Ахмет, а путь суров, / Пронзительны полночные туманы, / Он скоро упадет без сил и слов, / Закутавшись, дрожа, в халат свой рваный <...> Он упадет, но дух его бессонный / Аллахом недаром дивно окрылил. / Его, как мальчик страстный и влюбленный, / В свои объятия примет Азраил / И поведет тропой разрешенной / Для демонов, пророков и светил. / Все, что свершить возможно человеку, / Он совершил – и он увидит Мекку» [Гумилев 2000: Т.2, 89]. В стихотворении «Ослепительное» лирический герой восклицает: «И я когда-то был твоим, / Я плыл, покорный пилигрим, / За жизнью благодатной и смиренной, / Чтоб повстречал меня Гуссейн / В садах, где розы и бассейн / На берегу за старой Смирной» [Гумилев 2000: Т.2, 11]. На пути к благодатной земле героев ожидают соблазны, искушения и испытания: «пещеры джиннов и волков, хранящих древнюю обиду» (стихотворение «Ослепительное»), пропасти и бездны. Герои могут не дойти до цели, свернуть с намеченного пути, духовно погибнуть, выбрать «ужасную дорогу» «капитана с ликом Каина» (заключительное стихотворение цикла «Капитаны»). Но персонажи, одетые «в броню своих святынь», следуют по правому пути, «пути слова». В стихотворении «Правый путь» описана праведная дорога: «Что ж, это путь величавый и строгий: / Плакать с осенним пронзительным ветром, / С нищими нищим таиться в берлоге / Хмурые думы оковывать метром» [Гумилев 1999: Т.1, 201].

Во многих мифологических системах *рай расположен на юге видимого*

мира, а самая южная страна является, соответственно, самой чудесной. В основе такой трактовки лежит представление об особом, символическом значении сторон света, когда одно из направлений признается священным [Подосинов 1999: 100–110]. В пьесе Гумилева «Дерево превращений» таким священным направлением признается юг, а Индия названа самой чудесной и, одновременно, *самой южной* из стран. Для некоторых других произведений Гумилева характерна «нордическая традиция», в которой священной стороной признается север, а самой чудесной является загадочная страна «на севере мира» (Крайняя Туле, о которой сообщал древнегреческий путешественник Пифей, совершивший туда плаванье) [Широкова 2000: 50–70]. Так, в поэме «Северный раджа» сакральной оказывается далекая северная страна, в которой герой поэмы намеревается создать «иную Индию, виденье».

В индоевропейской мифологической системе север символизировал истоки индоевропейской культуры, нордический рай, центр, неподвижный полюс, точку, где сходятся противоположности, символическое место, не подвластное силам энтропии. Как «движение на юг», так и «движение на север» (на «восток» и «запад») в том контексте, который создает все творчество Гумилева, изначально ориентированное не только на «физику», но и на «метафизику» в мировидении, имеет религиозно-философский смысл.

Культуронимы – это историко-культурные и религиозные центры-локусы. Бесспорно, в произведениях Н.С. Гумилева есть топонимы, не являющиеся культуронимами, не наполненные культурными и сакральными смыслами. Такие топонимы не обладают образно-символическим содержанием,

не участвуют в создании художественной образности.

В отличие от топонима, для культуронима значимо прежде всего его культурологическое и мифологическое содержание. Под культуронимами понимаются пространственно-временные центры мировой культуры и истории, сакральные центры земли, являющиеся элементами сакральной географии. *Лирический герой* поэзии Гумилева – это странник, блуждающий по миру в поисках «Индии Духа», которая может быть интерпретирована как духовно-поэтическая вершина, религиозная, культурная или природная святыня, благодатная земля, «царство поэтов», священная прародина человечества. В творчестве Гумилева присутствуют две Индии: Индия как культурно-историческое пространство, входящее в восточный мир «от Индии до Византии», и Индия как «мир иной», «негеографическая реальность» – «Индия Духа». Религиозно-философская интерпретация темы странничества сближает творчество Гумилева с паломнической литературой русского и европейского средневековья.

К «паломнической литературе» относятся произведения разных жанров, повествующие о путешествии к святыне (святыням), сакральной, благодатной земле (землям). Такие произведения описывают жизнедействие в священном пространстве – месте проявления божественной силы, которая «вмешивается в историю различными путями, неизменно оставляя в ней глубокий след» [Гардзанини 2007: 289]. Горы играют свою роль в паломническом путешествии: на них расположены святыни, с их вершин открывается вид на святыне земли. Флора и фауна являются частью священного пространства: «так, дикие звери, уже не су-

ществовавшие к тому времени в Святой земле, связаны в памяти Даниила с отрывками из Писания или Житий святых» [Гардзанини 2007: 283].

В гумилевской сакральной географии представлены не только святые, но и проклятые земли, что во многом соответствует описанию райских (плодоносных) и мертвых (опустошенных) земель в паломнической литературе. Так, в цикле стихотворений «Капитаны» упоминаются благодатные земли, где «с деревьев стекают душистые смолы» и «розы краснее, чем пурпур царей», и, одновременно, проклятая Богом «окраина», «где капитана с ликом Каина / Легла ужасная дорога» [Гумилев 2000: Т.1, 200]. От «благодатной» или «безблагодатной» земли лирического героя поэзии Гумилева часто отделяет река. Соответственно, назвать реку своим именем – высшая честь для странника.

В художественном пространстве поэзии Н.С. Гумилева значим не сам факт экзотического путешествия, а **смысл и цель этого путешествия, духовная наполненность странствий героя**. Смыслом и целью странствий в творчестве Гумилева является «родина иная» – райский сад, утраченный «праотцем Адамом» после грехопадения, а движущей силой – тоска по утраченному раю, символизирующему полноту Бытия в Боге. Так, в стихотворении «Эзбекие» герой обретает душевный мир и покой только в чудесном саду, подобном райскому: «Но этот сад, он был во всем подобен / Священным рощам молодого мира: / Там пальмы тонкие вносили ветви, / Как девушки, к которым Бог нисходит; / На холмах, словно вещие друиды, / Толпились величавые платаны, / И водопад белел во мраке, точно / Встающий на дыбы единорог...» [Гумилев 2001: Т.3, 162].

«Родное» в гумилевской сакральной географии постигается через «вселенское», Русь-Россия – через мировую культуру. Русская культура сосредоточилась в себе модели различных культур, различные культурные парадигмы. Сердце России в стихотворении Н.С. Гумилева «Наступление» названо «золотым». А. Ахматова вспоминала о некой «золотой двери», о которой неоднократно говорил ей Гумилев. По словам поэта, «золотая дверь» должна была открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда Гумилев вернулся из Африки в 1913 г., то признался, что «золотой двери» нет. Последнее, по словам Ахматовой, было страшным ударом для поэта.

«Золотая дверь» как религиозный символ связана с мистическим посвящением и, одновременно, с вечно женственным началом мироздания. После насыщенных и ярких странствий под «чужими небесами» именно Россия оказалась для Гумилева заветной «золотой дверью», ведущей к «Индии духа». Образ-символ России интерпретирован в произведениях Гумилева в духе геософской проблематики. Россия понимается как странство «духовного змеборчества». Небесными покровителями Руси-России в произведениях Гумилева предстают герои-змеборцы: Вольга, св. Георгий Победоносец, Михаил Архистратиг.

Сакральная география произведений Н.С. Гумилева – это единство «родного» и «вселенского», топонимика, осмысленная в религиозно-философском и культурологическом контексте. Интерпретация основных элементов этой сакральной географии, анализ геософской проблематики творчества поэта является актуальной задачей современного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Литература

- Альманах Цеха поэтов. Книга вторая. Петроград. – 1921. – 100 с.
- Богомолов Н.А.* Оккультные мотивы в творчестве Гумилева // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17-19 сентября 1991 г. – СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. – С. 80–90.
- Гардзанити М.* У истоков паломнической литературы Древней Руси // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / изд. подг. О.А. Белоброва, М. Гардзанити, Г.М. Прохоров, И.В. Федорова; отв. ред. Г.М. Прохоров. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. – С. 270–310.
- Зобнин Ю.В.* Странник духа (о судьбе и творчестве Н.С. Гумилева) // Н.С. Гумилев: PRO et CONTRA. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей / Сост., вступ. ст. и прим. Ю.В. Зобнина. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 5–53.
- Гумилев Н.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. Т.1–8. М.: Воскресенье, 1997–2009.
- Львов-Рогачевский В.Л.* Н. Гумилев. Жемчуга. Рец. // Н.С. Гумилев: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 377–381.
- Подосинов А.В.* «Ex oriente lux!» Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 720 с.
- Свт. Игнатий (Брянчанинов).* Слово о человеке. – СПб.: РХГИ, 1995. – 122 с.
- Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера. Архангельск: Изд-во Архангельского государственного университета, 1993. – 133 с.
- Тименчик Р.* Геософия и Джаграфия // SANKIRTOS. Studies in Russian and Eastern European Literature, Society and Culture: In Honor of Tomas Venclova. Ed. by Robert Bird, Lazar Fleishman, and Fedor Poljakov. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang Verlag, 2007. – P. 161–166.
- Широкова Н.С.* Культура кельтов и нордическая традиция античности. – СПб.: Евразия, 2000. – 352 с.
- Энциклопедия сакральной географии / Сост. Д.В. Громов. – М.: Ультра-Культура, 2005. – 648 с.

В.Д. Нарожная, Л. Садыкова

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются греко-латинские заимствования в русском языке. Слова греческого и латинского происхождения актуальны для современного дискурса, так как они служат номинациями политических, экономических, юридических и других реалий, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка.

Ключевые слова: язык, слова, заимствования, лексика, терминология

V.D. Narozhnaya, L. Sadykova

WORDS BORROWED FROM GREEK AND LATIN IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article studies words from Greek and Latin in the Russian language. Greek and Latin borrowed words are typical of modern discourse as they name political, economical, juridical and other phenomena, which arouse native speakers' interest.

Key words: language, words, borrowed words, vocabulary, terminology

Русский народ с древних времен вступал в культурные, торговые, военные, политические связи с другими государствами, что не могло не привести к языковым заимствованиям. В процессе употребления большая часть их подверглась влиянию заимствующего языка. Постепенно заимствованные слова, ассимилированные (от лат. *assimilare* – «усваивать, уподоблять») заимствующим языком, входили в число слов общеупотребительных и уже не воспринимались как иноязычные. В разные эпохи в исконный язык проникали слова из других языков. В настоящее время такие слова, как *сахар, свекла, баня* и другие, считаются русскими, хотя они были заимствованы из греческого языка. Вполне обрусели и такие слова, как *школа* (из латинского языка через польский), *карандаш* (из тюркских языков), *костюм* (из французского языка) и многие др. Национальная самобытность русского языка ничуть не пострадала от проникновения в него слов иноязычных, так как заимствование – вполне закономерный путь обогащения любого языка. Роль латинских заимствований в формировании и развитии культурно-исторического пласта слов общепризнана и в русском, и в зарубежном языкознании. Латинизмы являются основой терминологического фонда многих языков. Слова латинского происхождения актуальны и для современного дискурса, так как они служат номинациями политических, экономических, юридических и других реалий, которые вызывают повышенный интерес у носителей языка.

В заимствовании русским языком иноязычных слов в разные эпохи отразилась история народа. Новые слова вливались в русский язык из других языков в результате экономических, политических и культурных связей славян с другими народами, в результате внедрения в жизнь реалий, новых для России, но уже имеющих названия в других языках.

Самым значительным влиянием на язык Древней Руси было влияние греческого язы-

ка. Киевская Русь вела оживленную торговлю с Византией, и проникновение греческих элементов в русскую лексику началось еще до принятия христианства на Руси (VI в.) и усилилось под воздействием христианской культуры в связи с крещением киевлян (IX в.) и распространением богослужебных книг, переведенных с греческого языка на старославянский. Иноязычные слова, попадая в русский язык, постепенно ассимилируются им: приспосабливаются к его звуковой системе, подчиняются правилам русского словообразования и словоизменения, в той или иной степени утрачивая черты своего нерусского происхождения.

Заимствования из греческого языка начали проникать в исконную лексику еще в период общеславянского единства. К таким заимствованиям относят, например, слова *палата, блюдо, крест, хлеб* (печеный), *кровать, котел* и др. Значительными были заимствования в период с IX по XI в. и позже (так называемые восточнославянские).

Среди заимствований из греческого языка наиболее весомой является богато развитая терминологическая система. *Термин* – «(от лат. *terminus* – «граница, предел») слово или словосочетание, являющееся названием специального понятия какой-либо сферы производства, науки или искусства» [Русский язык...1979: 349]. Термин имеет такие особенности, как системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессии, стилистическая нейтральность. Термины – слова в особой функции, поэтому слова и термины функционально дифференцируются. Номинативная функция общеупотребительных слов отличается от номинативной функции термина прежде всего тем, что значение термина строго понятийно, т.е. информирует о понятии, участвует в формировании понятия. Термин, в отличие от общеупотребительных слов, ограничен в проявлении синтагматических свойств. Словообра-

зовательные средства используются в образовании термина избирательно, а средства, способные придавать словам эмоционально-экспрессивную окраску, не характерны для терминологической системы. Номинативная функция в терминологии использует свойства общепотребительных слов общенародного языка.

К лексике терминологической относятся слова или словосочетания, используемые для логически точного определения специальных понятий или предметов какой-нибудь области науки, техники, сельского хозяйства, искусства и т.д. В отличие от общепотребительных слов, которые могут быть многозначны, термины в пределах определенной науки, как правило, однозначны. Им присуща четко ограниченная, мотивированная специализация значения. Греческие заимствования, ставшие словами-терминами, охватывают практически все области науки и искусства. К ним можно отнести следующие понятия:

- *названия наук*: анатомия, биология, ботаника, грамматика, геометрия, география, диалектология, зоология, история, логика, математика, механика, ономастика, оптика, педагогика, физика, филология, философия и др.

- *биологии* (автогенез, алейроны, аллелопатия, амитоз, анабиоз, анаболия, анафаза, бактерии, гликоген, гомология, диализ, пауза, диапедез, лизосомы, карпология, митамерия, микроскоп и др.);

- *астрономии* (сатрограф, астролатрия, анагалактический, телескоп);

- *геологии и минералогии* (алевриты, александрит, алмаз, аметист, анаморфизм, ангидрид, барит, гематит, гиацинт, глауконит, диоптаз, изумруд, кальцит, киноварь, малахит, мезолит, пирит, родохрозит, сапфир, сфалерит, хризоколла, хризолит, хризотил, и др.);

- *географии* (аклина, арктогея, горизонт, фитоклимат и др.);

- *физики* (акустика, анализаторы, анафорез, диапозитив, диапроектор, диаскоп, магнит, призма, и др.);

- *математики и геометрии* (гипотенуза, катет, параллелограмм, параллелепипед, пирамида, призма, ромб, трапеция, хорда);

- *химии* (аммиак, амфотерный, анализ, атом, барий, гликокол, гликоли, гликолиз, глюкоза, изомеры, катализ, карболит, синтез, фтор и др.);

- *экономики* (анатоцизм и др.);

- *медицины* (аорта, акроцефалия, алейкемия, аллергия, анамнез, артерия, гигиена, глаукома, гликемия, гомеопат, диагноз, диартроз, диафрагма, менингит, пневмония, симптом, сколиоз, фармакология, фармацевт, флегмона, хирургия и др.);

- *психологии* (автофилия, меланхолик, флегматик и др.);

- *архитектуры* (акротерии, архитектоника, архитектор, архитектура, графика и др.);

- *музыки* (агогика, баритон, диапазон, мелодия, меломан, симфония, хор, хореография и др.);

- *лингвистики* (алфавит, афоризм, диакритический знак, диалект, диалог, каллиграфия, каталог, лексема, лексика, лексикология, морфология, орфография, орфоэпия, филология, фонетика, фразеология, синтаксис и др.);

- *литературоведения* (акмеизм, анапест, гипербола, диалог, драма, комедия, лирика, метафора, монолог, ода, поэзия, пролог, строфа, трагедия, хорей, хрестоматия, эпиграмма, эпиграф, эпос и др.).

- *рыночная терминология* (акцепт, аналогия, базис, дивиденд, идентификация, индекс, ипотека, олигополия, олигархия, олигопсония, охлократия, паника, парадокс, параметр, политика, система, тактика, стратегия, харизма, омологация, цикл).

Развитие науки и техники, возникновение новых ее отраслей всегда сопровождается обильным появлением новых терминов. Создается международный фонд научной терминологии, которая была освоена многими европейскими языками, в том числе и русским. Научные термины нередко создаются из греческих корней, обозначая понятия, которые еще не были известны в эпо-

ху античности: *космонавт* (гр. *kosmos* – «Вселенная» + гр. *nautes* – (море) – «плаватель»).

Терминология – одна из самых подвижных, быстрорастущих и быстроизменяющихся частей общенародной лексики (ср. только одни наименования новых наук и отраслей производства: *автоматика, аллергология, аэрономия, биокибернетика, бионика, гидропоника, голография, кардиохирургия, космобиология, плазмохимия, спелеология, эргономика* и т.д.).

Широкое распространение научно-технической терминологии, ее проникновение в разные сферы жизни приводит к тому, что в языке, наряду с процессом терминологизации общеупотребительных слов, наблюдается и обратный процесс – освоение литературным языком терминов, т.е. их детерминологизация. Например, частое употребление философских, искусствоведческих, литературоведческих, физических, химических, медицинских, производственных и многих других терминов сделало их словами общеупотребительными, например: *анатомия, анализ, диагноз, диалектика* и др. Часто, оказываясь в контексте с общеупотребительными словами, термины метафоризируются и теряют свое специальное назначение, например: *анатомия любви, география подвига, склероз совести*.

Заимствования из латинского языка начали проникать в русский язык в Петровское время и сыграли значительную роль в обогащении лексики, особенно в области научно-технической, общественной и политической терминологии. Больше всего латинских слов пришло в русский язык в период с XVI по XVIII в., особенно через польский и украинский языки, например: *школа, аудитория, декан, канцелярия, каникулы, директор, диктант, экзамен* и др. Много слов латинского происхождения составляют группу международного фонда терминов, например: *диктатура, декларация, конституция, корпорация, лаборатория, меридиан, максимум, минимум, пролетариат, процесс, публика, революция, республика, эрудиция* и др. К за-

имствованиям из латинского языка можно отнести следующие:

- *авиация* (*avis* – птица), *авиатор, авиа-* и т.д.;
- *авторитет* (*auctoritas* – значение, влияние);
- *акварель* (*aqua* – вода), *аквариум, акватория, акваланг* и т.д.;
- *античный* (*antiquus* – древний), *антиквариат* и т.д.;
- *арена* (*arena* – площадь, песок);
- *аудитор* (*audio* – слушать), *аудитория, аудиенция* и т.д.;
- *вакансия* (*vacare* – быть свободным);
- *вентилятор* (*ventus* – ветер), *вентиляция* и т.д.;
- *вербальный* (*verbum* – слово, глагол);
- *визит* (*visito* – посещать), *виза* и т.д.;
- *витамин* (*vita* – жизнь), *витализм, витальный* и т.д.;
- *вокальный* (*vocalis* – звонкий, гласный);
- *гербарий* (*herba* – трава);
- *студент* (*studeo* – усердно заниматься), *студия, штудировать* и т.д.;
- *таблица* (*tabula* – доска, таблица), *табель, табло* и т.д.;
- *циркуль* (*circus* – круг, цирк), *циркуляция, цирк* и т.д.;
- *юрист* (*jus* – право, суд), *юриспруденция, юстиция* и т.д. [Словарь иностранных слов, 1986].

Среди греческих заимствований большую группу составляют слова-обозначения минералов. У каждого минерала своя биография. Насчитывается более сотни минералов, названия которым дали на греческом языке за их удивительный цвет и уникальные свойства. В эту группу входят дефиниции: *алмаз, аметист, барит, бериллий, гематит, диоптаз, изумруд, кальцит, малахит, пирит, родохрозит, сфалерит, хризоколла* и др. [Словарь иностранных слов, 1986]. Рассмотрим этимологию некоторых наиболее интересных, на наш взгляд, названий минералов.

Алмаз – минерал, название которого произошло от греческого *адамас* – ‘неодолимый, несокрушимый’ [Шанский 1971:

25], самый износостойкий, дорогой, редкий камень; обычно бесцветен или окрашен в бледные оттенки желтого, бурого, серого, зеленого, розового, очень редко черного цвета.

С названием **гиацинта** связана целая легенда. Слово образовано от греческого *гиакинтос*. Считается, что свое название этот минерал получил от цветка гиацинта, с которым у греков была связана легенда о прекрасном юноше – сыне Спартанского царя Эбала, любимце лучезарного бога Аполлона. Однажды Аполлон метнул к самым облакам тяжелый диск. Гиацинт помчался к тому месту, где этот диск должен был упасть, желая доказать своему божественному другу, что не уступит ему в искусстве метания. Но бог западного ветра Зефир воспылил ревностью к красоте юноши и направил диск прямо ему в голову, смертельно ранив того. Потрясенный горем Аполлон в память о Гиацинте из его крови вырастил душистый цветок [Милюкова, Маралиева 2007: 220].

Изумруд – талисман матерей и мореплавателей. Беременные женщины носили изумрудные амулеты, которые после родов ребенка сразу же подвешивали в его колыбельке. Он дарует радость и веселье, душевную гармонию и надежду, победу в битве, такт и великодушие, талант и изящество, красноречие без тени фальши и чувство собственного достоинства, проницательность. Он дарует даже способность предвидения.

Малахит – редкий драгоценный камень, его употребляли для мелких предметов и изысканных украшений, а название его произошло от греческого *малахе* – ‘мальва’. К концу XVIII в. с увеличением добычи малахит используют для более крупных интерьерных предметов: ваз, шкатулок, столешниц. Их украшают тонкими пластинами малахита.

В старину бирюзу нередко заменяли не менее ярко окрашенным минералом голубого цвета – **хризоколлой**. Его название образовано от греческих слов *chrysos* – ‘золото’ и *kolla* – ‘клей’ [Словарь иностранных слов, 1986: 550].

Таким образом, слово *хризоколла* может быть переведено как ‘золотистый клей’ (утверждают, что этот минерал в старину использовался для пайки золота). Свое иное старинное название – элатский камень – хризоколла получила по копиям легендарного царя Соломона, расположенным близ залива Элат в Красном море и одноименного города, где ее в старину добывали в изрядных количествах [Милюкова, Маралиева 2007: 221].

Интересная область заимствованных слов – имена греческого и латинского происхождения. Союз Киевского князя Владимира с Византией в X в. и принятие Христианства на Руси получили в наследство имена греческих и латинских святых и повлекли за собой наречение людей новыми христианскими (календарными) именами. Все имена русских людей, «как языческие, так и христианские, были искусственными и отражали наименования обиходного языка» [Суперанская 1962: 47]. Например, имя *Евстолия* в переводе с греческого языка означает ‘хорошо одетая’, *Екатерина* – ‘чистота’, ‘благопристойность’, *Александр* – ‘защитник людей’, *Алексей* – ‘защитник’, *Ирина* – ‘мир’, *Евгений* – ‘благородный’, *Ксения* – ‘странница, иностранка’, *Николай* – ‘побеждающий народ’, *Галина* – ‘тишина, спокойствие’, и многие другие. К греческим именам собственным относятся также такие мужские и женские имена, как *Василий*, *Георгий*, *Зиновий*, *Илларион*, *Платон*, *Стефан*; *Аглая*, *Аграфена*, *Анастасия*, *Евдокия*, *Елена*, *Зинаида*, *Таусия* и др.

Из латинского языка в русский язык пришли имена:

Августа – священная: почетный титул супруги, матери, сестры и дочери римского императора);

Аврора – имя богини утренней зари;

Агнесса – чистая, непорочная;

Агриппина – производное от римского ро-

догового имени Агриппа;

Акулина – орлиная, орлиноподобная;

Виринея – зеленеющая, переносн. свежая, бодрая;

Дементий – римское родовое имя от *domo* – укрощать;

Пров – честный;

Роман – римский, римлянин и многие

другие [Суперанская 1962: 56].

Таким образом, грецизмы и латинизмы являются неотъемлемой частью русской языковой картины мира, они тесно связаны со многими другими ее элементами и выступают в роли элементарных единиц когнитивных процессов, формируя мировосприятие носителя языка.

Литература

Милюкова Н.Н., Маралиева М.Б. Роль минералов в греческой и современной культуре // Роль греческой цивилизации в развитии мировой культуры: Материалы Международной научной конференции, посвященной 185-летию независимости Греции. – Бишкек – Афины, 2007.

Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979.

Словарь иностранных слов / Под ред. А.Г. Спиркина. – 13-е изд., – М., 1986.

Суперанская А.В. Заимствование слов и практическая транскрипция. – М., 1962.

Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.

Л.М. Терентий

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ МИРОУСТРОЙСТВА КАК ИМПЛИЦИТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье обосновываются и обсуждаются национально-специфические модели языкового выражения определенного типа чувств и мыслей, предлагается распространить понятие архетипа на модель мироустройства, анализируется ядро языкового сознания русских и англичан и демонстрируется значимость модели мироустройства для дипломатической коммуникации.

Ключевые слова: образ мира, архетип, национально-культурная специфика, психолингвистика, коммуникация, языковое сознание, дипломатическая коммуникация

L.M. Terentiy

NATIONAL-CULTURAL MODEL OF WORLD ARRANGEMENT AS AN IMPLICIT COMPONENT OF DIPLOMATIC COMMUNICATION

The article circles around nationally determined models of language expression of feelings and thoughts, besides the author suggests to apply the notion "archetype" to the world arrangement model. The nucleus of language consciousness of Russians and Englishmen is analyzed. Moreover the importance of world arrangement model for diplomatic communication is demonstrated.

Key words: the world image, archetype, national-cultural peculiarity, psycholinguistics, communication, language consciousness, diplomatic communication.

Дипломатический дискурс относится к институциональным видам дискурса, регламентируемым целым сводом правил. Однако важнейшей его особенностью является то, что сама трансакция происходит между представителями различных культурных сообществ. Другими словами, дипломатическое общение – это общение между представителями разных культур, общение между носителями разных систем знаний, стоящих за каждым культурным предметом. Как отмечает Е.Ф. Тарасов: «системные качества культурных предметов непосредственно не наблюдаемы, сверхчувственны и часто знаковы, символичны» [Тарасов 1988: 33]. Эти качества известны только носителю культуры, который обладает знанием всей системы, в которой этот культурный предмет приобретает эти качества [там же]. Следовательно, полагает Н. В. Уфимцева, «конфликты непонимания или неполного понимания в межкультурном общении чаще всего являются следствием незнания системных качеств культурных предметов. Поэтому у нас как у исследователей есть только один способ преодоления этой неопределенности – это изучение системности культуры и системности знаний, стоящих за культурным предметом» [Уфимцева 2006: 98].

Отечественная психолингвистика, изучая языковое сознание разных этносов, уже далеко продвинулась в данном направлении. Представляется, что эти исследования дают возможность приблизиться к пониманию первоосновы, на которой в дальнейшем выстраивается целостный образ мира народа, к источнику его самоощущения, сформировавшегося в течение веков под воздействием культуры. Если выразиться более точно, то первооснова, на наш взгляд, есть некий слой фундаментальных идей, которые Хосе Ортега-и-Гассет обозначает как «и мир и “я сам”, с которым человек сталкивается» [Ортега-и-Гассет 2006: 228]. Данные идеи, отмечает философ, в корне отличаются от тех идей, которые приходят нам в голову или нами усваиваются. Эти фундаменталь-

ные «идеи» «вовсе не возникают внутри нашей жизни в некий определенный день и час, мы не доходим до них посредством размышления, они не приходят нам в голову – они не являются в итоге плодом раздумий, теми отточенными логическими выкладками, которые мы называем суждением. Совсем наоборот: эти идеи, которые поистине «верования», составляют **каркас нашей жизни**, и потому они не являются носителями какого-то частного содержания внутри нее. Достаточно сказать, что это не идеи, у нас имеющиеся, но **идеи, которые суть мы**. И более того: именно потому, что они суть коренные верования, мы не отделяем их от самой реальности – **они наш мир и наше бытие**; в связи с этим они, собственно говоря, утрачивают характер идей, мыслей, которые могли прийти, а могли бы преспокойнейшим образом и не приходиться к нам в голову... С собственно верованиями ничего нельзя сделать, кроме как просто **пребывать в них**» [там же: 228–229] [выделено нами – Л.Т.].

По нашему мнению, данная первооснова или каркас образа мира, включающий самого человека, есть не что иное, как *архетип*, понятие, впервые введенное К. Г. Юнгом для обозначения одной из трех взаимодействующих в личности структур – коллективного бессознательного [Jung 1936/1969], представляющего собой своеобразное хранилище латентных следов памяти человечества. Основная идея Юнга состоит в том, что коллективное бессознательное состоит из мощных первичных психических образов или символов, предрасполагающих людей воспринимать, испытывать определенные чувства или мыслить определенным образом относительно какого-либо объекта или события [Jung 1968]. Причем, и это следует подчеркнуть особо, согласно высказанной Юнгом гипотезе, коллективное бессознательное одинаково для всего человечества, поэтому каждый архетип связан с тенденцией выражать универсальные модели восприятия, мышления и действия в отношении соответствующей ситуации.

Однако, как показывают результаты многочисленных исследований отечественных психолингвистов, помимо универсальных, существует достаточное количество национально-специфических моделей выражения определенного типа чувств и мыслей в одной и той же конкретной ситуации. Сохраняется лишь сама тенденция реагировать, однако в целостном восприятии и оценке феномена, объекта либо события соотношение эмоционального и когнитивного компонента различается, порой весьма значительно, от нации к нации.

Ярким примером этого являются образы *друга, денег, человека*, которые, как было показано в работах Н.В. Уфимцевой [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2003, 2006], в русском и английском языковых сознаниях не соответствуют друг другу. Разумеется, речь в данном случае идет о некотором «усредненном» сознании, так как любой словарь оперирует ассоциациями «среднестатистического» человека, без учета стратификации общества. Вполне вероятно, что словари, составленные в результате исследований ассоциативных полей представителей образованной элиты и рядовых членов какой-либо языковой общности, отличались бы друг от друга. Однако не вызывает сомнений, что сохранилась бы последовательность реалий в ядре языкового сознания, которая обусловлена базовыми идеями о мире, которые составляют суть нации. Именно комплекс этих базовых идей, по нашему мнению, может быть обозначен как **архетип мироустройства**, под которым мы понимаем **первичный комплекс идей о мире, доминанту коллективного бессознательного, которая задает общую структуру образа мира и последовательность образов, всплывающих в сознании человека, отражая укорененные в бессознательном слое жизненные установки народа**. Этот комплекс идей обусловлен культурой и отражен в языке народа как синтез образа мира и человека, живущего в этом мире. Именно в архетипе мироустройства средствами своего родного языка, говоря словами Н.Д. Арутюновой, человек отразил «все, что узнал

о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свои эмоции, интеллект, свое отношение к предметному и не-предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свои отношения к другому человеку» [Арутюнова 1999: 3].

А теперь именно с такой позиции обратимся к ядру языкового сознания двух народов – русского и английского – и рассмотрим последовательность реалий окружающей действительности в архетипах мироустройства каждой нации.

В русском языковом сознании мы обнаруживаем следующее: *человек, дом, жизнь, друг, деньги, радость, дело, день, лес, любовь, работа, стол, дорога, разговор* и т.д. [САС 2004].

Как состав, так и ранг реалий подтверждают слова И. Ильина о том, что для русских мир воспринимается через «созерцание сердцем» [Ильин 2006]. Именно поэтому, как нам представляется, среди основных понятий русского языкового сознания находится *жизнь*, которая и *наука*, и *борьба*, и *путь*, и *загадка*. Она *прекрасна, хороша, интересна, удивительна*, ассоциируется с *дорогой, рекой, волей*. В жизнь включаются не только такие чувства, как *любовь, радость, счастье*, но и все, что есть вокруг – *воздух, вода, солнце, деревья, природа*.

Жизнь для русского человека невозможна без *дома* и *друга*. При этом у русских в понятии *дом* объединено как его описание, так и те чувства, которые он испытывает при мысли о доме (*защищенность*). Кроме того, сюда же русские относят семью, родственников, соседей, которые живут рядом, в одном дворе или на одной улице. В целом для русского *дом* – это место, где он является самим собой. Если же говорить о *друге*, то следует отметить, что это, как правило, человек, с которым связано общее прошлое, общие воспоминания – друг детства, тот, с кем вместе учились, либо кто-то, принадлежащий к семье.

Понимание русскими *дома* и *друга*, а также присутствие в ядре языкового сознания

связывающих эти понятия двух единиц *все и вместе*, показывает, что русский коллектив – это ближайшее окружение человека, прежде всего, его семья и друзья [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2003]. Таким образом, у русских на первом месте стоит не какой-то абстрактный механистический коллективизм, о котором так много пишут исследователи русской ментальности, а солидарность со своим близким кругом и ответственность перед людьми, входящими в него. Безусловно, можно согласиться с тем, что ответственность (интерпретируемая многими как зависимость) проявляется, в том числе, и в запрете на определенные действия, которые могут быть рациональными с точки зрения достижения успеха, но вступают в противоречия с ценностями группы или лингвокультурного сообщества. С другой стороны, такая зависимость, если воспользоваться термином Ю. Хабермаса, является одним из главных условий intersубъективного взаимопонимания, ценностная значимость которого для русских оказывается во многих случаях выше личного я.

Неотъемлемой частью архетипа мироустройства русских являются такие реалии как *радость, любовь*, а также *дело, работа*.

На наш взгляд, последние две реалии требуют особого комментария.

Во многих исследованиях, посвященных русскому народу, довольно часто встречается указание на его лень, пассивность, отсутствие деятельностного начала, отсутствие способности брать на себя ответственность. Почти столетие назад Н. Бердяев, говоря об особенностях русской ментальности и указывая на ее неразрывную связь с географическим фактором русской истории, писал: «Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны [Бердяев 1918: 23]. И уже современные исследователи отмечают, что, в отличие от протестантизма, в системе ценностей русской культуры работе отводится второстепенное место, объясняя

это следующим образом: «Западное мышление предполагает отделение человеком себя от природы, непризнание себя ее частью. В результате вырабатывается прагматично-материалистический подход к окружающему миру, исключая наличие души и других нематериальных нравственных категорий. Это приводит к трансформации функции человека в западной культуре в активность, деятельность. Незападное мышление, присущее в основном русским людям, в философском плане исходит и неразделимости человека и природы, из признания себя ее частью. Следовательно, и функция человека трансформируется в существование и гармонию, слияние с природой [Шиверских 1997: 363].

На первый взгляд, высказанное суждение находит свое подтверждение в языковом сознании русских, т.к. работа для русского прежде всего *трудная* (33), а труд – *тяжелый* (40), *непосильный* (7), *напрасный* (6), *каторжный* (5), *бесполезный* (4), хотя может *облагораживать* при наличии нематериальных целей (10) [САС 2004]. Однако, с другой стороны, высокие ранги стимулов *дело* и *работа* в ядре языкового сознания заставляют проанализировать полученные результаты более тщательно.

Как представляется, одним из возможных объяснений такой противоречивой, на первый взгляд, картины является одновременное сосуществование в русском языковом сознании неразрывного единства двух культур – культуры дохристианской, собственно русской, народной, и христианской, которая пришла на Русь значительно позже, чем на этой земле появились славянские племена.

Очевидно, что в общине лень не могла быть социально одобряемым качеством, т.к. это просто противоречит как принципу собранности, о котором пишут все исследователи русской культуры, так и принципу выживаемости на бескрайних территориях Руси с ее суровым климатом. Негативную оценку лени мы обнаруживаем до сих пор в огромном количестве антропоморфных названий, маркирующих отрицательное отношение

русских к подобному типу поведения (безделной, валеж, легкопар, невстань, нетрудь, неработяй и др.), что, как отмечает Т.И. Вендина [Вендина 2002], не позволяет говорить о том, что лодырь и бездельник для русского – явление, которое вписывается в норму.

С другой стороны, с появлением раннего христианства труд, «добывание материальных благ, грязные и тяжелые заботы о хлебе насущном» начинают ассоциироваться в сознании русского человека с «делом грубой черни» [Гуревич 1984: 268]. Объявление труда главной ценностью в период средневекового христианства, по-видимому, не смогло кардинально изменить народное сознание. Именно это подчеркивал Б.А. Рыбаков, писавший: «Анализ показывает, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предшествующих эпох. Они могут быть ослаблены, отодвинуты на второй план, несколько трансформированы, но они остаются ощутимы почти до наших дней» [Рыбаков 1974].

Среди причин, которые могут в какой-то мере объяснять появление подобных ассоциативных реакций, назовем также:

1) определенные противоречия между провозглашенными новыми взглядами на труд и существующими в Новом Завете и Экклезиасте представлениями о нем (ср.: «Оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем» [Экклезиаст, Кн. 2: 11]);

2) связь старославянского глагола трудиться со страданиями. «Труд в русском языковом сознании не просто работа, некоторое занятие, – пишет В.Н. Топоров, – труд прежде всего труден и мучителен (время его, страда, своим обозначением отсылает к теме страдания), он понимается как нечто вынужденное, принудительное (нужда, нудить), и в этом смысле он не просто бремя, но и проклятие человеческой жизни» [цит. по: Толстая 1998]. К подобному мнению приходит на основе изучения различных славянских

диалектов и С.М. Толстая: «лексема *trud* покрывает своей семантикой весь жизненный путь человека – от рождения в трудах и муках (ср. сх. трудити се «рожать») через непрерывный труд всей жизни до последних смертных мук (ср. блр. Тата сільна трудніся, пакуль умер)» [Толстая 1998: 27].

Если ассоциативный ряд, полученный на стимул *работа*, вполне объясняется культурно-историческими условиями, в которых формировалась русская нация, то для понимания причин отсутствия реалии *работа* в первой десятке слов, вошедших в русское языковое сознание, следует обратиться к недавнему прошлому народа.

С точки зрения психологии личности, высокий ранг *работы* в совокупности со значимостью *денег, банковских счетов, страховок* и т.д. является показателем потребности в стабильности, которая рассматривается как одно из проявлений потребности в безопасности и защите [Maslow 1987: 19]. Исторически русские всегда удовлетворяли данную потребность за счет принадлежности к группе («так называемый русский коллективизм», по точному выражению Н.В. Уфимцевой), в которой они чувствовали себя защищенными. При этом в последние семьдесят лет потребность в безопасности и защите обеспечивалась не только групповой поддержкой, но и социальным окружением, гарантированной государством работой, заработной платой и другими социальными благами, поддерживающими в людях уверенность в будущем. Вероятно, представления недавнего прошлого еще достаточно свежи и продолжают оказывать влияние на сознание народа.

Таким образом, можно заключить, что амбивалентное отношение к труду у наших современников, которое отражается в РАС [РАС 202] и САС [САС 2004], имеет глубокие исторические и культурные корни. Однако это совершенно не означает, что русские пассивны и бездеятельны в жизни.

Во-первых, *дело* у русских занимает одно из самых значительных мест в ядре структуры языкового сознания. Дело – это *вре-*

мя, работа, бизнес, оно важное, большое, любимое, нужное, (всей) жизни, хорошее и т.д. [САС 2004]. По данным РАС [РАС 2002] существует устойчивая связь между *делом* и *словом*, причем дело связано с такими понятиями как *польза, работа, труд*, оно *нужное живое, важное, серьезное, свое, мое, полезное, свято*.

Во-вторых, свидетелем активного отношения русских к жизни и миру является сам язык. Как отмечает Т. И. Вендина [Вендина 1998: 2002], анализ старославянского языка, в котором отсутствуют фитонимы, где актуализируется эстетическая оценка, и, напротив, обнаруживаются многочисленные мотивационные признаки, лежащие в основе номинации предметов, связанных с хозяйственной деятельностью (см.: земля, используемая под пашню – «валок», «выжига», «за-чисток», «паленище» и т.д. [СРНГ], избняк – «лес, идущий на строительство домов», кровельник – «лес, идущий на строительство крыш», мостовняк – лес, «идущий на строительство мостов» и т.д. [ЛЯРНГ 1994, СРНГ 1965 – 1997]), однозначно подтверждает, что русский человек не созерцателен, его отношение к природе деятельностно, но, в то же время, эмоционально.

То, что русские склонны информировать окружающих о реальности на языке положительных и отрицательных эмоций, отмечает в своих работах Н.В. Уфимцева [Уфимцева 1996, 1998, 2000, 2003, 2006]. В пользу этого говорит как огромное количество эмоционально-оценочной лексики, которая встречается при описании любых реалий и зафиксирована в словарях, так и то, что в ядре русского языкового сознания присутствуют несколько пар признаков (оценок): хорошо – плохо, большой – маленький, хороший – плохой, быстро – долго.

Это заставляет нас еще раз обратиться к аналитической психологии Юнга, точнее, к психологическим функциям, с помощью которых можно достаточно полно объяснить все различия в отношении людей к миру [Jung 1921/1971]. По Юнгу, основными рациональными функциями являются мышле-

ние и чувство. Мыслящий тип судит о ценности вещей с помощью логики и аргументов, и в этом случае личность ориентирована на построение рациональных суждений об истинности или ложности оцениваемого опыта. Если в роли ведущей функции выступает чувство, т.е. в фокусе внимания оказывается эмоциональная сторона опыта, то в выносимых суждениях любое явление или вещь оценивается в категориях «плохой – хороший» «приятный – неприятный» и т.д. Иррациональные функции – ощущение и интуиция – пассивно регистрируют события либо во внешнем (ощущение), либо во внутреннем (интуиция) плане. Ощущение – это непосредственное и безоценочное реалистическое восприятие внешнего мира, тогда как для интуиции характерно сублиминальное восприятие, опора на предчувствия и догадки, с помощью которых схватывается суть событий.

Проведенный анализ присущего русским архетипа мироустройства позволяет заключить, что русские как нация, сформированная русской культурой, не только фокусируются на эмоциональной стороне жизни, но и постигают ее интуитивно. Эта «чувственная интуиция», как определяет ее Н.О. Лосский, или «способность такого духовного созерцания чувственных данных объясняется координацией субъекта со всеми предметами мира, наличием всего космоса в предсознании субъекта» [Лосский 1995: 184]. О всеединстве, связанном с соборностью, и интуиции как способе постижения мира, свойственном русским, писали и другие русские философы. «Только признав ... коренную коллективность ... органическую соборность человеческого сознания, – замечает С. Н. Трубецкой, – мы можем понять, каким образом люди психологически и логически понимают друг друга и все вещи [Трубецкой 1908: 13]. Именно о таком способе постижения мира, задаваемом русским архетипом мироустройства, свидетельствуют как отдельные центральные концепты русской культуры (еще о концептах русской концептосферы см., например, работы [Степанов

1997, Вежбицкая 1996, 1998, 2001, Лассан 2002 и др.]), так и содержание языкового сознания народа как целостная единица, раскрывающая своеобразную планетарность (термин Н.В. Уфимцевой) мышления русской нации.

Таким образом, русский архетип мироустройства – это архетип нации чувствующего интуитивного типа с доминантной социальной интроверсией (по Н. В. Уфимцевой), означающей обращенность человека «внутрь своей малой, первичной группы, внутри которой он очень чувствителен к мнению окружающих. К остальным же он проявляет сильную “социальную невозмутимость”» [Уфимцева 2003: 10].

Обратимся теперь к ядру английского языкового сознания, основными понятиями которого являются (кроме *я* и *человек*) следующие реалии и качества: *sex, money, work, food, water, time, life, love, car, house, death, home, good, nothing, bad, now, never, down, happy, great*.

Сразу подчеркнем, что наличие *я (me)* в центре ядра языкового сознания – это не уникальная особенность англичан, а характерная отличительная черта всех западных культур, определяющая их специфику.

Если анализировать ядро языкового сознания англичан как единое целое, то можно сразу отметить, что в последовательности образов, включенных в него, достаточно ярко отражена иерархическая система приоритетов в мотивации «среднего» человека (по Маслоу) [Maslow 1967, 1987 и др.]. При этом в полном соответствии с гуманистической теорией личности, в ядре языкового сознания английского народа проявляются потребности нескольких уровней, что подтверждает тезис об одновременной актуализации сразу нескольких мотивов, побуждающих деятельность индивида.

Одно из первых мест в языковом сознании англичан, в отличие от русских, занимает *work* (работа), отражающая потребности в стабильности и порядке, в предсказуемости событий, которые в целом обозначаются как потребность безопасности и защиты. С

точки зрения теории деятельности, высокий ранг данной реалии позволяет утверждать, что в английском языковом сознании эта потребность, свидетельствующая о заинтересованности человека в долговременном выживании, относится к доминирующим.

Следующим моментом, обращающим на себя внимание, является высокая значимость физиологических потребностей – потребностей поддержания жизни: *sex, food, water (секс, пища, вода)*. Эти реалии занимают ведущие позиции в ядре языкового сознания даже несмотря на то, что социальное и физическое окружение в английской культуре обеспечивает удовлетворение первичных потребностей для большинства людей.

Вполне логичным кажется и появление в этом ряду реалии *money (деньги)*, т.к. в современной культуре, ориентированной на индивида (*me (я)* – центр языкового сознания), только их наличие дает возможность удовлетворять как основные потребности выживания, так и потребности безопасности и защиты.

Кстати, отметим, что в сознании англичан отсутствует наш аналог слова *дело* (для русских – одна из важнейших реалий, дело, которому они, в отличие от работы, могут посвятить всю жизнь).

Интересен ряд реалий, которые обнаруживаются в ядре языкового сознания англичан между *жизнью* и *смертью* («планетарное» мышление русских вообще исключает *смерть* из ядра языкового сознания). Этот короткий список между *жизнью* и *смертью* включает в себя *love, car, house (любовь, машина, здание)*. То, что в этом ряду *love (любовь)* соседствует с материальными вещами: *car (машина), house (здание)*, т.е. то, что можно приобрести, что имеет стоимость, на наш взгляд, подтверждает мнение психологов о поверхностном характере человеческих отношений в западной культуре, о безразличии «среднего» англичанина к проблемам дома и сообщества. Кстати, реалия *home (дом)*, значимость которой для англичан часто подчеркивается исследователями, также присутствует в ядре языкового сознания, однако

занимает значительно более скромную позицию, чем у русских.

Особо отметим, что слово *friend* (*друг*) практически замыкает список ядерных понятий. Однако это не вызывает удивления, если более внимательно посмотреть на специфику дружбы, отражаемую в английском языке. В своих работах мы уже упоминали, что русскому *найти друга*, где в самом выражении заключен элемент непредсказуемости, везения, судьбы, в английском языке соответствует *to make friends* – «*делать*» *друзей*, т.е. это сознательный и активный процесс приобретения, требующий рационального подхода к выстраиванию связей с другими людьми и контроля над своей жизнью (ср.: «...in the teens it takes longer to make friends than in the grammar school years» [Packard 1974: 237]). Примечательно и то, что в английском языке выражения *to find a friend* (*найти друга*), *choosing a friend* (*выбирать друга*) не являются устойчивыми, хотя в принципе возможны. С другой стороны, уже появилось и стало достаточно распространенным выражение *to win friends* (по аналогии с *to win a game, competition, race, election, prize, victory, etc*) – *завоевывать друзей*.

Словарные дефиниции, которые даются в английских словарях, также отражают понимание дружбы как отношений, доставляющих удовольствие и основанных на симпатии к человеку (друг у русских – это человек, который близок душевно, с которым можно вести разговоры о смысле жизни). Как замечает А. Вежбицкая, в современном словоупотреблении носители английского языка, говоря о своих друзьях, чаще всего используют выражения *enjoyment, pleasure* (*удовольствие*) и *fun* (*забава*) [Вежбицкая 1999: 335], что в целом абсолютно отличается от требований, предъявляемых к другу в русской культуре.

Представляется, что рассмотренные особенности дружеских отношений, передаваемые в языке, отражают общее радикальное разделение социального и индивидуального, существующее в западной культуре.

Западный взгляд на эмоции как на «физи-

ологические явления, конкретизированные психофизиологические состояния или обьективированные внутренние неслучайные явления» [Lutz 1988: 4], являющиеся полностью аспектом индивидуальности, подтверждается составом ядра языкового сознания англичан, в котором практически отсутствует (если не считать пары *good – bad* (*хорошо – плохо*)) эмоционально-оценочная лексика.

Здесь уместно вспомнить, что в английском языке, по сравнению с русским, эмоциональное поле вообще разработано значительно слабее. Об этом свидетельствуют как словари, так и многие исследования, посвященные человеческим эмоциям. Яркой иллюстрацией к сказанному является замечание А. Вежбицкой, которая, сравнивая русские слова *грусть, печаль, тоска* и английское *sadness*, пишет: «В литературе, посвященной человеческим эмоциям, в качестве прототипической ситуации, когда человек испытывает *sadness*, приводится ситуация, когда у него умирает ребенок. В русском языке *грусть* нормально не ассоциируется с ситуацией такого рода. Слово *печаль* могло бы использоваться в подобном случае, однако, в соответствии с русскими общекультурными установками, вероятно, более естественным выглядели бы более драматичные эмоции, такие как *горе* или *отчаяние*» [Вежбицкая 2001: 25] [курсив автора – Л.Т.]. Невыполнимой оказывается на английском языке и задача выразить такую русскую фразу из «Евгения Онегина»: «И тихо слезы льет рекой». В переводе, сделанном Ч. Джонстоном, она имеет следующий вид: «she softly cries In a still stream that never dries» («плачет тихим ручьем») [Iordanskaja, Slava Papenno 1995]. И этот ряд примеров можно продолжить.

В целом, как подтверждает Русско-английский словарь коллокаций, русская культурная позиция по отношению к выражению лица, глаз, общему выражению эмоций в жестах значительно отличается от той позиции, которая предлагается общепринятыми английскими сочетаниями. На наш

взгляд, тот факт, что эта характерная черта английского языка, безусловно, связанная с культурой, находит отражение именно в ядре языкового сознания английского народа, говорит о ее высокой значимости для целостного образа мира англичан, в котором выражение эмоций находится под строгим контролем сознания. Это проявления так называемой «скрытой культуры» (термин Дж. Хонигмана), которая «подразумевает под собой идеи и чувства – феномены, непосредственно не наблюдаемые, но проявляющиеся через речь или при анализе материальных продуктов деятельности» [Хонигман 2001: 52], однако всегда обнаруживаемые в отношениях, стремлениях и поведении человека.

Если рассматривать результаты, полученные при изучении языкового сознания английского народа как продукт речемыслительной деятельности, в котором отражены основные психологические функции нации, заложенные культурой, а также ее базовый архетип мироустройства, то можно сделать следующие выводы.

Англичане как нация относятся к мыслящему типу, выводы которого о сути и ценности тех или иных вещей выносятся на основе логики и аргументов. В определении истинности либо ложности оцениваемого события они ориентированы на построение рациональных прагматических суждений. Их восприятие внешнего мира неэмоционально, безоценочно и реалистично, они в большей степени склонны к беспристрастной регистрации происходящих во внешнем мире событий, чем к интуитивному их «схватыванию». С одной стороны, движущей силой для англичан являются внешние факторы, с другой – они погружены в свой внутренний мир и сосредоточены на самих себе. Поэтому нам представляется, что наиболее точным определением жизненной установки англичан как нации является индивидуальная экстраверсия, объединяющая направленность на свое *я* в ее крайних выражениях в сочетании с жестким следованием установленным правилам и фокусировкой на объективных,

имеющих практическое значение фактах окружающего мира. Главными компонентами архетипа мироустройства, управляющего на бессознательном уровне восприятием мира и поведением англичан, являются: акцент на *я*, фокусировка на работе, которая обеспечивает *я* всем необходимым для жизни, и, более того, дает чувство безопасности, которое позволяет не создавать и не поддерживать дополнительно близкие отношения с другими людьми. Близость и интенсивность отношений заменяется широкой, но поверхностной сетью социальных связей «по интересам».

Ядро американского языкового сознания как интегральное образование, в отличие от русского и английского, до сих пор не выделено. Однако, как нам представляется, значительный массив данных о ценностях американской культуры и ее основных концептах позволяет построить теоретическую модель архетипа американского мироустройства, которая в дальнейшем может быть подвергнута экспериментальной проверке.

Выделяемые многими исследователями (см. например: [Хсю 2001, Хонигман 2001, Packard 1974 и др.]) особенности американской культуры, включая понимание успеха, позволяют, на наш взгляд, не только сделать выводы о жизненной установке американцев как нации, но и смоделировать их архетип мироустройства.

При определении доминирующей эгонаправленности американского национального типа необходимо учесть, что американцы подвижны, общительны, быстро устанавливают отношения, причем социальные связи «среднего» американца очень широки и включают в себя самых разных людей, от коллег до случайных знакомых. Типичный американец активно и даже агрессивно старается отстаивать и распространять свои ценности. Отметим в связи с этим, что одним из наиболее одобряемых социальных качеств является ассертивность (*assertive – behaving in a confident way so that people notice you* [Longman 1995: 66]) или *ассертивное поведение*, термин, не имеющий аналога в русском языке и определяемый в

словаре как *вести себя решительно, так, чтобы окружающие не могли заставить тебя делать те вещи, которые ты не хочешь делать* [Longman 1995: 65]. При этом американцы строго соблюдают все установленные правила и законы, регламентирующие общественную жизнь в своей стране. Важно подчеркнуть, что одним из базовых мотивов деятельности является мотив утверждения и доказательства своей независимости, т.к. этот страх в американском обществе «настолько велик, что не уверенный в себе человек вызывает ненависть и именуется неудачником. “Зависимый характер” – настолько унижительная характеристика, что человек, обладающий этим качеством, по общему мнению, нуждается в помощи психиатра» [Хсю 2001: 215].

Совокупность вышеперечисленных качеств дает возможность рассматривать доминирующую эго-направленность американского национального типа как социальную экстраверсию, в которой проявляется эго-специфическая направленность интереса к внешнему миру. Американский прагматизм и рациональность свидетельствует о том, что в паре рациональных функций ведущая роль принадлежит функции мышления. Во второй паре иррациональных функций доминирует непосредственное и реалистическое восприятие, т.е. ощущение.

Безусловно, как и в случае с англичанами, поведение американцев и их подход к миру определяются архетипом мироустройства, в центре которого находится сам индивид, индивидуальное *я*. Однако американское *я* отличается от замкнутого на себе *я* англичанина (напомним в связи с этим, что *privacy* – один из базовых концептов английской культуры). *Я* американца направлено в мир, которому он постоянно должен доказывать свое соответствие американскому идеалу. В силу этого потребность в безопасности, реализуемая в английской культуре в стремлении к стабильному и упорядоченному миру вокруг, в американском архетипе мироустройства находит выражение, прежде всего, в стремлении подняться как можно

выше по карьерной лестнице, достичь большего и в социальном, и в материальном плане (см.: «Уверенность в себе является, как это было всегда, путем к индивидуальной свободе. **Реальную безопасность может принести лишь способность и желание усердно работать**, планировать и экономить ради настоящего и будущего» (Памятка для учеников школы в Большом округе Чикаго. Цит. по: [Хсю 2001: 214]) [выделено нами – Л.Т.]. Представляется, что все вышеназванные свойства, как и гиперактивность, стимулирующая американцев к участию в общественной жизни, к частой смене места работы и места жительства, к расширению сети социальных связей – это следствие воинствующего характера американского индивидуализма, помогающего скрывать испытываемое индивидом на бессознательном уровне чувство незащищенности.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что у каждой нации существует свой архетип мироустройства или, другими словами, своя схематичная модель мира, отмеченная этнической спецификой и входящая в содержательную ткань менталитета как множество когнитивных, эмоциональных и поведенческих стереотипов нации.

Следовательно, процесс межкультурного общения – это не просто процесс обмена определенным подмножеством активированных знаний между партнерами по коммуникации, который сам по себе достаточно сложен в силу того, что в нем участвуют личности:

1) с разным строением лексикона, опосредованным различными когнитивными стилями;

2) с разными установками на общение;

3) с разными способностями к рефлексии и разными типами мышления.

Межкультурное общение осложняется еще и тем, что это обмен образами сознания и знаниями, закрепленными в языковых знаках и сформированными в рамках разных этнолингвокультур, на ход которого огромное влияние оказывает национальный архетип мироустройства, определяющий восприятие

образа мира человека и определяющий его поведение на бессознательном уровне.

Все вышесказанное представляется достаточным для того, чтобы вернуться к основной проблеме – качествам личности, оптимизирующим процесс дипломатической коммуникации и позволяющим определять ее как искусство.

Проанализируем, какое влияние оказывают все выделенные факторы на процесс коммуникации, т.е. передачу знаний как когнитивную трансакцию, особенность которой состоит в том, что дипломатический дискурс относится к институциональным видам дискурса, регламентируемым целым сводом правил, а сама трансакция происходит между представителями различных культурных сообществ.

Во-первых, очевидно, что необходимым предварительным условием общения является, по крайней мере, знание языкового кода и стереотипов поведения, принятых в данном культурном сообществе, т.к. без соблюдения этого условия коммуникация состояться не может. Причем, если для бытового дискурса достаточно элементарного общего знания хотя бы каких-то семиотических систем – универсальных значений улыбки, языка тела либо невербальных знаков коммуникации (например, таких, как знаки дорожного движения и некоторые другие знаки), то в дипломатическом дискурсе этих знаний явно недостаточно.

Безусловно, коммуникация возможна и при неполном знании, и в этом случае существующие лакуны могут в какой-то степени компенсироваться установкой на кооперативное общение и развитым чувством эмпатии, которое позволяет определить и преодолеть возникшие препятствия, устранив расхождение в ходе обмена экзистенциальным знанием, т.е. общим знанием, имеющим отношение к области общения.

Во-вторых, помимо знания кода и общих экзистенциальных знаний, необходима определенная общность референциальных знаний, которая в значительной мере обеспечивается совпадением истории деятель-

ностей, образованием, принадлежностью к одному социальному кругу. Другими словами, речь идет о степени совпадения структуры индивидуального лексикона и наполнения его отдельных концептов. Достаточно очевидно, что эта структура формируется в процессе вхождения индивида в родную культуру, однако обусловлена, прежде всего, его индивидуально-психологическими характеристиками, в частности, особенностями процесса мышления.

Третьим, не менее важным фактором, является наличие у человека релевантных знаний, касающихся непосредственно дискурсивной ситуации, которые позволяют делать предварительные прогнозы об актуализированном подмножестве знаний адресата, о возможных путях развития коммуникативного процесса и о перспективах достижения целей, как поставленных партнерами, так и своих собственных. В дипломатическом дискурсе правильная оценка статуса собеседника, его полномочий, намерений и т.д., а, соответственно, актуального содержания его когнитивного множества, имеет определяющее значение для принятия решения даже в ситуации неопределенности. Так как эти знания есть результат оценки ситуации участниками общения, то здесь главное значение приобретает когнитивный стиль говорящих – особенности восприятия, понимания и объяснения происходящего, в которых «обнаруживают себя индивидуальные интеллектуальные возможности в условиях реального взаимодействия со своим окружением» [Холодная 2002: 195]. Другими словами, особенности организации ментального пространства, в рамках которого строится познавательный образ происходящего: развернутость границ ментального пространства, степень его проницаемости, его артикулированность, разведенность в нем разнородных категориальных уровней, интегрированность в его психической ткани различных модальностей опыта, будут определять степень объективности индивидуальной картины ситуации общения и процессы регуляции

аффективных ресурсов субъектов коммуникации в структуре их познавательной деятельности (как в режиме сдерживания, так и в режиме вовлечения в работу индивидуального интеллекта) [там же: 194].

Последний (по порядку, но не по важности) фактор касается архетипа мироустройства, а, точнее, того влияния, который он оказывает на ход дипломатической коммуникации. По нашему мнению, именно данный архетип, представляющий собой единое целое, а не набор дифференцированных частей, в значительной мере обуславливает специфику межкультурного общения. Более того, он особо важен в общении дипломатическом, т.к. обусловленные им проблемы в коммуникации имеют значительно более серьезные последствия, чем сбои в любом ином типе дискурса.

Можно предположить, что именно архетип мироустройства определял во многом поведение министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, которого западные партнеры называли «господином нет». Направленность на интересы своей страны, явная социальная интровертированность, ответственность перед той группой, с которой он себя ассоциировал, заставляла его быть непреклонным, однако склонность русских к мирному существованию с соседями позволяла умело вести переговоры даже в самых конфликтных ситуациях, не доводя возникающие разногласия до трагических последствий.

Другой пример можно привести из недавней истории дипломатических отношений между Россией и США. Называя Б. Клинтона «своим другом», бывший Президент России Б. Ельцин, скорее всего, неосознанно рассматривал своего партнера как человека, которому можно верить, на которого можно положиться и т.д., т.е. через русский архетип мироустройства, где друг занимает одно из центральных мест. Ответное «друг» в устах Б. Клинтона означало лишь то, что Б. Ель-

цин входит в круг его знакомых, но вряд ли представляет какую-либо значимую фигуру в его жизни.

Кстати, именно существованием этнически маркированных архетипов мироустройства можно объяснить и существующее в дипломатии правило выделять в структуре переговорного процесса особый этап взаимного уточнения интересов, точек зрения, **концепций** и т.п. [выделено нами – Л.Т.]. Так, на переговорах по ограничению стратегических вооружений, как отмечают американские исследователи Д. Дракман и Т. Хопманн, главные проблемы возникли именно из-за того, что основное понятие общая безопасность имело совершенно различный смысл в трактовке США и СССР [цит. по: Лебедева 1999: 213]. Как тут не вспомнить об американском я, которое находится в центре мира и которое обязано доказать свое превосходство, чтобы не быть заподозренным в зависимости, и о русском архетипе мироустройства, основанном на дружбе, любви и мирном сосуществовании разных групп людей.

Таким образом, подход к дипломатическому дискурсу как общению личностей, принадлежащих к разным культурам, показывает, что дипломатическое общение может рассматриваться как особый вид искусства, степень владения которым определяется совокупностью:

- 1) индивидуально-психологических качеств его участников – превосходным знанием как родного, так и чужого языкового и невербального кода, способностью к эмпатии, типом установки на общение, особенностями структуры индивидуального лексикона, обусловленными типом мышления и когнитивным стилем говорящего;
- 2) спецификой архетипа мироустройства как производного национальной культуры;
- 3) знанием особенностей архетипа той культуры, с представителями которой говорящий вступает в контакт.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
- Бердяев Н.А.* Национальность и человечество // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Коммунист, 1918. – С. 93–101.
- Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
- Вендина Т.И.* Слово как «архетип культуры» // Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей / Гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Книжное наследие, 2002. – 424 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. – М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описания языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
- Вежбицкая А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
- Ильин И.А.* Путь духовного обновления / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская книга – XXI век, 2006. – 336 с.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров: Программа. Ч. 1 – 2. СПб., 1994.
- Лассан Э.* «Надежда»: семантический и концептуальный анализ // *Respectus Philologicus*. 2002. N 2(7). – P. 28–39.
- Лебедева Н.М.* Политическое урегулирование конфликтов: Учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 271 с.
- Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995. – 400 с.
- Опыт областного великорусского слова-ря. СПб., 1852.
- Ортега-и-Гассет Х.* Запах культуры. Пер. с исп. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 384 с.
- Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1,Т.2 // Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А.. – М.: АСТ, Астрель, 2002 г. – 784 с.
- Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. №1. – С. 4
- Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский // Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М., 2004.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1 – 31. М.; Л., 1965 – 1997. – 792 с.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
- Тарасов Е.Ф.* Методологические проблемы языкового сознания // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988. – С. 176–177.
- Толстая С.М.* Труд и мука // Язык. Африка. Фульбе: Сборник научных статей в честь А.И. Коваль. – СПб., 1998. – С. 22–28.
- Трубецкой С.Н.* О природе человеческого сознания / Трубецкой С.Н. Собр. соч. Т. 2. – М., 1908.
- Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М., 1996. – С. 139–162.
- Уфимцева Н.В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языко-

вое сознание: формирование и функционирование. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 207–219.

Уфимцева Н.В. Архетипы языкового сознания русских на пороге XXI века // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2003, изд. 2-е. – С. 139–176.

Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психоллингвистики. № 4, 2006. С. 92–101.

Холодная М.А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. Учебное пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.

Хонигман Дж. Понятия // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А. А. Белика. – М.: Смысл, 2001. – С. 51–80.

Хсю Ф.Л. К. Базовые американские ценности // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общ. ред. А.А. Белика. – М.: Смысл, 2001. – С. 204–229.

Шиверских М.Р. Адаптационные тренинги как средство улучшения межкультурного взаимодействия в процессе реализации совместных образовательных программ // Россия – Запад: диалог культур. – М., 1997.

Iordanskaja L., Slava Papenno. The Russian-English Collocation Dictionary of the Human Body. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1995.

Jung C-G. Psychological Types. In The collected works of C. G. Jung. Vol. 6. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1921/1971.

Jung C-G. The archetypes and the collective unconscious. In the collected works of C. G. Jung. Vol. 8. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1936/1969.

Jung C-G. Analytical psychology: Its theory and practice (The Tavistock Lectures). New York: Pantheon, 1968.

Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd, 1978, 1995.

Lutz C. Unnatural Emotions: Everyday Sentiments of a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory. Chicago, 1988.

Maslow A.H. A theory of metamotivation: The biological rooting of the value-life // Journal of Humanistic Psychology. N 7. 1967. P. 93 – 127.

Maslow A.H. Motivation and personality. 3rd ed. New York: Harper and Row, 1987.

Packard V. A nation of strangers. New York: Pocket Books, 1974.

Н.В. Дмитриук, С. Юсупова

СИСТЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ КАЗАХСТАНСКОГО СОЦИУМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В качестве объекта исследования системы ценностных ориентиров казахстанского социума были взяты концепты, выбранные учеными Сектора психолингвистики РАН и включенные в состав анкет, предназначенных для выявления ценностных ориентаций русского социума. В статье анализируется представленность концептов в языковом сознании информантов – представителей разных социумов, проживающих в Казахстане. Автор делает попытку понять, насколько и в какой мере осмысленны, значимы, ценны или, напротив, пусты слова, обозначающие ценностно нагруженные понятия – концепты.

Ключевые слова: концепт, языковое сознание, ценности, аксиологические стереотипы, социум.

N.V. Dmitryuk, S. Yusupova

THE SYSTEM OF VALUES OF THE SOCIETY IN KAZAKHSTAN: PROBLEM DEFINITION

The subject matter of the study, examining the system of values of the society in Kazakhstan, are the concepts, chosen by the scientists of the psycholinguistics of the Russian Academy of Sciences and included in questionnaires, intended for eliciting the system of values of the Russian people. The article analyses the concepts in the language consciousness of the informants, representatives of different communities living in Kazakhstan. The author tries to estimate how significant, valuable or on the contrary are the words, naming concepts.

Key words: concept, linguistic consciousness, values, axiological stereotypes, society.

При обосновании исследовательских проектов обычно прежде всего указывают на прагматические и научные задачи, вызвавшие к жизни конкретный проект, усматривая именно в этом актуальность работы.

Национальная идея и стратегия современного Казахстана – в сохранении самобытной казахской культуры в контексте единения и толерантного содружества всех населяющих Казахстан народов. Реализация этой национальной идеи и стратегия развития государства по-новому ставят проблему мобилизации социальных и психологических механизмов этноидентификации казахстанцев в целом, и казахов как этнодоминирующей группы – в частности. Решению столь важной цели государства и общества может способствовать гражданское и этническое самосознание казахстанцев.

Система ценностных ориентиров казахстанского социума и казахское самосознание на сегодняшний день может оказаться мощным стратегическим ресурсом в достижении поставленных перед обществом благородных целей содружества и творческих созидательных задач. Но в случае «перевешивания» весов, нарушения межкультурного равновесия и толерантности могут произойти нежелательные «сдвиги» в этническом самосознании сограждан в сторону интолерантности, что способно спровоцировать этносоциальную напряженность, элементы фрустрации и этноцентризма в обществе.

Наше исследование посвящено изучению системы ценностных ориентиров, понимаемых «как относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысло-жизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных ка-

честв...» [Журавлев, Журавлева 2007: 472], которые являются существенной частью языкового сознания (ЯС) членов любого социума.

Ценностные ориентации членов социума создаются в их сознании, когда человеческая деятельность приобретает социальную определенность, формирующуюся в ходе соотношения целей деятельности с должным. «Человеческие ценности, социальные типы (социальные роли), социальные стереотипы поведения, образы и стили жизни, социальные мифологемы – это представления, конструируемые в социуме для маркирования и регулирования социальных отношений. Эти представления означиваются при помощи слов с социально сконструированным значением. Значения слов, обозначающих деятельность и ее структурные части, технологически детерминированы целью субъекта и природными качествами предмета-объекта, а значения слов, обозначающих общение членов социума в целом и отдельные его аспекты, детерминированы целями субъекта и социальными качествами человека-объекта» [Тарасов, 2009: 78]

С позиций психолингвистики анализ подобных социальных конструктов – это анализ содержания, ассоциированного с соответствующими лексическими единицами.

Изучение всех проявлений оценки в национальных формах языкового сознания позволит выявить этнокультурные особенности ценностного (аксиологического) отношения к миру того или иного народа. Поэтому ценностный аспект этнокультурного сознания составляет ее «глубинный» уровень. В связи с этим, в последние десятилетия происходит интенсивное развитие аксиологического подхода. Центральное место в аксиологии занимает понятие «ценность». Ценность связана с реальной действительностью, окружающей

человека, и его потребностями, поэтому она выражает определенное оценочное отношение к этой реальности. Следовательно, ценность – это не какая-то вещь или предмет, а ценностное отношение. Ценностное отношение обнаруживается во всех продуктах духовного и материального производства, оно переходит из одной сферы в другую, приковывая общественное мнение к наиболее важному и существенному. Человек живет в мире культуры и само его существование немислимо вне системы ценностей, ценностных ориентаций и потребностей. Специфика человеческого отношения к миру такова, что люди всегда рассматривали окружающие их предметы, явления, процессы, других людей и себя не нейтрально, а оценивая их с позиции истины или лжи, добра или зла, прекрасного или безобразного, справедливого или несправедливого и т.д. Мир ценностей есть, прежде всего, мир культуры в широком смысле слова, это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей, то есть тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности.

В условиях современной глобализации происходит переоценка ценностей: в обществе, которое состоит из множества уникальных индивидов, различных народов, социальных слоев и государств, имеющих свои ценностные ориентации, нередко противостоящие друг другу, значимым становится поиск общечеловеческого начала в ценностном богатстве мира, осмысление того, что является жизненно важным, что должно составлять всеобщую идею любой культуры, ее ценность. Все сферы современного общественного развития характеризуются небывалым изменением традиционных ценностных представлений, обесцениванием того, что недавно считалось незыблемым и, наоборот, многие процессы

и явления приобретают ценность.

Исторический опыт человечества свидетельствует о том, что всегда, во все времена, приоритет имеют общечеловеческие ценности. Общечеловеческие ценности считаются более или менее устойчивыми личностными образованиями. Это проявляется в таких процессах, как усиливающиеся и углубляющиеся контакты национально-этнических культур, их взаимовлияние и синтез, а также модернизация. Сказанное в полной мере относится и к современному казахстанскому обществу. Обретя свою независимость в результате распада Советского Союза, Казахстан столкнулся с необходимостью на новой основе строить свою экономику, культуру, политическую систему. Многие преобразования в республике сопровождаются сложными процессами перемен в сознании граждан, вызванных падением духовно-нравственного потенциала культуры. Поэтому аксиологическая проблематика является сегодня актуальной.

По своей культурной значимости ценности могут быть выстроены в соответствующий восходящий ряд, своеобразную иерархию ценностей, так как ценности бывают разными: одни из них связаны с высшими духовными потребностями человека, другие связаны с его непосредственным материальным бытием. Чем выше стоит в этой иерархии воплощенная в объекте ценность, тем выше его культурная значимость. И, наоборот, если объект лишается присущей ему ценности, то он перестает быть объектом культуры. Ценности, как отмечалось выше, формируют ценностное отношение человека к миру. Ядром ценностного отношения человека к миру становится картина мира того социума, в котором он живет. «Картина мира» представляет собой способ восприятия и овладения миром, с помощью которого человек осваивает весь поток

жизненных впечатлений, имеющих в окружающей его действительности, и складывает эти впечатления в целостную систему представлений о внешнем мире. Таким образом, картина мира как целостная система взглядов на окружающий мир состоит из определенных элементов и компонентов. Эти компоненты по своему содержанию делятся на универсальные, присущие людям любой эпохи и любой национальности, и особенные, специфические, характерные для определенной эпохи и определенного общества или социума.

По мнению Г.В. Колшанского, «единая логико-мыслительная база», на которой строятся различные концептуальные картины мира, способствует наличию в разных языках и языковых универсалий [Колшанский 1990: 51]. В связи с этим в научный обиход активно вошло понятие «концепт». Концепт признается основной единицей ментальности (языкового сознания), так как сводит все существующие и наблюдаемые факты и явления действительности окружающей человека к единому понятию. Однако не всякое понятие может выступать в виде концепта. Концепт - это жизненно важное, значимое для конкретного этноса понятие, формирующее менталитет, психологию народа. Понятия, лежащие в основе концепта, могут иметь общечеловеческий характер, однако представления, связанные с данными понятиями, у разных этносов разные. Следовательно, описание сходств и различий проявления языкового сознания возможно через концептосферу и систему составляющих ее концептов. Концептосфера – совокупность концептов, из которых, как из мозаичного полотна, складывается миропонимание носителя языка [Маслова 2005: 17].

Каждый язык можно представить в виде определенной системы концептов,

посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира.

Концепты возникают в сознании человека не только как «потенции, отраженные в словарном запасе», но и на основе личного и народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта [Лихачев 1997: 284]. По мнению многих ученых, в концепте сконцентрированы многовековой опыт, культура и идеология каждого народа, которые синтезируются и фильтруются в тезаурусе языковой личности (Ю.С. Степанов, Т.А. Фесенко, И.А. Стернин, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Э.Д. Сулейменова, Г.Г. Гиздатов, Н.В. Дмитриук, Л.К. Жаналина, Ш.К. Жаркынбекова, Б.А. Ахатова, Б.К. Аязбаева, Б.С. Жумагулова и мн. др.).

Каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает в себя, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к отражаемому объекту и другие компоненты. Исследователь В.И. Карасик, выделяя понятийный, образный и ценностный компоненты, подчеркивает принципиальную значимость ценностного компонента в структуре концепта, так как этот компонент является культурно значимым. Ценности тесно связаны со способностью человека к созданию глобальных общественных идеалов. Ценностными, культурно значимыми являются идеалы сообщества, т.е. идеалы, которые выходят за рамки индивидуального. Поэтому-то ценности, а следовательно, и включающие их в себя концепты, являются по сути отражением отдельных аспектов таких идеалов

[Карасик 2002: 91].

С учетом вышесказанного в нашей работе в качестве объекта исследования были взяты концепты, выбранные учеными Сектора психолингвистики РАН и включенные в состав анкет, предназначенных для выявления ценностных ориентаций русского социума. Вот этот список: Жизнь, воля, власть, работа, семья, свобода, деньги, друг, ребенок, любовь, мир, время, счастье, я, земля, человек, здоровье, справедливость, вера, труд, родина, народ, дружба, долг.

Выбор данных концептов обусловлен общечеловеческой значимостью (ценностью) этих понятий-концептов, которые носят универсальный характер, поскольку присутствуют в любой этнической культуре и являются сущностными для человека.

В нашем исследовании, изучая представленность названных концептов в языковом сознании информантов – представителей разных социумов, проживающих в Казахстане, мы стремились понять, насколько и в какой мере осмысленны, значимы, ценны или, напротив, пусты слова, обозначающие ценностно нагруженные понятия – концепты.

Выявить ценность или «опустошенность» (в терминах Р.М.Фрумкиной) содержания рассматриваемых концептов для представителей исследуемых социумов призваны помочь аксиологические стереотипы и сопутствующая им оценка. Отметим, что под социумом мы понимаем устойчивую социальную общность, характеризующую единством условий жизнедеятельности людей, общим местом проживания и наличием вследствие этого общей культуры [Голованов 2001].

Каждый человек живет в мире стереотипов, навязанных ему культурой, к которой он принадлежит. В любом обществе складываются определенные стереотипы – как относительно самих

себя, относительно поведения и традиций в пределах своего культурного пространства, так и относительно представителей другого языкового и культурного пространства. Исследование стереотипов крайне важно для теории межкультурной коммуникации. Стереотип рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У. Липпман, И.С. Кон, Г. Таджфел, П.Н. Шихирев, Ю.Д. Апресян, Е. Бартминский, А.К. Байбурин, И. Панасюк, Л.П.Крысин, Е.Л.Березович, Е.В. Рахилина, И.М. Кобозева, Ю.А. Сорокин, В.В. Красных, В.И.Карасик, В.А.Маслова и мн. др.). В казахстанской лингвистике стереотипные представления анализировались в работах М.М. Копыленко, Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Р.С. Амреновой, К. Головиной, Н.В. Дмитриук, Ш.К. Жаркынбековой, С.Е. Исабекова, Г.И. Исиной, А.Х. Азаматовой, Л.К. Яковенко, У.Е. Мусабековой и др. В перечисленных работах исследовались в основном культурно-языковые, национально-культурные, этнические стереотипы. Изучение же аксиологических стереотипов может послужить основой для коррекции культурной и языковой политики в республике Казахстан, для познания языка и культуры и, наконец, для развития межкультурной коммуникации, приобретающей особую актуальность в эпоху глобализации, характерной для конца XX – начала XXI столетия. Проблема ценностей рассматривалась в ряде научных исследований, однако на материале конкретных этнических групп и с более широким применением экспериментальных методов она не исследовалась.

Таким образом, при всей важности лингвоаксиологии многие вопросы ее еще не решены: не выделены основные единицы аксиологической лингвистики

и их сущностные признаки, не достаточно освещены способы языковой репрезентации ценностей, не разработана методика их изучения, не показаны преимущества сопоставительного анализа аксиологических картин мира, и даже отсутствует однозначное определение ценностей. Повышенное внимание в современной лингвистике к ценностной и оценочной стороне наивной картины мира человека и определяет актуальность темы нашего исследования.

Литература

- Голованов О.* Краткий словарь по социологии. – М., 2001.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и в языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
- Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Академия, 1997. – С. 280–287.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В.А. Маслова. – 2-е изд. – Минск.: ТетарСистемс, 2005. – 256 с.
- Тарасов Е.Ф.* Проблемы формирования языкового сознания: социальный аспект / Актуальные проблемы филологии и социально-гуманитарных наук. – Шымкент-Москва, 2009.

В.М. Хаимова

**В. МАЯКОВСКИЙ И М. ЦВЕТАЕВА:
К ТИПОЛОГИИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ МАЯКОВСКОГО
«ПРО ЭТО» И «ПОЭМЫ ГОРЫ» ЦВЕТАЕВОЙ)**

В статье содержится анализ лирических героев Маяковского и Цветаевой, их типологического сходства и индивидуальных различий. Отмечаются романтические тенденции в создании образов.

Ключевые слова: лирическая поэма, лирический герой, тема быта и бытия, художественное время и пространство.

V.M. Khaimova

**V. MAYAKOVSKY AND M. TSVETAEVA:
TO PERSONAS' TYPOLOGY (THE BASIC IS
MAYAKOVSKY'S POEM «ABOUT IT»
AND TSVETAEVA'S «MOUNTAIN POEM»)**

There is Mayakovsky and Tsvetaeva personas' analysis in the article, their typological resemblance and unique diversities. We can see romantic tendencies in personas creation.

Key words: lyric song, persona, theme of love, theme of life and existence, artistic time and space.

Лирические поэмы Маяковского и Цветаевой – о вечном – о любви. Эти поэмы родственны по накалу страсти, по верности поэтов своим идеалам, их художественному решению темы любви и быта. Необходимо отметить, что быт – это не только то, что окружает лирических героев в повседневности, но и обыденное, приземленное в жизни и в человеке.

Поэма Маяковского «Про это» (1923) написана «по частным мотивам – об общем быте» [Маяковский 1955: 26]¹. Поэму необходимо рассматривать в связи с исканиями дореволюционного героя Маяковского: в поэме Маяковский возвращается к мотиву несовершенства бытия в его онтологическом смысле, развитому в ранних лирических поэмах. Другие мотивы поэмы раскрываются через призму этой, глобальной проблемы. В поэме Маяковского любовь – социально значима. Через любовь и отношение к ней проявляется человек и самое бытие.

В любовной лирике Цветаевой нет того социального накала, который пронизывает многие произведения Маяковского. Ее любовь – вне времени, пространства, социальной обусловленности. В любовной лирике Цветаевой до глубины, до сердцевины раскрывается духовный облик лирической героини-поэта, ее самые важные черты, ее противоречивость. Любовь в лирике Цветаевой – это всегда расставание, разлука, конец любви, разъединенность родных душ (цикл «Провода», «Песня», «Волк», «Расстояния...» и др.).

«Поэма Горы» и «Поэма Конца», написанные М.Цветаевой в Чехии в 1924 г., несут на себе отпечаток духовно богатой личности поэта, его нравственного максимализма. Размах чувства в них так велик и сила его трагизма так глубока, что они становятся очень значительными по содержанию: раскрывая извечную борьбу духовного и материального в любви, они приобретают философское звучание.

Поэмы связаны образно, лексически и те-

матически. Первоначально они мыслились как единая «Поэма Расставания». В «Поэме Конца» получают дальнейшее развитие мотивы «Поэмы Горы». «Поэма Горы» и «Поэма Конца» – одно, – писала М.Цветаева Б. Пастернаку в 1926 году – только гора раньше и – мужской лик с первого горяча, сразу высшую ноту, а «Поэма Конца» – уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы... «Поэма Горы» – гора, с другой горы увиденная, «Поэма Конца» – гора на мне, я под ней» [Цветаева 1984: 528].

Высокая патетика характерна для пролога поэмы «Про это». Любовь ставится лирическим героем Маяковского в разряд важнейших ценностных категорий – истины и красоты. Эта тема уже не «личная и мелкая», она разрастается до глобальных масштабов «любви-громадины»:

...Эта тема

сейчас

и молитвой у Будды

и у негра вострит на хозяев нож... [IV, 139].

И здесь же, в прологе, уже слышны нотки трагизма:

...Эта тема пришла,

остальные оттерла

и одна

безраздельно стала близка.

Эта тема ножом подступила к горлу
Молотобоец!

От сердца к вискам...

Эта тема день истемнила, в темень
колотись – велела – строчками лбов...

[IV, 139].

Мир, который окружает героя, противопоставлен его представлениям о том, каким он должен быть. В этом мире все обезличено, в нем нет любви, а значит – красоты и истины. В таком мире жить нельзя.

В основе «Поэмы Горы» Цветаевой – конфликт быта и бытия, даже если под бытом подразумевается дом, семья.

Образ Горы в поэме Цветаевой полисемантичен. В поэме Гора как реальная гора

¹ Далее все цитаты будут даны по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы.

выстраивает пространство географическое, топографическое, с обилием бугров, оврагов. Гора предстает и символом любви, той высотой над жизнью, где осуществляется истинное бытие героев. Гора в «Поэме Горы» – олицетворение и самой героини, которая несет в себе «гору» с ее пространственными и ценностными крайностями, с ее «верхом» и «низом»; она так же устремлена к вершинам духа и так же имеет отношение к земному миру.

Создается и пространство «жизни как она есть». Эти величины в поэме противопоставлены.

Уже в первых строках поэмы, в Посвящении, намечается будущая трагедийная развязка:

...Вздогнешь – и горы с плеч,
И душа – горé,
Дай мне о горе спеть:
О моей горе!

Черной ни днешь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о горе спеть
На верху горы...

[Цветаева 1995: 24]²

В поэме Маяковского «Про это», в отличие от поэмы Цветаевой, время очерчено конкретно. Это время нэпа, 20-е годы. Свершилась революция, а человеческие души все еще во власти облепивших их «ракушек старого быта»:

«...Все так и стоит столетья, / как было. / Не бьют – / и не тронулась быта кобыла...» [IV, 161].

«Действие» поэмы начинается в небольшой комнате, но сознание героя ломает рамки и ареной своих страстей делает не только города – другие страны, Вселенную. «Действие» разворачивается не только во времени – в Вечности: «...А между – / такая, / какая не снится, / какая-то гордая белой обновой, / через вселенную легла Мясницкая / миниатюрой кости слоновой...» [IV, 145]. Тем самым идея получает вселенский размах: быт разрастается до онтологического зла, необходи-

мость любви – до вселенских размеров.

В раннем творчестве Маяковского понятие быта переведено в символический план (поэма «Человек»), если под бытом понимать бездуховное начало. Быт персонифицирован в Повелителе Всего. Метафизический план поэмы «Человек» здесь, в поэме «Про это», обретает социально-конкретные черты, но это не ведет к сужению основной идеи благодаря включению «события души» поэмы в ряд вечно длящегося поединка бытового и бытийного начала в жизни: в первых главах телефонный поединок между героями происходит как бы во Вселенной; расширяет рамки конкретности и опосредованное введение мифа о распятии (см. ниже); мотив дуэли, поединка поэта с бытом решается также во вселенском масштабе, так как поэт в своем полете охватывает громадные территории и поединок этот проходит под взглядом Большой Медведицы («...Глядит / в удивленьи небесная звездь – / затрубадурила Большая Медведица») [IV, 177]; сходную функцию выполняет и образ «Человека из-за 7-ми лет», несущий весь комплекс экзистенциальных проблем раннего творчества. Эта художественная идея: встреча героя поэмы «Про это» с лирическим героем поэмы «Человек» («...Он – у небес в воспаленном фоне, / прикрученной мною стоит человек...» [IV, 150] имеет несколько смыслов. Во-первых, устанавливает единство лирического сюжета в творчестве Маяковского. Во-вторых, в лирическом герое Маяковского определяется некий «нравственный закон» (Б.Пастернак), с которым (в себе) постоянно сверяешься («... – Забыть задумал невиский блеск?! / Ее заменишь?! / Некем! / По гроб запомни переплеск, плескавший в “Человеке”») [IV, 152]. В поэме, таким образом, смыкаются два плана: конкретный и универсальный. Но именно привнесение конкретного, реальное столкновение героя с ненавистным, мертвящим началом жизни являет конфликт в его обнаженном и трагическом виде. В поэме «Про это» – удвоенный трагизм: трагизм ранних

¹ Далее все цитаты будут даны по этому изданию в тексте с указанием тома и страницы.

произведений, как бы не имеющий конкретного лица, поэтому переведенный в план метафизический, и трагизм реальной жизни, художественно воплощенный в поэме.

«Внешний» конфликт усугубляется конфликтом «внутренним» – трагическим разладом с собой, о чем свидетельствуют образы двойников (медведь, мальчик-комсомолец, Спаситель, Человек из-за 7-ми лет).

Итак, лирический герой поэмы предстает в ней во всей противоречивости и сложности психологических переживаний. Он активен, он в борьбе утверждает свой идеал, он борется не только с миром, но и с самим собой. Герой бескомпромиссен: он готов пойти на смерть, но не вернуться в затхлый мир быта.

В черновом отрывке, не вошедшем в текст поэмы Маяковского, такие строки:

...Так же пронесу
бережно
чисто
мальчишеское мое
«люблю».

Тобой
живу
и никому
тебя,
любовь,
не выдам,
с тобой пойду
в трущобы мук
скитаться вечным жидом [Паперный 1958: 246].

Лирический герой живет, предъявляя максимальные требования к любви и жизни. Человек должен быть достоин своей эпохи, и любовь у Маяковского – мерило всех человеческих ценностей.

Одна из ипостасей горы в «Поэме Горы» Цветаевой олицетворяет страстное, стихийное начало любви. Гора одушевлена. Моделируется это страстное, стихийное пространство «колдобинами круч», «титана лапами кустарников и хвой, образом рая как «сквозняка».

Любовь, страсть – это некое инобытие, пребывая в котором героиня уходит от «жизни». Страсть в поэме противопоставлена «бесстрастию» простолюдинов любви. Кон-

фликт обнажается и приобретает трагическую остроту: «Говорят – тягою к пропасти Измеряют уровень гор...» [III, 26].

От главы к главе, по мере приближения к «низу», нарастает трагедийность от будущего соприкосновения с «жизнью». Понятие «жизни» моделируется с помощью слов «табор», «весь век по сердцам базарь», подчеркивая семантику множественности и дробления (ср.: «жить – дробить»; «щебень дней»). Достигая предельного трагизма, удваивается семантика смерти: «...гора горевала о нашем горе – Завтра! Не сразу! Когда над лбом – уж не memento, а просто – море! *Завтра, когда пойдем...*» [III, 26].

Выстраивая ценностный семантический ряд «низа» («врозь» – «вниз» – «по грязи» – «в жизнь» – «сброд» – «рынок» – «барак») поэт резко противопоставляет его горе, возвышающейся «над уровнем жизни», возводя несовместимость любви с жизнью в ранг вечных проблем бытия: «...Еще говорила, что все поэмы Гор – пишутся – *так...*» [III, 27].

После «исхода» с горы героиня оказывается в замкнутом пространстве «города», которому соответствует и временная замкнутость: «с утра и до ночи». Мотив небытия, прозвучавший ранее, здесь реализуется сполна. Он подготовлен оппозицией «верх» – «низ», «гора» – «жизнь». Дробящая сущность жизни (образ «жизни» как карты, то есть некоего случайного, измельченного, что надо «убить», «уничтожить», чтобы победить), побуждает героиню «не быть» в ней.

В отличие от пространства по вертикали в I–VIII главах, где дана сущность горы и героини, пространство IX главы выстраивается по горизонтали. Плоскостное, горизонтальное пространство моделируется с помощью «дач», «палисадников», «лоскутов», «перекладин». Пространство это мыслится как тесное («Палисадниками стеснят»), дробное (нецелостное – «И пойдут лоскуты выкраивать»), выпрямленное (вопреки природному – холмистому – «Перевалы мои выстроивать...»).

Создается пространственная модель, построенная на противопоставлении: «...На

развалинах счастья нашего город встанет мужей и жен...» [III, 28], где «развалинам счастья нашего» противопоставлено организованное пространство «города мужей и жен»; стяжанию, накопительству – некая «растрата» себя, стихийность чувств и порывов.

В финале звучит клятва героини, которая еще более раздвигает временные рамки своей обращенностью в сколь угодно отдаленное время. Образы, с помощью которых создается это пространственно-временное построение, несут экзистенциальный смысл, охватывают начало и конец человеческой жизни, простираются в бесконечность, подчеркивая возможность существования «счастья дольного» (земного, мирского, суетного), ориентированного по горизонтали, и утверждая устремленность ввысь: «...Тверже камня краеугольного, Клятвой смертника на одре: – Да не будет вам счастья дольного, Муравьи, на моей горе. В час неведомый, в срок негаданный Опознаете всей семьей Непомерную и громадную гору заповеди седьмой...» [III, 29]. Здесь – та же бескомпромиссность в утверждении любви как бытия.

Бескомпромиссность и максимализм героев, а также то, что любовь для них – ценностная основа бытия, рождает сходные переживания относительно несвершения любви. И у героини Цветаевой, и у героя Маяковского это переживание ассоциируется с казнью. У героини Цветаевой последняя встреча с героем метафорически переосмысливается как «крестный путь этапами» («Поэма Конца»), путь к распятию, где каждая из реалий рождает ряд ассоциаций, чаще всего – трагически окрашенных, и, таким образом, каждая из реалий становится неким символом: набережная – границей между жизнью и смертью; кафе – средоточием косных основ бытия; мост через реку – мостом перехода в царство усопших, мысль о расставании на одной из улиц рождает катастрофические в своей несоединимости образы: «Завтра с Западу встанет солнце! – С Иеговой порвет Давид!» [III, 44], загород вызывает ассоциации с жизнью – местом, где жить нельзя; собственная изытость из жиз-

ни – образ Вечного Жида и отказ от жизни. У героя Маяковского рождается цепь образов, в основе которых – метафора распятия. Образ распятия появляется в первых же строках: «И пускай / перекладиной кисти раскиснены – / только вальс под нос мурлычешь с креста...» [IV, 138]. Как распятие осмысляются и муки Человека из-за 7-ми лет: «... Семь лет я стою. / Я смотрю в эти воды, / к перилам прикручен канатами строк...» [IV, 151]. Вся первая главка, названная «Баллада Редингской тюрьмы», вводит мотив ожидаемой казни. Главка «Спаситель» вводит миф о Христе, хотя семантически она неоднозначна, так как образ Спасителя оборачивается образом мальчика-комсомольца. В контексте предыдущей главы введение мифа о Христе несет семантику ожидаемой казни, что переключает ситуацию в план вневременной, то есть сообщает ей глобальные масштабы. Наконец, мотив искупительной жертвы («У лет на мосту / на презренье, на смех, / земной любви искупителем значась, / должен стоять, стою за всех, / за всех расплачусь, / за всех расплачусь» [IV, 172] логически завершает предыдущие образы казни, распятия.

Метафора и в поэме Маяковского, и в поэме Цветаевой привносит смысл вневременности и внепространственности любви, а также – трагедийность.

Сознание цветаевской героини мифологизировано: обращенность к мифу в «Поэме Горы» («Персефоны зерно гранатовое...») несет двойную функцию: раздвигает временные рамки конфликта долга и страсти и, таким образом, возводит его в ранг вневременного и несет семантику «ухода» из жизни. Ту же семантику несет и мотив Леты в «Поэме Конца».

Мотив Леты, мотив ухода в царство усопших присутствует и в поэме Маяковского: «...Вон / в лодке, / скутан саваном, недвижимый перевозчик...» [IV, 165]. И далее – уже прямое упоминание «белого Харона»: «Расчетверившись, / белый Харон / стал колоннадой почтамтских колонн...» [IV, 166].

Итог – и у Маяковского, и у Цветаевой – символическая гибель героев.

Итак, поэмы Цветаевой и Маяковского – грандиозны по накалу страсти в их лирических героях, по верности своим идеалам. Любовь – это смысл бытия для лирического героя Маяковского и осуществление истинного бытия для лирической героини Цветаевой. Переживание любви героями – это переживание жизни и смерти, это предельное, конечное переживание, которое обусловлено резким конфликтом с антидуховным началом.

Различия же в переживании обусловлены особенностями мировосприятия. Несмотря на символическую гибель героя Маяковского, он верит в переделку жизни, в изменение жизни на земле. У Маяковского конфликт разрешается верой, надеждой, «Уход» героя Маяковского не носит абсолютного характера, как у героини Цветаевой.

Цветаевская героиня идет дальше героя Маяковского: в ее поэме понятие быта расширено – быт это «жизнь, как она есть», и неприятие быта у Цветаевой разрастается до метафизического отрицания земного мира. Финал ее поэмы – символический уход героини в смерть: «... И в полые волны Мглы – сгорблен и равн – бесследно, безмолвно – Как тонет корабль» [III, 50].

Необходимо отметить романтические тенденции в создании образов лирических героев Маяковского и Цветаевой, так как в центре их поэм – безусловно яркая, самоценная, самобытная личность, способная сама творить свой собственный мир с его законами.

В сознании лирических героев Маяков-

ского и Цветаевой присутствует характерное для романтической личности двоемирие: мир любви как истинного бытия в прошлом и мир быта, «жизни как она есть» в настоящем – у Цветаевой; мир любви и гармонии в мыслимом будущем и «обезлюбленный» мир быта в настоящем – у Маяковского. Лирические герои Маяковского и Цветаевой отторгаются реальным миром, жизнью, вытесняются ею. Образ «вечного жида» органично передает это чувство отверженности.

Но между ними, как героями романтическими, есть и существенная разница. Маяковский, рисуя в поэме конкретную обстановку, резко противопоставляет героя окружающему миру. Поэт предельно заостряет характеристику картин быта, прибегает при этом к гиперболе, к фантастике, что позволяет читателю острее почувствовать тот дух отрицания, который несет лирический герой. С другой стороны, лирический герой изначально привязан к реальности, мечтает о таком обществе, в котором отношения будут построены на всеобщей любви друг к другу, об обществе, наиболее приближенном к его эстетическому идеалу.

В поэме же Цветаевой нет социальной конкретности. В ней выражается романтический взгляд на чувства и страсти: одиночество высокой души в несовершенном мире. Цветаевская героиня и не тщится преобразовать реальность. У Цветаевой, вскормленной немецким романтизмом, область духовного утверждается в качестве высшей реальности.

Литература

- Маяковский В.* Полн. собр. соч. В 13 т. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1955.
Цветаева М. Собр. соч. В 7 т. – Т. 6. – М.: Эллис Лак, 1995.
Цветаева М. Соч. В 2-х т. – Т.1. – М.: Художественная литература, 1984.
Паперный З. Маяковский в работе над поэмой «Про это» // Литературное наследство. – Т.65. – М., 1958.

ТУРИЗМ: НАУЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В.П. Бозин

УДК 338.48

К ВОПРОСУ СЕРТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЛА В СКС И ТУРИЗМЕ

В условиях, когда дефицит рабочих рук различной квалификации и специальностей в российском туризме составляет 2 миллиона человек, проблема качества образования в туристической деятельности является одной из важнейших. Автор статьи считает целесообразным создание единой системы сертификации квалификации выпускников туристских образовательных учреждений и организаций с введением многоступенчатой системы сертификатов квалификации, с учетом системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере туризма.

Ключевые слова: сертификация, квалифицированные кадры, система подготовки, туризм.

V. P. Bozin

ON CERTIFICATION OF PERSONNEL IN THE SCS AND TOURISM

Under the circumstances when the shortage of workers in different spheres and specialties in Russian tourism makes 2 million people, the problem of the quality of tourist activities is one of the most important. The author of the article considers it appropriate to create a unified system of qualification certification for graduates of tourism educational institutions, as well as for organizations introducing multi-stage system of qualification of training, retraining and skills development in tourism.

Key words: certification, skills, system training, tourism.

Известно, что приоритетными направлениями государственной политики в сфере СКС и туризма является поддержка и развитие внутреннего и въездного туризма. Кадры являются важнейшим фактором, влияющим на качество туристских услуг, определяющим доверие туристов к российскому туристическому продукту. В то же время кадровое обеспечение сферы туризма является недостаточным, с точки зрения его компетентности, в количественном и качественном отношении и не позволяет создавать туристский продукт высокого качества. Доля занятости населения в сфере туризма составляет 1,3%, с мультипликативным эффектом (то есть занятости в смежных отраслях) – 6,6%. Сегодня дефицит рабочих рук различной квалификации и специальностей в российском туризме составляет 2 миллиона человек. С развитием туристской инфраструктуры обостряется проблема нехватки кадров и на первое место выходит качество подготовки кадров и их конкурентоспособность.

Предстоящее вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию и открытие внутреннего рынка страны для иностранных компаний также потребует от российских организаций существенного повышения качества туристских услуг.

Структура профессионального образования в туризме, как и в целом по России смещена в пользу высшей школы. С начала 90-х годов число вузов в Российской Федерации возросло в 2 раза, а численность студентов – в 2,6 раза. Доля лиц с высшим образованием среди занятого в экономике населения в настоящее время составляет 27,8%. В то же время спрос на квалифицированных рабочих и специалистов остается неудовлетворенным и продолжает возрастать. Несбалансированность объемов и профилей подготовки специалистов с потребностями рынка труда в ряде случаев усугубляет проблемы трудоустройства выпускников образовательных учреждений (особенно коммерческого сектора профессионального образования).

В то же время работодатели выдвигают новые требования к персоналу, отмечая недостаточную подготовленность персонала, в том числе и высшего квалификационного уровня, к деятельности с учетом современного понимания качества, а также в условиях новой компьютерной информационной среды, которая пронизывает все виды деятельности в сфере туризма. В связи с этим, одной из важнейших является проблема качества образования в туристской деятельности.

Создание востребованных на рынке труда кадров всех уровней профессионального образования предусматривает определение необходимых рынку труда профессий, разработку квалификационных требований к этим профессиям, оформление требований в виде профессиональных стандартов, разработку на их базе образовательных программ различных уровней, введение систем сертификации, осуществление мониторинга спроса и предложения на рынке труда и, в первую очередь, определение профессионально-квалификационной структуры перспективной потребности работодателей в кадрах.

На основе мониторинга ситуации на рынке труда предусматривается разработка на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации прогнозов спроса и предложения рабочей силы на рынке труда в рамках профессиональных квалификационных групп, видов экономической деятельности, а также укрупненных специальностей в соответствии с Общероссийским классификатором специальностей по образованию. Таким образом, появляется возможность сбалансировать структуру профессионального образования и профессионально-квалификационную структуру спроса на рабочую силу. Собственно указанный алгоритм действий вытекает из положений Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы, одобренной Правительством России 15 августа 2008 года Распоряжением № 1193-р.

В Концепции действий на рынке труда на 2008–2010 годы определены приоритетные направления государственной политики в области регулирования рынка труда [Кон-

цепция действий... 2008]:

- совершенствование законодательства Российской Федерации в области содействия занятости населения;
- совершенствование системы мониторинга и прогнозирования ситуации на рынке труда;
- обеспечение сбалансированности профессионального образования и спроса на рабочую силу;
- развитие региональных рынков труда и повышение территориальной мобильности рабочей силы;
- развитие кадрового потенциала;
- оптимизация привлечения иностранной рабочей силы;
- стимулирование экономической активности населения;
- повышение качества рабочих мест.

Анализ направлений реализации государственной политики в области регулирования рынка труда показывает, что вопросам сертификации персонала в Концепции отводится особое место. Для ее обеспечения концепцией предусматривается:

- создание нормативно-правового обеспечения внедрения профессиональных стандартов;
- разработка профессиональных стандартов по уровням профессионального образования как основы для обеспечения взаимосвязи рынка труда и профессионального образования и основы для сертификации персонала;
- введение добровольной сертификации персонала не только по отношению к физическим лицам, но и по отношению к организациям (работодателям) с целью оценки результатов их деятельности по развитию персонала. Такая сертификация сфокусирует внимание владельцев и руководителей бизнеса на развитие трудовых ресурсов организаций и оценит систему управления ими.

На основе предложенной Б.А. Сазоновым модели обеспечения сбалансированности профессионально-квалификационной структуры рынка труда и рынка образования была разработана Модель обеспечения ка-

чества трудовых ресурсов и сбалансированности спроса и предложения на рынке труда для сферы туризма на основе отраслевой системы сертификации квалификаций и профессиональных стандартов.

В предлагаемой модели в качестве нормативной базы для проведения сертификации квалификаций, а также для разработки образовательных стандартов предлагается использовать профессиональные стандарты, создаваемые по видам экономической деятельности. Использование профессиональных стандартов как нормативных документов для целей сертификации персонала вызвано, в первую очередь, тем, что на сегодня отсутствует четкая регламентация требований к персоналу в различных системах сертификации. В соответствии с федеральным законом Российской Федерации «О техническом регулировании» [Федеральный закон РФ «О техническом регулировании»...] для целей добровольной оценки соответствия должны использоваться положения стандартов. В практике сертификация персонала – как внешняя независимая оценка – может осуществляться с использованием тестов, должностных инструкций, технологических инструкций по выполнению каких-либо работ или эксплуатации оборудования и др., тем самым происходит дискредитация самой идеи сертификации персонала как независимой оценки (см. рис. 1).

Профессиональный стандарт – нормативный документ, который отражает минимально необходимые требования к профессии по квалификационным уровням и компетенциям с учетом обеспечения качества, продуктивности и безопасности выполняемых работ. Важно отметить, что в основе построения профессионального стандарта заложена структура, в рамках которой формируются требования к профессии по квалификационным уровням, т.е. помимо уровней, связанных с получением образования, выстраиваются квалификационные уровни, «сопровождающие» работника в его трудовой жизни.

Профессиональный стандарт является

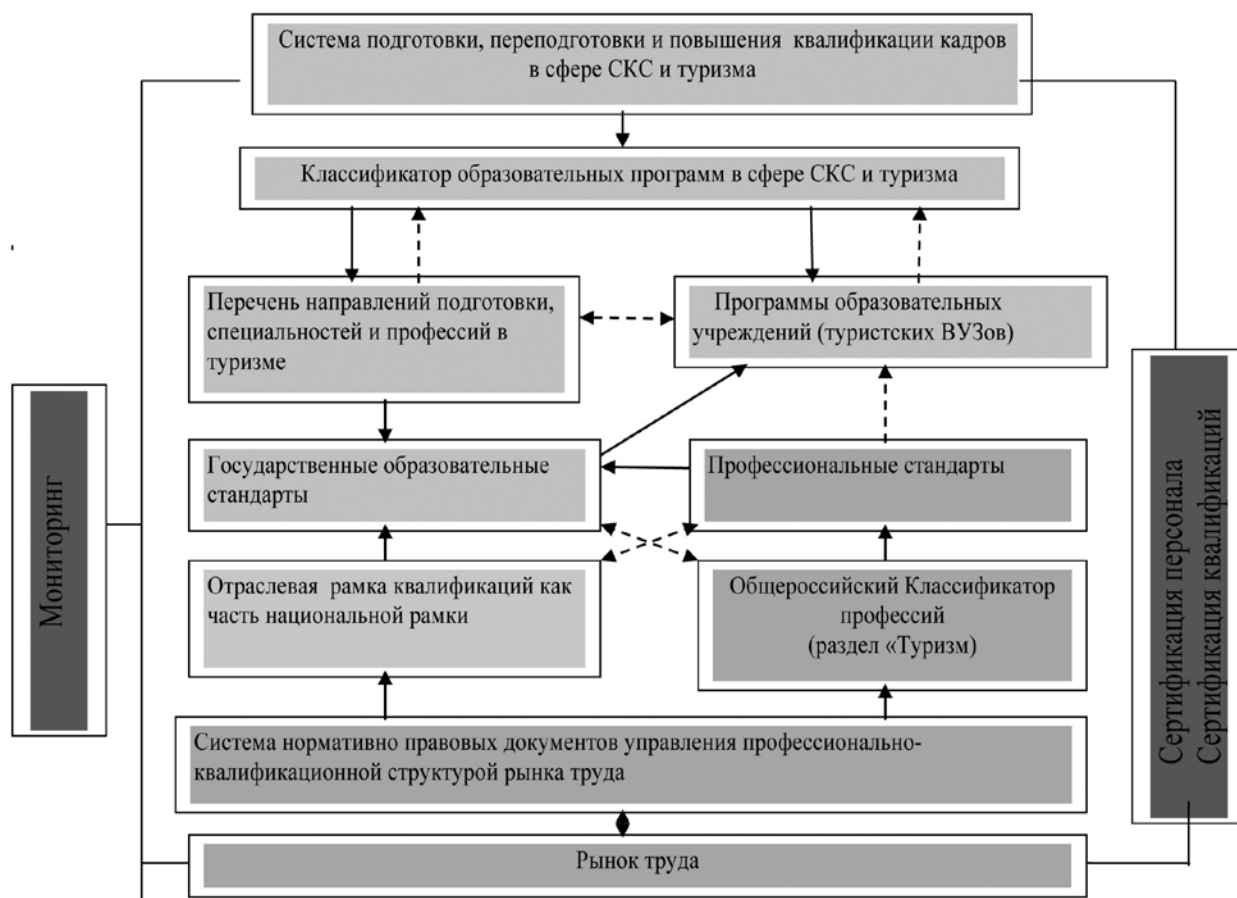

Рисунок 1. Модель обеспечения качества трудовых ресурсов и сбалансированности спроса и предложения на рынке труда для сферы СКС и туризма на основе отраслевой системы сертификации квалификаций.

многофункциональным нормативным документом, предназначенным для [Положение о профессиональном стандарте... 2007]:

- проведения оценки квалификации и сертификации работников, а также выпускников учреждений профессионального образования;
- формирования государственных образовательных стандартов и программ всех уровней профессионального образования, в том числе обучения персонала на предприятиях, а также для разработки учебно-методических материалов к этим программам;
- решения широкого круга задач в области управления персоналом (разработки стандартов предприятия, систем мотивации и стимулирования персонала, должностных инструкций; тарификации должностей; от-

бора, подбора и аттестации персонала, планирования карьеры);

- проведения процедур стандартизации и унификации в рамках вида (видов) экономической деятельности (установление и поддержание единых требований к содержанию и качеству профессиональной деятельности, согласование наименований должностей, упорядочивание видов трудовой деятельности и пр.).

Динамика развития рыночной экономики приводит к ускоренному формированию новых требований к базовым знаниям, умениям и навыкам по профессиям. Подготовка специалистов по программам обучения в системе образования «не успевает» оперативно изменяться в соответствии с изменяющимися требованиями к профессиям, что приводит к разрыву между потребностями

рынка труда в высококвалифицированных кадрах и предложением сферы образования. Система внутрифирменного обучения, осуществляемая в соответствии с требованиями профессиональных стандартов должна стать более содержательной и практически направленной на восполнение у работника недостающих компетенций; приближена к потребностям работодателя и работника. Предполагается, что в будущем профессиональные стандарты заменят используемые в настоящее время квалификационные характеристики в ЕТКС и КС, которые были разработаны в условиях плановой экономики и не отражают обновленных требований к профессиям. В сфере туризма такие профессиональные стандарты были разработаны еще в 1999 году [Постановление Министерства труда... 1999], существует определенная положительная практика их использования в индустрии туризма, поэтому представляется целесообразным их пересмотреть с учетом современных потребностей работодателей.

Национальная рамка квалификаций является составной частью и основой для разработки Национальной системы квалификаций Российской Федерации, в которую помимо нее должны войти отраслевые рамки квалификаций, профессиональные и образовательные стандарты, национальная система оценки результатов образования и сертификации, предусматривающая единые для всех уровней профессионального образования механизмы накопления и признания квалификаций на национальном и международном уровнях. Система профессиональных стандартов как совокупная часть национальной системы квалификаций призвана обеспечивать сферы труда и образования обновляющимися требованиями к профессиям по уровням квалификации для поддержания их соответствия требованиям рынка труда, работодателей.

Однако следует отметить, что сертификация персонала часто используется не как инструмент оценки соответствия, а для

удостоверения участия специалистов в семинарах, для подтверждения прохождения краткосрочного обучения и многими образовательными учреждениями и организациями превращена в действия второй стороны, т.е. не является независимой оценкой. Сертификат, выдаваемый участнику конференции или семинара, свидетельствует не о качестве знаний, а рекламирует организатора этих акций, т.е. является своего рода рекламой, повышающей имидж организации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2008 года № 1015 «Об утверждении правил участия объединений работодателей в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования» [Постановление Правительства РФ... 2008] дано право объединениям работодателей совместно с органами федеральной власти в области образования формировать систему независимой оценки качества профессионального образования. Уже в июле 2009 года были утверждены:

- Положение о формировании системы независимой оценки качества профессионального образования (Утверждено Министром образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко 31 июля 2009 года № АФ-318/03 и Президентом РСПП А.Н. Шохиним 27 июля 2009 года);
- Положение об оценке и сертификации квалификаций выпускников, образовательных учреждений профессионального образования и других категорий граждан, прошедших профессиональное обучение в различных формах (Утверждено Министром образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко 31 июля 2009 г. № АФ-317/03 и Президентом РСПП А.Н. Шохиним 27 июля 2009 г.).

Таким образом, вводится добровольная система сертификации выпускников образовательных учреждений профессионального образования и других категорий граждан, прошедших профессиональное обучение.

Однако необходимо отметить, что пред-

лагаемую систему оценки и сертификации квалификаций нельзя считать рабочей, скорее это схема системы, которая может быть использована для создания конкретных (отраслевых) систем сертификации квалификации выпускников образовательных учреждений и организаций в соответствии с Перечнем направлений подготовки, специальностей и профессий для конкретного

вида деятельности. Целесообразно, с нашей точки зрения, создание единой системы сертификации квалификации выпускников туристских образовательных учреждений и организаций с введением многоступенчатой системы сертификатов квалификации с учетом Системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в сфере туризма.

Литература

Концепция действий на рынке труда на 2008–2010 годы (одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2008 года № 1193-р).

Федеральный закон Российской Федерации «О техническом регулировании» от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ в ред. Федеральных законов от 9 мая 2005 года № 45-ФЗ, от 1 мая 2007 года № 65-ФЗ, от 1 декабря 2007 года № 309-ФЗ, от 23 июля 2008 года № 160-ФЗ, от 16 июля 2009 года № 189-ФЗ.

Положение о профессиональном стандарте. Утверждено Распоряжением Президента РСПП от 28 июня 2007 года № РП-46.

Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 17 мая 1999 г. № 8 «О квалификационных требованиях (профессиональных стандартах) к основным должностям работников туристской индустрии» (в ред. Постановления Минтруда РФ от 10.10.2002 № 71).

Национальная рамка квалификаций Российской Федерации / О.Ф. Батрова, В.И. Блинов, И.А. Волошина [и др.]. – М.: Федеральный институт образования, 2008.

Постановление Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2008 года № 1015 «Об утверждении правил участия объединений работодателей в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования».

Положение о формировании системы независимой оценки качества профессионального образования. Утверждено Министром образования и науки А.А. Фурсенко 31 июля 2009 года № АФ-318/03 и Президентом РСПП А.Н. Шохиним 27 июля 2009 года.

Положение об оценке и сертификации квалификаций выпускников, образовательных учреждений профессионального образования, других категорий граждан, прошедших профессиональное обучение в различных формах. Утверждено Министром образования и науки А.А. Фурсенко 31 июля 2009 г. № АФ-317/03 и Президентом РСПП А.Н. Шохиним 27 июля 2009 г.

В.П. Бозин

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ГОСТИНИЧНОМ БИЗНЕСЕ

В статье рассмотрена оценка эффективности инвестиционных проектов в гостиничном бизнесе и обозначены проблемы, требующие пристального внимания и серьезного подхода к их решению (недостаточное развитие гостиничной инфраструктуры и отсутствие, за редким исключением, практики создания субъектами РФ благоприятных условий для инвестиций при строительстве средств размещения и иных объектов инфраструктуры).

Ключевые слова: эффективность, инвестиции, проект, инфраструктура, строительство, конкурентоспособность, рынок.

V.P. Bozin

ESTIMATION OF EFFICIENCY OF INVESTMENT PROJECTS IN HOTEL BUSINESS

The article considers the estimation of efficiency of investment projects in hotel business and the problems demanding steadfast attention and the serious approach to their decision (such as insufficient development of a hotel infrastructure and absence of creation of favourable conditions for investments in building process by subjects of the Russian Federation and of other infrastructure objects).

Key words: efficiency, investments, project, infrastructure, building, competitiveness, market.

Одной из наиболее важных проблем, с которыми сталкиваются гостиничные предприятия, как, впрочем, и предприятия других сфер экономики, инвестирующие средства в свое развитие, относится проблема обеспечения высокой эффективности инвестиций. Именно эффективность инвестиций должна быть приоритетом при разработке соответствующей концепции инвестиционной деятельности. Естественно, что дефицит инвестиций побуждает хозяйствующие субъекты к увеличению их объемов, в результате чего увеличивается число проектов, претендующих на включение в список финансируемых, поэтому необходимо, чтобы в этом перечне на первых местах находились наиболее эффективные проекты.

Анализ эффективности инвестиционных проектов важен также потому, что расширение активов обычно связано с существенными затратами, и до того, как будут затрачены большие средства, фирмам необходимо обосновать, насколько эффективным будет вложение финансовых средств через несколько лет.

Результативность инвестиций в определенной мере зависит от срочности используемых фирмами кредитов. Для инвестиций в туристско-гостиничный комплекс (ТГК) характерен относительно длительный период окупаемости, поэтому при осуществлении долгосрочных проектов, связанных со строительством гостиниц и других объектов индустрии туризма, фирмы заинтересованы в получении долгосрочных кредитов.

Выбор времени осуществления намеченных капиталовложений существенным образом влияет на эффективность инвестиций. При оценке влияния этого фактора на эффективность инвестиций необходимо исходить из того очевидного факта, что средства, вложенные в проект, имеют различную ценность во времени: они дороже в начале реализации проекта и дешевле на более поздней стадии. В связи с этим для учета фактора времени прошлые затраты приводятся, как извест-

но, к году реализации проекта либо к расчетному году.

Результаты решения об эффективности намечаемых капиталовложений проявляются на протяжении длительного периода времени. Например, приобретение актива со сроком эксплуатации в 10 лет (автобусы или другие виды автотранспорта) требует длительного ожидания, прежде чем будут известны окончательные результаты этого действия. Кроме того, расширение активов связано с ожидаемым объемом продаж, поэтому решение об инвестировании в тот или иной актив, использование которого возможно в течение 10 лет, базируется на прогнозе объема продаж туристских услуг на этот период.

В течение такого долгосрочного периода инфляция может негативно повлиять на результаты анализа инвестиций в развитие конкретной туристской фирмы. Это связано с тем, что амортизационные отчисления рассчитываются исходя из первоначальной стоимости сооруженной гостиницы или приобретенных транспортных средств, а не их стоимости при замене.

Реализация предприятиями ТГК инвестиционных проектов всегда связана с определенной долей риска. В частности, он может быть вызван падением реальных доходов населения – потенциальных туристов, ухудшением инвестиционного климата, повышением уровня цен на ресурсы, используемые туристскими компаниями и т.д. Это может привести к отклонению планируемого потока денежных средств от ожидаемого, хотя, как известно, увеличение риска сопряжено с ростом вероятного дохода, поэтому и эффективность планируемых инвестиций в значительной степени зависит от уровня риска. Оценить потоки денежных средств можно на основе экспертных оценок вероятности их поступления или величиной отклонений элементов потока от ожидаемых величин. На основе полученной экспертным путем вероятностной оценки ежегодного денежного потока рассчитывается и корректируется значение чистого денежного дохода.

Вместе с тем, результаты, полученные таким методом оценки инвестиционных проектов и послужившие основанием для принятия инвестиционных решений, в значительной степени носят субъективный характер. Дело в том, что качество экспертной оценки зависит от квалификации специалистов, определяющих вероятность доходности инвестиций при формировании элементов денежных потоков. В условиях ограниченных финансовых возможностей немалый резерв заложен в подготовке и реализации инвестиционных проектов с технико-экономическими показателями на уровне современных мировых аналогов.

Одним из побудительных мотивов, заставляющих предприятия гостиничного и туристского бизнеса выбирать один из нескольких выгодных инвестиционных проектов, является ограниченность финансовых средств. Лимитом финансовых средств для осуществления инвестиций является фиксированный предел годового объема капитальных вложений, которые может позволить себе предприятие исходя из своих финансовых возможностей. В качестве одного из резервов повышения эффективности инвестиционных проектов следует рассматривать снижение постоянных затрат. Если, например, необходимо принять решение относительно оптимальной численности административно-управленческого персонала, прочих категорий занятых на предприятии. В большинстве случаев качественный выбор персонала предприятия, повышение квалификации сотрудников, иные усовершенствования позволяют снизить расходы.

Следующим фактором, влияющим на эффективность инвестиционных проектов, является снижение переменных затрат. В качестве путей решения этой проблемы можно, например, рассмотреть вопрос оптимизации системы логистики компании.

Крупные гостиничные комплексы включают много различных элементов, каждый из которых, в свою очередь, представляет определенную систему с соответствующей структурой. От функционирования отдель-

ных элементов и их взаимодействия между собой зависит ситуация в целом: сколько средств расходуют отдельные службы и как эти расходы соотносятся с допустимыми величинами, со среднестатистическими показателями отрасли, с показателями конкурентов, растут они или стабилизируются и т.д. С учетом всех этих факторов предприятия гостиничного комплекса должны разработать стратегию, ориентируясь на рыночные методы хозяйствования, позволяющие увеличить доход, в том числе путем применения методов контроля, влияющих на сокращение расходных статей.

Существующая практика разработки и реализации инвестиционных проектов, которые осуществляются при привлечении консалтинговых и проектных организаций, имеет в своей основе некое сочетание отечественных и западных подходов, методик по анализу, подготовке и реализации проектов. В российской практике понятие «инвестиционный проект» употребляется в двух смыслах:

1) дело, деятельность, мероприятие, предполагающее осуществление комплекса каких-либо действий, обеспечивающих достижение определенных результатов в самых различных областях, отраслях;

2) система организационно-правовых и расчетно-финансовых документов, необходимых для осуществления каких-либо действий или описывающих такие действия. В условиях ограниченности инвестиционных ресурсов особое значение приобретает правильность организации инвестиционного процесса, от которой во многом зависит эффективность инвестиций и достижение ожидаемых результатов реализации инвестиционных проектов. Как правило, основным руководящим принципом организации разработки проектов является разделение ответственности организаторов проекта и прочей ответственности заказчиков, подрядчиков, кредиторов и государственных учреждений. При этом наиболее правильное распределение ответственности и рисков между участниками обычно обеспечивает

экономическую и техническую жизнеспособность предприятия в процессе реализации проекта. Разработанный бизнес-план проекта определяет механизмы его финансирования, которые должны позволить генерировать потоки наличности (Cash flow), достаточные для обслуживания текущих инвестиций и накопившегося долга. Эти механизмы обычно включают в себя широкий набор финансовых методов и инструментов и диверсифицированность источников с учетом специфики каждого проекта. Источниками финансирования, наиболее часто используемыми в схемах проектного финансирования, являются кредиты коммерческих банков, внутренние займы, продажа Собственных ценных бумаг, частные вложения, бюджеты разных уровней.

Успех подготовки и реализации инвестиционного проекта зависит от правильного распределения рисков между его участниками. Распределение рисков между участниками может различаться в зависимости от специфики проекта. Этот аспект часто носит юридический характер, так как риски и их распределение находят отражение в проектной документации и являются критически важными вопросами любого контракта.

Риски, возникающие при реализации инвестиционных проектов, можно подразделить на три группы: политические, коммерческие и риски форс-мажорных обстоятельств. Политические риски обусловлены нестабильностью законодательства и общей политической и экономической обстановки, что в определенной степени является характерным для России. Так, в России до сих пор существенным остается риск, что будет изменено законодательство в отношении права собственности либо государство косвенным образом вмешается в процесс реализации проектов. К наиболее часто встречающимся политическим рискам относят невыполнение обязательств со стороны государственных учреждений, риски экспроприации, возможность политических волнений. Государство может уменьшить эти риски посредством принятия соответствующих законодатель-

ных актов, инструкций или предоставления гарантий. С коммерческими рисками организаторы проектов обычно сталкиваются при закупке материалов, оборудования, когда происходит невыполнение контрактных обязательств (например, может возникнуть риск задержки ввода в эксплуатацию объекта и превышение реальных издержек над сметной стоимостью проекта).

Риски форс-мажорных обстоятельств возникают вследствие природных бедствий или катастроф (например, пожары, наводнения, штормы, землетрясения и т.д.). Эти риски могут быть минимизированы за счет страхования. Покрытие распространяется не только на риск потери активов, но и на риск приостановки деятельности, включая потерю дохода от задержек ввода в эксплуатацию, вызванных природными бедствиями.

Существует несколько классификаций этапов проектной подготовки инвестирования в работы по ремонту, строительству и реконструкции объектов недвижимости с учетом действующего российского законодательства. Одна из классификаций изложена в официальном издании Госстроя России «Порядок разработки, согласования, утверждения и состав обоснований инвестиций в строительство предприятий, зданий и сооружений» СП-11-101-95.

В соответствии с этим документом выделяются три основных этапа.

Первый этап – определение цели инвестирования, назначения и мощности объекта строительства, номенклатуры продукции и услуг, места (района) размещения объекта с учетом принципиальных требований и условий инвестора. На основе необходимых исследований и проработок об источниках финансирования, условиях и средствах реализации поставленной цели с использованием максимально возможной информационной базы данных инвестором проводится оценка возможностей инвестирования и достижения намечаемых технико-экономических показателей.

Второй этап – разработка обоснований инвестиций на основании полученной ин-

формации, требований государственных органов и заинтересованных организаций в объеме, достаточном для принятия инвестором решения о целесообразности инвестирования и разработке проектной документации. Техничко-экономическое обоснование проекта базируется на сравнительном анализе современных подходов к оценке эффективности инвестиций. Обычно отечественные и западные инвесторы анализируют типовые показатели эффективности проекта и определяют допустимые (рекомендуемые) интервалы их значений. Типовые показатели эффективности проекта представлены в табл. 1 [Коссов, Лившиц, Шахназаров 2000: 25–27].

Таблица 1.

Типовые показатели эффективности

Показатель	Рекомендуемый интервал
1. NY – чистый доход	> 0
2. NPV – чистый дисконтированный доход	> 0
3. IRR – внутренняя норма доходности	> нормы дисконта
4. PBP	< срока кредитования

Чистым доходом (ЧД) называется накопленный эффект (сальдо денежного потока) за расчетный период:

$$ЧД = \sum \phi_m, (1)$$

где ϕ_m – сальдо суммарного денежного потока.

Чистый дисконтированный доход (ЧДД) является важнейшим показателем эффективности проекта. Он показывает накопленный дисконтированный эффект за расчетный период и рассчитывается по следующей формуле [Коссов 2000: 26]:

$$NPV = \sum \phi_m d_m (E), (2)$$

ЧДД характеризует превышение суммарных денежных поступлений над

суммарными затратами по проекту без учета и с учетом неравноценности эффектов (а также затрат, результатов), относящихся к различным моментам времени. Он рассчитывается по интервалам планирования и равен выручке (В) за минусом операционных затрат, налогов (Н) и инвестиционных издержек (И), понесённых в данном интервале планирования. Инвестиционные издержки включают в себя прирост внеоборотных активов (строительно-монтажные работы и приобретение оборудования) и Прирост потребности в оборотном капитале. В основу расчетов по оценке эффективности проекта положен закон изменения стоимости денег во времени. Таким образом, была поставлена и решена задача по дисконтированию денежных потоков, т.е. приведение их разновременных значений (относящихся к разным шагам расчета) к их ценности на определенный момент времени (момент приведения – t_0). Дисконтирование денежного потока на t -м шаге (весь период времени реализации проекта разбивается на m шагов) осуществляется путем умножения сальдо суммарного потока ϕ_m на коэффициент дисконтирования d_m . Ниже приведена формула его расчета [Коссов, Лившиц, Шахназаров 2000: 24]

$$d_t = 1 / (1 + E)^t, (3)$$

где t_m – момент окончания – m -го шага;
 $E = 10\%$ – коммерческая норма дисконта.

Максимальная ставка кредитования рассчитывается методом IRR (внутренняя норма дисконта). В наиболее распространенных случаях в инвестиционных проектах, начинающихся с инвестиционных затрат и имеющих положительный ЧД, IRR называется положительное число E_v , если при норме дисконта $E = E_v$ чистый дисконтированный доход проекта обращается в 0 [Абрамов 2000: 27]. Для оценки эффективности ИП значение ВНД необходимо сопоставлять с нормой дисконта E . Инвестиционные проекты, у которых $IRR > E$, имеют положительный ЧДД и поэтому эффективны. Максимальная ставка кредитования, под которую инвестор привлекает заемные средства, не должна превышать IRR.

Под периодом окупаемости (PBP – payback period) понимается тот период времени, за который поток дисконтированных проектных доходов станет равным дисконтированному потоку инвестиций. Это продолжительность периода от начального момента реализации проекта до момента окупаемости. Начальный момент указывается в задании на проектирование (обычно это начало нулевого шага или начало операционной деятельности). Моментом окупаемости называется тот наиболее ранний момент времени в расчетном периоде, после которого ЧДД становится и в дальнейшем остается неотрицательным.

Кроме представленных выше показателей, на практике при выборе схем финансирования также рассчитывается и потребность в дополнительном финансировании (ПФ). Это максимальное значение абсолютной величины отрицательного накопленного сальдо от инвестиционной и операционной деятельности. Величина ПФ показывает минимальный объем внешнего финансирования проекта, необходимый для обеспечения его финансовой реализуемости. Как правило, на том или ином этапе реализации инвестиционных проектов долгосрочного характера возникает необходимость в дополнительном финансировании. В этот период проект наименее устойчив, что не усложняет процесс реализации и не снижает эффективность проекта, если резерв дополнительных средств был спланирован заранее.

При оценке эффективности срок окупаемости, как правило, выступает только в качестве ограничения.

Итак, для ответа на вопрос, насколько эффективен рассматриваемый инвестиционный проект, необходимо сформировать строку чистых доходов проекта, по которой, воспользовавшись рассмотренными формулами, определяются показатели эффективности проекта. Затем полученные значения сравниваются с предлагаемыми нами допустимыми соотношениями. Результаты полученного анализа можно использовать при выборе альтернативных проектов, проведе-

нии переговоров с инвесторами, определении условий участия банков в проекте.

Третий этап – разработка, согласование, экспертиза, утверждение проектной документации. Этот этап реализации проекта имеет главным образом практическое значение.

Такой порядок подготовки и реализации инвестиционных проектов используется большинством отечественных и западных инвесторов.

Возможность практического применения рассмотренного метода подготовки и реализации инвестиционных проектов покажем на следующем примере.

Предлагается реконструкция гостинично-офисного здания в Москве для создания Московского международного туристского центра (ММТЦ). Реализация этого проекта позволит проводить конгресс-мероприятия, выставки и презентации, разместить офисы представительства ряда гостиничных предприятий, а также организовать интерактивное информационное взаимодействие участников туристского бизнеса.

Результатом инвестиционной деятельности (после завершения проекта) должны стать возврат вложенных средств и получение прибыли. Основным источником прогнозируемых доходов является предоставление данного объекта недвижимости в аренду как после реализации проекта, так и в процессе реконструкции здания с использованием фьючерсных сделок.

Основные технико-экономические показатели проекта:

Общая площадь объекта после проведения реконструкции, м кв. – 18889;

Планируемая сметная стоимость 1 м. кв. реконструируемого объекта (у. е.) – 2915;

Срок реализации проекта – 2010 г.;

Планируемый срок проведения реконструкции (лет) – 2,5;

Общая коммерческая площадь, м кв. – 10278;

Доля, реализуемая в процессе реконструкции – 50%;

Площадь объекта, реализуемая в процессе реконструкции – 5139;

Таблица 2.

Прогнозируемые данные по реализации проекта реконструкции

Функциональное назначение помещений	% от общей полезной площади	Площадь, реализуемая в процессе реконструкции, м кв.	Площадь, м кв.
Гостиничные номера	30%	1541,7	3083,3
Магазин	20%	1027,8	2055,5
Ресторан и др. предприятия общественного питания	20%	1027,8	2055,5
Офисные помещения	30%	1541,7	3083,3
Автостоянка (машиномест)	–	49	98

Основным источником финансирования проекта являются фьючерсные контракты на аренду офисных, гостиничных, ресторанных помещений и коммерческий кредит (сроком на 2 года с процентной ставкой 13%). В инвестиционных расчетах выручка от фьючерсных контрактов в объеме 2.741 тыс. у.е. была отражена в денежном потоке от операционной деятельности. В притоках от финансовой деятельности были отражены поступления кредитных ресурсов в общем объеме 450 тыс. у.е., в оттоках – возврат кредита с накопленными процентами. Совокупные затраты по реконструкции и строительству составили 2.4651 тыс. у. е., что поэтапно нашло свое отражение в оттоках по инвестиционной деятельности, которые включили в себя расходы, связанные с технической и организационной частями реализации проекта. Последние можно подразделить на расходы для осуществления предпроектных, проектных работ и производство строительных работ. Предпроектные и проектные работы состояли в разработке ТЭО, бизнес-плана, градостроительного обоснования и согласовании всей необходимой технической документации в государственных

учреждениях и получении разрешения на строительство. Наиболее продолжительным и затратным было производство строительных работ, включающее подготовительные работы, перекладку и сооружение наружных и внутренних сетей, отделочные работы, благоустройство территории, ввод здания в эксплуатацию.

ЧД проекта равен итоговому сальдо накопленного потока по завершении 11-го шага расчета по проекту и составляет 513 тыс. у.е. ЧДД (NPV) при коммерческой норме дисконта, равной 10%, составляет 168,2 тыс.ед.

Учитывая, что ЧД и ЧДД > 0, данный проект эффективен.

Момент окупаемости находится на 7,35 шаге расчета. Таким образом, учитывая, что 1 шаг расчета = 1 кварталу, срок окупаемости проекта можно посчитать следующим образом: 7,35 x 2,5 мес.= 18,4 месяцев.

Итоговые показатели инвестиционных расчетов в целом подтверждают экономическую целесообразность реализации проекта, так как показатели его эффективности выше среднего, хотя в условиях рыночной экономики ориентация гостиничного предприятия на достижение определенных норм, резуль-

татов от реализации инвестиционного проекта становится относительной.

Решение о целесообразности проектного инвестирования чаще обуславливается целями, которые оно перед собой ставит. Известна следующая иерархия инвестиционных целей фирмы:

- 1) прибыльность (рентабельность) инвестиционного мероприятия;
- 2) рост предприятия путем ежегодного увеличения доли контролируемого рынка;
- 3) поддержание высокой репутации среди потребителей;
- 4) создание и апробация инновационных подходов и методов.

Применяя данную иерархию к вышеприведенным инвестиционным расчетам, можно сказать, что гостиничное предприятие, реализующее инвестиционный проект по созданию ММТЦ, ставило перед собой цели, приведенные в п.2. Однако это пред-

приятие не достигло в своих расчетах высоких показателей рентабельности или эффективности. Коэффициент рентабельности (соотношение результата к затратам) по проекту составил 1,14. С таким прогнозом прибыль от реализации проекта едва ли смогла превысить налоговые отчисления и инфляционные потери.

Инвестиционные расчеты позволяют не только рассчитать доходы, расходы и прибыльность проекта с учетом фактора времени, но создают основательную базу для экономического анализа, что может позволить осуществить выбор более эффективных схем и механизмов финансирования, поиск путей снижения затрат и увеличения доходов. Целью выбора является, прежде всего, обеспечение такой структуры денежных потоков, финансирующих проект, при которой на каждом шаге расчета имеется достаточное количество средств для его продолжения.

Литература

Порядок разработки, согласования, утверждения и состав обоснований инвестиций в строительство предприятий, зданий и сооружений. СП-11-101-95. Госстрой России – М., 1998.

Абрамов С.И. Инвестирование. Центр экономики и маркетинга, – М., 2000.

Игошин Н.В. Инновации и инвестиции. Юнити-Дана, – М., 2000.

Коссов В.В., Лившиц В.Н., Шахназаров А.Г. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Экономика, – М., 2000.

Сульповар Л.Б. Управление инвестиционной деятельностью. Курс лекций: ГОУ ВПО «МГУС». – М., 2004.

А.В. Сазанов

КРЕЩЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В КОРСУНИ: ТЕКСТ И АРХЕОЛОГИЯ

На основе археологических и письменных источников автор делает попытку определить локализацию храма, где крестился киевский князь Владимир. В статье доскональным образом анализируются уже имеющиеся научные точки зрения на проблематику «Корсунской легенды».

Ключевые слова: археология, крещение, летописный текст, церковь.

A.V. Sazanov

BAPTISM OF PRINCE VLADIMIR IN KORSUN': THE TEXT AND ARCHEOLOGY

On the basis of archeological and written sources the author tries to determine the location of the church, where Vladimir, prince of Kiev, was baptized. The article analyses the existing views of the problem of «The legend of Korsun».

Key words: archeology, baptism, chronicle, church.

Сюжеты, связанные с осадой Корсуни киевским князем Владимиром породили обширную литературу. Пожалуй, в истории Херсона нет более сложной и запутанной тематики.

Важнейшими элементами т.н. «археологии Корсунской легенды» является проблема локализации храма, где крестился Владимир («*Постави же церкви в Корсуни на горе*»), а также храма, построенного в Херсоне киевским князем («*крестища и в церкви святого Иакова в Корсуни граде*»).

«Постави же церкви в Корсуни на горе»

Информация об этом событии содержится в известной фразе летописного текста «Повести временных лет»: «*Постави же церкви в Корсуни на горе, идее же съсыпаша среде града, крадуще, приспу, яже церкви стоит и до сего дне*».

Посвятивший отдельную работу осаде Владимиром Корсуни А.Л. Бертье-Делагард высказал предположение, что Владимир построил в Херсоне маленькую церковь, типа обыденки. При этом исследователь обращает внимание на то, что т.н. «Начальная летопись» передает показание очевидца о том, где именно в Корсуне стояли и стоят и палаты царицы и Владимира. Это, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, хорошо подтверждает абсолютную точность летописного рассказа, который основывается на свидетельствах очевидцев. При этом исследователь высказывает идею о том, что эти палаты, хотя бы из-за нехватки времени, не могли быть специально построенными. По всей видимости, строители отремонтировали уже существовавшую хорошо отделанную постройку [Бертье-Делагард 1909: 59].

Другой исследователь истории Херсона С.П. Шестаков, рассматривая летописный текст, подчеркнул, что о церкви св. Василия в Корсуне летопись сообщает там же, где описываются мероприятия корсунян по «выкрадыванию земли» из

приспы, насыпаемой осаждающими. Как пишет исследователь, «вообразим себе с возможной отчетливостью всю ситуацию – это соревнование осаждающих и осажденных в насыпании и удалении земли. Вероятно ли, чтобы в спешности такой работы, спешности, от которой все зависело, корсуняне имели время таскать землю в центр города, как обыкновенно толкуют это место, как понимает это место и А.А. Шахматов, помещая церковь Василия посреди града (причем, правда, он удаляет из своей первичной повести все следы этой версии осады Корсуни, с валом Владимира и контр-апрошами Корсунян)?».

Далее исследователь делает предположение, которое почти столетием спустя будет подхвачено одним из исследователей. Основываясь на уровне разработки источников летописного сказания того времени, С.П. Шестаков попытался реконструировать то слово, которое могло стоять вместо «среде града» в т.н. греческом подлиннике повести о взятии Корсуни. По его наблюдениям, в позднейшем греческом языке эллинистической эпохи, византийском и новогреческом, слова: *mevson*, *ajnamevson*, *mevsa*, формы от прилагательного *mevsos* «средний», часто означают не более, как «внутри», «внутри», «в пределы», представляя собой, тем самым, замену более простых предлогов древнегреческого языка. При таком понимании текста в греческом подлиннике говорилось о том, что корсуняне, подкопав стену, похищали землю осадного вала, проносили ее под стеной, подземным ходом, и выбрасывали ее внутри города, в стенах города. Продолжая применять предложенную им методику поиска греческих эквивалентов летописных слов, С.П. Шестаков отмечает, что выражение летописи и обычного жития «на горе» могло соответствовать в греческом подлиннике наречию *a[nw*, *e[parnw* «сверху», «поверх» (насыпи, в подразумеваемом *tou` cwvmatos*). Отсюда исследователем делается вывод принципиального харак-

тера: принимая это толкование, херсонесскую церковь св. Василия нужно искать не посреди города, а в непосредственной близости стен Херсона. Таким образом, по заключению С.П. Шестакова, церковь св. Василия, так же, как и храм св. Созонта в Херсонесе, который, по свидетельству «Слова на принесение мощем преславного Климента», находился «близ забрал» города, была воздвигнута Владимиром, по версии Корсунского предания, около стен, на том их пространстве, где корсуныяне ссыпали землю, унесенную из осадного вала [Шестаков 1908: 136,137].

Долгое время эта конструкция С.П. Шестакова оставалась незамеченной исследователями. В конце 1980 г., основываясь на идее С.П. Шестакова, московский историк церковного направления С.А. Беляев предложил отождествить летописную «церковь на горе», построенную в Корсуни князем Владимиром с известной херсонесской «базиликой на холме», имеющей также наименование «Базилика 14». По его мнению, на возможность такой интерпретации указывают топография херсонесского городища, материалы из раскопок этого памятника и скрытые данные летописного текста. При этом путеводной нитью, по мысли исследователя, служит летописное повествование [Беляев 1994].

Однако, начнем все-таки с археологических материалов, поскольку их трактовка получила новое звучание, позволившее ис-

следовательно перекинуть мостик к летописному тексту. Как утверждает С.А. Беляев, насколько можно судить по полученным в результате последних раскопок данным, в них нет ничего, что являлось бы непреодолимым препятствием для отождествления реально существовавшего в Херсонесе храма – «Базилики на холме», теперь хорошо известного благодаря его раскопкам, с упоминаемой в летописи «церковью на горе», построенной князем Владимиром [Беляев 1994: 30]. Исследователь полагает, что среди раскопанных им могил есть несколько, в которых, вероятнее всего, были погребены убитые во время боевых действий воины, и, возможно, другую часть могил можно связать с захоронениями варягов [Беляев 1994: 29]. Особое внимание С.А. Беляев уделяет исследованной им части культурного слоя между «Базиликой 14» и «Западной базиликой». Он трактует ее как насыпь, т.е. ту самую «приспу», которая, согласно летописному рассказу, была выкрадена херсонеситами во время осады города киевским князем. Как считает С.А. Беляев, археологический материал не противоречит такому предположению¹. Землю могли высыпать на площадь между этими храмами, которая была свободна от застройки. Далее, в процессе ссыпания, или после его окончания, площадь могли выровнять, а впоследствии – замостить [Беляев 1994: 33], в результате чего поверх насыпной земли появилась вымостка [Беляев, 1994: 29].

Анализ аргументации С.А. Беляева

¹ Необходимо отметить, что работы С.А. Беляева имеют четко выраженный апологетический по отношению к церковной традиции характер. Такой подход, периодически встречающийся в современных научных изданиях, правильнее было бы определить как конфессиональный. Он безусловно имеет право на существование, но вне рамок науки. Этот подход однозначно ориентирован на поиск полного подтверждения церковной традиции, которая и служит основой исследования, не подвергающейся сомнению или критическому анализу. Иными словами, текст становится каноническим. Имеющиеся многочисленные противоречия в канонических трактовках просто не замечают. Из остального фактического материала выбирается только то, что подтверждает церковную традицию, или, по крайней мере, явно ей не противоречит. На наш взгляд, подобный метод исследования является модернизированным вариантом богословских комментариев средневековья.

начнем с материалов из раскопок пресловутой «приспы». Без сомнения, главным является определение времени формирования слоя зафиксированной при раскопках насыпи. С.А. Беляев отмечает, что археологический материал, обнаруженный в насыпи, датируется IX–X вв., а более точно хронологически расчленил его при нынешнем уровне знаний и методике обработки не удается [Беляев 1994: 30]. К сожалению, в статье не приводятся не только никаких рисунков керамики из слоя насыпи, но нет даже ссылок на общеизвестные ко времени написания статьи типологии. В результате читатель стоит перед дилеммой: верить исследователю на слово, или попытаться хоть как-то проверить его важные заключения. Первое демонстрирует пример ненаучного подхода, а второе, увы, просто невозможно, поскольку как статья, так и отчетная документация, хранящаяся в Херсонесском музее, не содержат такой информации.

Единственной зацепкой для хронологии может служить упоминание в сноске монет Василия I, обнаруженных в рассматриваемом слое [Беляев 1994: 46]. Важно то, что исследователь подчеркивает: «монеты обнаружены только Василия I», «раскопки дали на всех участках монеты только одного императора – Василия I [Беляев, 1994: 40]. Видимо, это обстоятельство и определило дату, предложенную С.А. Беляевым – IX–X вв. Как пишет исследователь, при малой изученности денежного обращения в Херсонесе трудно определить с большой точностью, были ли эти защитные работы (в районе Западной базилики – А.С.) проведены в годы правления этого императора, или вскоре после этого при его преемнике, во всяком случае не ранее последней трети IX в., вероятнее всего в X в. [Беляев, 1994: 46].

Известно, что монеты Василия I, чеканенные в 867–869 гг., ходили достаточно долго. Они встречаются в поздних херсонесских комплексах начала XI в. (17,4% от монет комплекса) [Сазанов 2001: 254],

начала – первой половины X в. (30%), второй половины X в. (4,5%) [Седикова, Рыжов 2000: 325, 326]. По заключению И.В. Соколовой, монеты Василия I первого типа достаточно многочисленны в Херсонесе, однако они выпускались очень непродолжительное время – с начала царствования Василия I до коронации его сына Константина, т.е. с сентября 867 г. по ноябрь 869 г. [Соколова 1983: 40]. Некоторым хронологическим репером может быть то, что в слое насыпи были найдены только монеты Василия I, более поздние – отсутствовали. Такая ситуация дает, на наш взгляд, некоторые основания для того, чтобы считать их датирующими слой. В этом случае время формирования слоя т.н. «приспы» приходится на последнюю треть IX – начало-первую половину X в. Дело в том, что во всех известных на сегодняшний день комплексах второй половины X – начала XI в. монеты Василия I сопровождаются более поздними: Константина VII, Константина VII и Романа II (948–959 гг.), Никифора Фоки (963–969 гг.). Такая датировка слоя «приспы» исключает его связь с осадой города князем Владимиром. В любом случае приведенные С.А. Беляевым данные о слое насыпи не дают оснований для ее отождествления с летописной «приспой».

Теперь обратимся к захоронениям, трактованным С.А. Беляевым как варяжские. К сожалению, в тексте статьи не приведено никаких материалов, позволяющих хоть как-то датировать эти погребения. Вся хронология исследователя строится на увязывании с предполагаемым временем сооружения храма на месте базилики 14 и, видимо, общих представлениях автора о погребальном обряде населения средневекового Херсонеса. Глухо упоминаются монеты, свидетельствующие о функционировании кладбища на протяжении нескольких веков.

Отметим, что среди «варяжских» названо погребение 28, совершенное внутри храма. Получается заманчивая картина:

варяги из войска Владимира погребены внутри православного храма, т.е. православные варяги служили в дружине князя, или варяги из дружины Владимира приняли св. крещение, после чего погибли и были похоронены в храме. Последнее, как видимо, и вся «варяжская» интерпретация захоронений С.А. Беляева имеет фоном известный летописный пассаж: «Ощутив свое внезапное исцеление, Владимир прославил Бога: “Теперь узнал я Бога истинного”. Многие из дружинников, увидев это, крестились». Натянутость подобной трактовки очевидна. Кроме того, факт остается фактом: ни в одном из т.н. варяжских погребений не было найдено ни одной варяжской вещи, нет и характерного скандинавского вооружения, ни даже известных скандинавских фибул. Следовательно, ни хронология, ни вещевой комплекс не позволяют принять предложенную С.А. Беляевым интерпретацию погребений.

Наконец, из имеющейся на сегодняшний день документации остается неясным главное: время прекращения существования ранневизантийского храма №14 и строительства на ее месте поздней базилики. Из публикаций С.А. Беляева выясняется, что на участке «базилики на холме» в византийский период можно выделить три больших строительных периода: большая трехнефная базилика «Б» ранневизантийского времени, поздняя базилика «А» и время, когда жилище около базилики «А» перестает существовать, а сам храм и окружающее его пространство превращаются в кладбище [Беляев 1979: 116].

Самая ранняя «Базилика Б», по мнению исследователя, существует до VIII в., скорее всего, на рубеже VII–VIII вв., но, возможно, и несколько позже, она разрушается. В IX или, вероятнее всего, в X в. на этом месте возводится новая базилика «А», занимающая только незначительную часть площади ранней базилики. Спустя некоторое время, возможно в XI–XII вв., жилище около базилики перестает суще-

ствовать, а сама базилика и окружающее ее пространство превращаются в кладбище [Беляев 1979: 116].

Заметим, что дата прекращения существования большой базилики «Б» С.А. Беляевым никак не обосновывается. Исследователь лишь констатирует, что причин гибели храма мы не знаем, а при раскопках никаких положительных данных на этот счет обнаружить не удалось. Автор заключает, что можно только с некоторой долей вероятности предположить, что вряд ли она была разрушена насильственно. Во всяком случае, никаких слоев пожара, относящихся к этому памятнику, обнаружено не было.

Следовательно, археологические материалы из раскопок самой базилики не дают оснований для датировки времени гибели базилики «А», не говоря уже о времени строительства «Базилики Б». Если считать слой засыпи между «базиликой на холме» и Западной базиликой («приспа» по С.А. Беляеву) отражающим время сооружения базилики «А», то ее возведение может быть определено в пределах 867/869 – начала – первой половины X в. Однако еще раз повторим, что сколько-нибудь надежная хронология этих объектов не может быть обоснована на основании имеющихся публикаций. Все предлагаемые построения имеют гипотетический характер. Так обстоит дело с археологической частью аргументации С.А. Беляева, главным элементом которой является анализ летописного текста, к рассмотрению которого мы и переходим.

По справедливому мнению исследователя, необходимо проанализировать реальное соотношение некоторых слов, которыми летопись характеризует постройку Владимиром «церкви на горе». Первое слово обозначает место, куда ссыпали землю из приспы, второе употреблено для обозначения акта строительства церкви [Беляев 1994: 30].

С.А. Беляев интерпретирует выражение «Постави же церковь в Корсуни на горе,

идеже съсыпаше среде града» как указание на то, что Владимир строил храм не на насыпной земле, что было бы затруднительно не только по смыслу текста, но и конструктивным особенностям, а именно на горе. Землю, же, по его мнению, присыпали к самой горе [Беляев 1994: 33]. Такое объяснение возможно, хотя автор явно исходит из априорного положения о тождестве «Базилики А» и храма, построенного князем Владимиром.

Сложнее с трактовкой второго летописного слова «ставити», «поставил». Опираясь на одну из этимологий, приведенных М. Фасмером, С.А. Беляев делает следующий вывод: «По Фасмеру, это слово родственно по корню греческим и латинским словам, обозначающим восстановление, возобновление разрушенного» [Беляев 1994: 34]. При том, что построенная церковь не была восстановлением существовавшей здесь прежде базилики, если рассматривать этот вопрос как возобновление традиции, как продолжение существования храма на старом месте, то это, по мнению исследователя, восстановление, но скорее всего, восстановление богослужения, святости места [Беляев 1994: 40].

Обратимся к употреблению слова «поставил» применительно к «поставил церковь», храм или монастырь в Повести временных лет.

1. «И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Василеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир построил церковь...». Здесь «поставил» синонимично «построил, соорудил».

2. «В год 6390...И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор, на той могиле Ольма поставили церковь святого Николы». Здесь, опять же, «поставил» означает «построил, воздвиг». Отметим, что церковь поставлена на возвышенности, горе.

3. «В год 6488...и стал Владимир княжить в Киеве один и поставил (постави) кумиры на холме за теремным двором...и на том холме стоит ныне церковь святого Василия». Значение аналогично предыдущему.

4. «В 6496 ...и сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил (постави) церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна». То же самое значение.

5. «И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему: «Отец! Умножилась братия, и не можем вместиться в пещере; если бы Бог повелел, по твоей молитве поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. Игумен же и братия заложили церковь великую и монастырь огородили острогом, келий поставили много. Когда укрепился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь... Много ведь монастырей цесарями, и боярами, и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением». Смысл слова «поставил» тот же самый, что и в остальных случаях.

Этими отрывками, пожалуй, в основном, исчерпывается употребление сочетания «поставил церковь, монастырь». Совершенно очевидно, что «поставил» в контексте приведенных отрывков означает «построил», «воздвиг». Подчеркнем, что ни в одном из случаев речь не идет о восстановлении ранее существовавших на этих местах церквей. Наоборот, христианские храмы строятся либо на пустом месте, либо на местах прежних языческих капищ, или на могиле того или иного персонажа. Вывод представляется очевидным: лексика «Повести временных лет» не дает значения «поставить» как «восстановить» или «возобновить разрушенное».

Однако более важно следующее обстоятельство, мимоходом упомянутое С.А. Беляевым в сноске. Приведем фразу исследователя полностью. «При определе-

нии месторасположения церкви не должно вводить в смущение то, что в летописи сказано, что она была поставлена «посреди града». Посреде, посреди (в середине) – не обязательно означает в центре города. Применительно к данному случаю в таком же значении воспринимает слово «посреде» и С.П. Шестоков, хотя в отношении места крещения он это значение не использует» [Беляев 1994: 46]. Как писал С.А. Шестаков «но если обратиться к тому, что могло стоять в греческом подлиннике Повести о взятии Корсуни, то дело, может быть, объяснится: в позднейшем греческом языке эллинистической поры, византийском и новогреческом, слова *tevson*, *ajnamevson*, *tevsa*, форма от прилагательного *tevso* «средний», часто означают не более как «внутри», «внутри», «в пределы»... Таким образом, в греческом подлиннике говорилось только, что корсуняне, подкопав стену, похитили землю осадного вала, проложили ее под стеною, подземным ходом и выбрасывали ее внутри города, в стенах города» [Беляев 1994: 47; Шестаков, 1908: 136].

Обратимся к употреблению «посреди» в Повести временных лет.

1. В «Речи философа» сказано: «В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь посреди воды... Дьявол же, увидев, как почтил Бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?»».

2. В год 6544 «Ярослав выступил от города, и исполчил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне – киевлян, а на левом крыле – новгородцев; и стал пред градом».

3. В год 6600 «В те же времена было знамение в небе – точно круг посреди неба превеликий». «А Святополк, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав».

4. В год 6612 «В тот же год было знамение: стояла солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север».

5. В год 6623 «И повелел Владимир нарезанные куски паволоки, беличьих шкурки разбрасывать народу, а в других местах бросать серебряные монеты людям, сильно налегавшим; и легко внесли раку в церковь, но с трудом поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же образом и его привезли и поставили рядом с братом. И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними».

Все приведенные отрывки однозначно указывают на значение «посреди» – «в середине», «в центре».

Конечно, можно возразить, что все эти примеры взяты из русского текста ПВЛ, в то время, как в основе «Корсунской легенды» лежит греческий оригинал. Однако, окончательную ясность, на наш взгляд, вносит характеристика местоположения церкви св. Василия в Корсуни, где крестился Владимир: «а стоит церковь та в городе Корсуни, посреди града, где собираются корсуняне на торг». Здесь «посреди» вполне определенно указывает на центр города, близ главной городской площади, где совершался торг. Обоснованная его локализация была предложена С.Б. Сорочаном [Сорочан 2005: 900–902]. Судя по этому словоупотреблению, для источника «Корсунской легенды» церковь св. Василия, где крестился Владимир, и построенная им «церковь на горе» находились в одном районе города, определенном как «посреди города», т.е. речь идет о центральном районе Херсонеса.

Резюмируем сказанное. В целом концепция С.А. Беляева представляется интересной попыткой поиска летописной «церкви на горе», построенной князем Владимиром в Корсуни. Ряд положений

этой концепции бесспорен: церковь поставлена внутри города, на горе или возвышенности; существует прямая связь между горой, на которой была поставлена церковь и той землей – «приспой», которую корсунцы относили внутри города из насыпи, построенной Владимиром. Однако с остальными выводами С.А. Беляева согласиться трудно. Хронология «Базилики А» на сегодняшний день не может быть установлена сколько-нибудь надежно. Слои, трактуемые исследователем как «приспа», с куда большей вероятностью могут относиться к более раннему времени. При этом его аргументированная датировка на сегодняшний день невозможна. Анализ летописного текста указывает на иное местоположение церкви, возведенной Владимиром, – в центральной части города, неподалеку от храма, где русский князь принял св. Крещение. Интерпретация упоминаемых погребений как варяжских произвольна.

Все это заставляет оценивать предложенную концепцию С.А. Беляева как слабо аргументированную и, в ключевых выводах, ошибочную. Особо подчеркнем настоятельную необходимость полной публикации открытых автором раскопок комплексов. Такая публикация, мы уверены, сняла бы многие вопросы и удержала бы исследователя от желаемых, но увя, скоропалительных выводов.

Остается только добавить, что точное название «храма на горе» неизвестно. В «Житии блаженного Владимира», автором которого, судя по стилистике текста, был все же Иаков Мних, сказано: «...и поставил церковь в Корсуне на горе св. Василия» [Макарий 1994: 531; Зимин 1963: 20; Срезневский 1897:10].

Необходимо отметить что в Чудовском списке жития князя говорится о поставлении Владимиром в Киеве церкви св. Василия на горе «рекомеи Ликофрос». А.А. Шахматов высказал предположение, что упомянутая гора с несомненно греческим названием Ликофрос, попала в Киев в жи-

тии Чудовского списка неправильно, в результате неудачной перестановки. Первоначальное же место всей фразы о церкви св. Василия на горе, «рекомеи Ликофрос», было в рассказе о крещении Владимира в Корсуни, где Владимир тоже воздвиг, по сказанию, церковь св. Василия. В реконструированном тексте А.А. Шахматов помещает рассматриваемую фразу в соответствующее место им построенного текста. Однако С.П. Шестаков резонно заметил, что мы не знаем в Корсуни подобного географического или топографического наименования для языческого или христианского Херсона. Между тем, пишет С.П. Шестаков, мы с удовлетворением читаем в одном месте книги А.А. Шахматова по поводу упомянутых двух чтений следующие слова: «появление Аполлона в Слове не может быть признано случайным и независимым от той повести, которая называла гору, на которой воздвигнут Владимиром храм св. Василия (в Киеве), Ликофросом». Но вот поэтому-то и не следует отрывать одно греческое название от другого: Аполлон и его эпитет *Luvkeios* слишком тесно связаны между собой в греческой мифологии, чтобы можно было сомневаться в названии горы Перуна–Аполлона, например *Lukeivou ofros* или *Lukeivou frovnos*. Отсюда, по мнению С.П. Шестакова, легко могло возникнуть и странное название горы в Чудовском списке, но горы не Херсонской, а горы Перуна в Киеве [Шестаков, 1908: 132].

«Житие Владимира особого состава» дает иное название храма: «постави же церковь святого Иоанна Предтечи в Корсуне на горе» [Зубарь, Сорочан, Марченко 2000: 296]. То же название – святого Иоанна Предтечи – дает и Ипатьевская летопись. По мнению С.Б. Сорочана, это более вероятно, учитывая возможность существования храма св. Василия на агоре, где корсуняне вели торг [Зубарь, Сорочан, Марченко 2000: 642].

Храм, где крестился Владимир
ПВЛ Лаврентьевский список: Кре-

сти же ся в церкви святого Василья, и есть церви та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг деют корсуняне

Анонимное житие Владимира в Пространной редакции («Древнейшее житие»): *Епикоскоп же с попы корсунскими и с попы царицины, огласивше, крестища и в церкви святого Иакова в Корсуне граде и нарекоша имя ему Василии*

ПВЛ Ипатьевский список: *И крестившися в церкви святой Софии и есть церква та стоящи в Корсуне граде на месте посреди града, идеже торг деют корсуняне*

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Комиссионный список: *Крести же ся в церкви святого Василиска; и есть церковь та стоящи в Корсуне на месте посреди града, идеже корсуняне торг деют*

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Извлечение из Воронцовского списка: *Крести же ся в церкви святого Василиска: и есть церковь та стоящи в Корсуне на месте посреди града, идеже торг деют корсуняне*

Новгородская Первая летопись. Троицкий список: *Се же виде в дружина его, мнози крестишася в церкви св. Климента. И есть церковь та стоит в Корсуне на месте посреди града, идеже торг деют корсуняне*

Софийская Первая летопись старшего извода: *Крести же ся в церкви святого Иакова, и есть церква та стояще в Корсуне посреди града, идеже торг деют корсуняне*

Софийская Первая летопись по списку Царского: *Крести же ся в церкви святого Иакова, и есть церковь та стоаши среде града в Корсуне, идеже торг деют корсоуняне*

Тверская летопись (Тверской сборник): *Крести же ся в церкви святого Иакова, и есть церкви та стояща в Корсуне посреди града, идеже торг деют Корсуняне*

Радзивилловская летопись: *Крести*

же ся в церкви святое Богородици, и есть церкви стоаши в Корсуне граде, на месте посреди града, идеже торг есть

Устюжская летопись. Архангелогородский летописец: *Се видевшее, бояре его мнози крестишася во церкви святого Спаса в Корсуне посреди града*

Устюжская летопись. Список Мацевича: *Крести же ся Владимир в церкви Спаса в Корсуне посреди града*

По справедливому утверждению Л. Лебедева, летописные слова о месте крещения Владимира – данные, которые монаху-летописцу представлялись особенно важными и которые он, судя по всему, специально выяснял из документов и от знатоков Херсонеса, почему и нет никаких оснований сомневаться в их достоверности [Лебедев 1987:100].

Л. Мюллер указывал, что в тексте ПВЛ сообщаются точные данные о месте крещения: по Лаврентьевскому списку – это храм св. Василия, по Радзивилловскому, Академическому – храм пресвятой Богородицы; по Ипатьевскому – храм св. Софии. По мнению исследователя, эти сведения, как и данные о местоположении дворцов, где должны жить Анна и Владимир, были впоследствии вставлены в Корсунскую легенду на основании местной Корсунской традиции. Они появляются поздно: о дворце принцессы речь уже шла в 4 строке [Мюллер 2000: 69, сн. 25].

История изучения попыток локализации храма, где крестился Владимир, отражена в статье С.А. Беляева [Беляев 1989]. На сегодняшний день существуют две основные версии. Согласно первой, наиболее популярной в церковных кругах в XIX в., таинство происходило в базилике, над которой в 1861 г. был построен собор. Эта точка зрения восходит к Таблицам Габлица, а первичное обоснование принадлежит Н. Мурзакевичу. Важную роль в аргументации сыграла находка т.н. купели. В начале XX в. С.П. Шестаков несколько дополнил обоснование. Согласно его версии, Владимир, по Корсунской

легенде, крестился (на самом деле, может быть, только венчался) с Анной в Корсуни: *ejn tw' ajpostoleivw/ tou` ajgivou ajpostovlou jlakwvbou tou` ajdelfofevou, tw' ojnti ojpisfen tou` sebasnivou oi/kou tw`n aJgivwn jApostovlwn*, т.е. речь идет о южной из двух капелл храма № 27. Соборный храм св. Апостолов, как считает С.П. Шестаков, надо искать в центре византийского Херсонеса, он соответствует местности храма св. Владимира, ныне воздвигнутого на месте древнего крестообразного храма. Еще Мурзакевич в 1836 г. видел близ церкви много мраморных капителей, колонн с продолговатыми византийскими крестам, и мраморных досок с разными украшениями. По архитектуре крестообразный храм этот совершенно напоминает храм, открытый в 1902 г. Следы жилых помещений и здание с водопроводами, также следы фундаментов других церквей обнаружены при расчистке местности для постройки нового храма по плану архитектора Грима, в 1861 г. игуменом Евгением [Шестаков 1908:134].

Против данной интерпретации выступил А.Л. Бертъе-Делагард, показавший, что при постройке нового храма была сделана историко-археологическая ошибка – восстановление купели, в которой будто бы крестился Владимир Святой. Произошла эта ошибка следующим образом. В полу церкви, не точно посередине, а ближе к правой стороне, близ древней солеи, нашлись две могилы рядом, разделенные тонкой стенкой. Во всех старых вышеназванных рисунках этого храма эти могилы не показаны, но Дюбуа упоминает о большом их количестве. На точном и тщательном, со всеми мелочами, рисунке раскопок 1861 года строитель храма, составлявший план раскопок, их не показал, и только рукой тогдашнего игумена Евгения (также подписавшего план) надписано еще несмело только слово «водоем». По малом времени этот якобы водоем стали принимать за купель, в которой крестился князь Владимир» [Бертъе-Делагард 1892: 45].

В той же работе А.Л. Бертъе-Делагард предложил иное решение проблемы: «Теперь, с открытием многих церквей и особенно вышеописанной крещальни, стало очевидным, что кафедральной церковью Херсонеса была базилика, открытая графом Уваровым; она к тому же самая красивая, самая древняя и самая большая из всех известных до сих пор церквей, в шесть раз больше избранной строителями нового храма. Именно в нее попали остатки наиболее видных языческих храмов. Мы решаемся утверждать, что крещение князя Владимира, если оно было в Херсонесе, могло быть только в этой кафедральной церкви или, лучше сказать, в ее крещальне. То обстоятельство, что эта базилика – не посреди города, а на берегу моря, едва ли может иметь какое-нибудь значение; ошибка нашей летописи в таком второстепенном, чисто топографическом вопросе как нельзя более возможна» [Бертъе-Делагард 1892: 44]. Так на свет появилась версия о крещении св.Владимира в Уваровской базилике.

Необходимо отметить, что на тот момент обе версии выглядели почти одинаково малоубедительными, что, впрочем, диктовалось уровнем разработки русских летописей тех лет.

Научное обоснование точки зрения, помещавшей место крещения Владимира в баптистерий Уваровской базилики, было предложено С.А. Беляевым. Как считает исследователь, Уваровская базилика, несомненно, была кафедральным храмом Херсонеса, в одном из текстов IX в. кафедральный храм назван *basilica maior*, т.е. большая базилика. Это определение подходит только к Уваровской базилике, ибо все остальные базилики, раскопанные в Херсонесе, а их известно 12, значительно меньше. Немаловажным является и то обстоятельство, что Уваровская базилика стоит не изолированно среди обычных построек внутри одного из городских кварталов, а является частью огромного культового ансамбля, включающего не-

сколько храмов, крещальню (баптистерий), дом епископа, отгороженного от остальной части города монументальной оградой. Но, бесспорно, самым важным, самым интересным для решения поставленной задачи является наличие в этом ансамбле крещальни, баптистерия. Причем она – единственная в Херсонесе, второй крещальни ни при одном из храмов Херсонеса нет. По обычаям и литургической практике того времени крещение князя Владимира не могло быть совершено в любом храме Херсонеса, а при наличии крещальни около епископского храма Херсонеса – только в ней. Помимо литургической и обрядовой стороны, на это указывает и торжественность момента: по свидетельству летописи, для крещения князя Владимира и для венчания его с царевной Анной, которое должно было совершаться в самом кафедральном храме – Уваровской базилике, специально прибыли из Константинополя священнослужители и императорские чиновники. Так что даже если по другим соображениям имелась бы возможность совершения крещения князя Владимира в другом месте, в каком-либо другом храме Херсонеса, то, исходя из политических мотивов, крещение и венчание должны были состояться только в кафедральном храме города и в крещальне при нем. Таковым, как было показано, является Уваровская базилика. «Итак, – заключает С.А. Беляев, – вслед за А.Л. Бертье-Делагардом решаемся утверждать: крещение князя Владимира имело место в Херсонесе, оно могло быть совершено только в крещальне, расположенной около Уваровской базилики» [Беляев 1989: 533, 534].

Пытаясь примирить противоречие между летописными названиями храма, где крестился Владимир (Св. Иаков, Св. Василий), и поддерживаемой им же атрибуции В.В. Латышева Уваровской базилики как храма апостола Петра, С.А. Беляев строит следующую конструкцию. Начиная с IV в. прослеживается непрерывная

традиция, связывающая храм или храмы на участке Уваровской базилики с апостолами. И ни один из источников не содержит имен, упомянутых в других источниках. Не относятся ли эти имена к разным храмам: апостола Петра – к маленькому храму, расположенному восточнее крещальни, но находящемуся внутри ограды ансамбля; святых Апостолов – к Уваровской базилике, а апостола Иакова – к храму, входящему в ансамбль крещальни, в котором совершалось таинство миропомазания. Оно было именно в этом храме совершено над князем Владимиром» [Беляев 1989:539].

В статье 2002 г. С.А. Беляев дополнил и несколько изменил обоснование своей точки зрения [Беляев 2002].

Как считает исследователь, в эпоху Владимира крещение не происходило собственно в церкви, внутри церкви. Как подготовка к крещению, так и само таинство совершались в специально построенных зданиях, ими были баптистерии, крещальни, находившиеся рядом с епископским храмом-кафедралом, которые составляли с ним одно нерушимое целое. Когда говорят, что Владимир был крещен в такой-то церкви и называют имя святого, то в этом случае следует иметь в виду, что речь идет о кафедральном храме, к которому относится баптистерий и в ансамбль которого он входил. Согласно литургической практике церкви раннехристианской и византийской эпохи, таинства крещения и миропомазания могли совершаться только епископами преимущественно в своих епископских кафедральных храмах, а точнее – в находящихся при них баптистериях. По отношению к Владимиру имеются прямые указания источников, что таинства крещения и миропомазания над ним были совершены именно епископом в кафедральном храме города. Так что решение вопроса об имени храма, в котором был крещен князь Владимир, по существу есть решение вопроса о возвращении первоначального,

исконного церковного имени кафедральному храму Херсонеса. Анализ имеющихся в распоряжении источников позволяет установить точную архитектурную форму кафедрального храма Херсонеса, которой была базилика. Таковым храмом могла быть только Уваровская базилика. Только около нее в Херсонесе имеется крещальня, что представляет еще одно свидетельство в пользу того, чтобы считать ее кафедральным храмом города. Более того, по категоричному утверждению С.А. Беляева, в настоящее время факт крещения князя Владимира в баптистерии Уваровской базилики стал фактически общепризнанным и почти хрестоматийным. Есть все основания принять его за достоверное и реальное событие.

Согласно С.А. Беляеву, однородность топографических указаний летописей на место расположения храма («посреде града») допускает два толкования. Первое предполагает наличие в Херсонесе места, где рядом друг с другом могли быть расположены семь храмов, каждый из которых мог быть местом крещения Владимира. Но поскольку, по С.А. Беляеву, крещение происходило в кафедральном храме, то все 7 храмов должны быть кафедральными, т.е. иметь крещальни. Естественно, такого места в Херсонесе нет.

На самом деле был один храм, в котором князь Владимир принял св. Крещение, у этого храма было свое церковное имя, но по каким-то неясным для нас причинам оно от момента крещения Владимира до момента попадания известия об этом в текст той или иной летописи было изменено на другое.

С.А. Беляев логично считает, что есть веские основания объединить храмы с именами св. Софии и св. Богородицы. Само же появление имени храма Богородицы в летописных текстах как места крещения князя Владимира нашло у исследователей следующее объяснение. Еще А.А. Шахматов обратил внимание на то, что в древнерусских источниках места креще-

ния князя и дружины различны. Это мнение поддержали и развили С.П. Шестаков и Д.В. Айналов. Благодаря работам этих исследователей удалось локализовать этот храм и отождествить его с реально обнаруженным во время раскопок фундаментом, так что на сегодняшний день это достаточно обоснованная и устоявшаяся в науке точка зрения. Следовательно, оба названия – и Богородицы, и св. Софии – могли относиться к одному и тому же памятнику, скорее всего к храму Богородицы Влахернской, о котором писали С.П. Шестаков и Д.В. Айналов.

Совсем иное положение с храмом, посвященным св. Клименту. Мощи этого святого были перенесены Кириллом и Мефодием и положены в кафедральном соборе города, т.е., по С.А. Беляеву, в Уваровской базилике, где они соответственно и находились с 862 г. К моменту похода Владимира прошло более ста лет, срок, достаточно продолжительный и в сознании и в восприятии жителей Херсонеса для того, чтобы храм, в котором находились мощи св.Климента, стал называться храмом или базиликой св. Климента, несмотря на то, что он изначально был посвящен другим святым. Как считает С.А. Беляев, именно эту традицию и зафиксировала одна из русских летописей. В этом случае упоминание храма св. Климента может относиться к тому храму, который хранил в себе его святыне мощи, т.е. Уваровской базилике. Это не исключает того, что один из приделов (часовен) был посвящен этому святому. Но основное имя храма было другое.

Церковь Спаса названа всего один раз в Архангелогородской летописи или Устюжском своде. Источником Устюжского свода, по мнению А.Н. Насонова, является один из сокращенных вариантов общерусского свода в редакции 1474 г. Как справедливо подчеркивает С.А. Беляев, важно отметить, что сведения в этот текст не могли попасть непосредственно из какого-то херсонесского или одного из

первых летописных сводов, а скорее всего были заимствованы из весьма опосредованного источника. Как они туда попали, на каком этапе произошло смещение в наименовании церкви, в которой крестился Владимир, в настоящее время сказать невозможно. В связи с этим С.А. Беляев высказывает три предположения. Согласно первому, речь может идти о той церкви, которая в других источниках названа церковью Богородицы и св. Софии. Такая подмена могла случиться под влиянием константинопольской традиции, ибо храм св. Софии в Константинополе отмечал свой праздник в день Рождества Христова. Второе предположение состоит в том, что в Херсонесе мог действительно существовать храм с этим названием, о котором пока ничего не известно. Наконец, за столетия, которые отделяют крещение от создания свода, при многочисленных переписываниях текста были допущены ошибки. Можно согласиться с оценкой исследователя, считающего, что в силу названных обстоятельств, а именно, что название церкви встречается только один раз и то в очень позднем своде, имя этой церкви может не учитываться при рассмотрении имени той реальной церкви, в которой Владимир принял Крещение.

В ряде текстов в качестве таковой фигурирует церковь св. Василия. Как подметил С.А. Беляев, вопрос в этом случае состоит еще и в том, что неясно, о каком Василии идет речь. Реально можно говорить о двух святых: Василии, первом епископе херсонесском из числа семи мучеников, или о Василии Великом – архиепископе Кесари Каппадокийской, небесном покровителе князя Владимира по его христианскому имени, полученному при святом крещении. С Василием херсонесским С.А. Беляев связывает Западную базилику, однако около нее нет баптистерия, и с крещением Владимира ее никогда не связывали. Иное дело Василий Великий, небесный покровитель киевского князя. Как известно, во имя этого святого и в память

своего крещения князь Владимир построил в Херсонесе храм, который всегда связывался с его крещением. Вполне возможно, что имя храма, построенного князем Владимиром в память своего крещения, было перенесено одним из русских летописцев на тот храм, в котором князь Владимир принял крещение. Эта идея, впервые высказанная С.П. Шестаковым, была принята С.А. Беляевым, по мысли которого иное объяснение появления этого имени среди возможных мест крещения князя найти сложно.

Чаще всего в летописных текстах как место крещения Владимира упоминается храм апостола Иакова. Этот же храм назван в еще одном древнерусском источнике – «Повести о Николе Зарайском», относящемся к XIII в. «В лето 6733 г. (1223 г.)... принесен из преименитого города Херсона в пределы разаньские... А стоял чудотворный образ во граде Корсуни посреде града близ церкви апостола Иакова брата Господнего. А у сего бо апостола Иакова крестися самодержавный и великий князь Владимир Святославич Киевский и всяя Руси». Как отмечает С.А. Беляев, ценность этого источника состоит в том, что он, по мнению исследователей, написан Евстафием вторым, сыном того Евстафия, который являлся жителем Корсуни (Херсонеса) и который перенес образ св. Николая из Корсуни в Зарайск. Этот текст особенно важен тем, что если принять выводы исследователей о характере текста и времени создания повести, то окажется, что «Повесть» представляет собой совершенно иную традицию, не связанную с ПВЛ и другими летописями, традицию херсонесскую, курсунскую, привезенную на Русь совершенно самостоятельно вне какой-либо связи с летописью и зафиксированную в славянском тексте русским жителем этого города [Беляев 2002: 125, 126].

Последняя идея, высказанная С.А. Беляевым представляется вполне вероятной. Также, безусловно, нужно согласиться с выводом о том, что летописная и древ-

нерусская традиция однозначно отдает предпочтение храму апостола Иакова как месту крещения князя Владимира.

Обоснованным вариантом первой локализации места крещения Владимира является точка зрения С. Б. Сорочана. По его мнению, предположение, что крещение произошло в херсонесском баптистерии рядом с Уваровской базиликой входит в противоречие с данными письменных источников, летописей и агиографии. Ее скорее всего следует отождествлять с большим храмом св. Апостолов, а еще точнее – базиликой св. апостолов Петра и Павла, упоминаемой в житийной литературе. Уваровская базилика никак не могла быть той церковью, где крестился Владимир, поскольку летописец вполне определенно указал, что она находится «посреди града», да еще и там, где корсунцы вели торговлю. Северный берег едва ли подходил под этот основной ориентир. Более всего середине города соответствовала обширная площадь на акрополе, в средние века потерявшая свое исключительное значение, превратившаяся в агоруторг, которому, как это было принято в Византии, не мешало соседство часовен и церквей, к каковым относился и храм св. Василия. Обширные размеры площади с храмом св. Василия позволяют поверить в то, что рядом с ним вполне хватало места для устройства «палат» и Владимира, и Анны. Поэтому понятно, почему, когда в 1827 г. здесь были раскопаны три средневековых христианских храма, один из них, имевший в плане вид креста и существовавший, вероятно, с IX–X вв. до XIV в., предположительно определили как место крещения Владимира, а во второй половине XIX в. над ним был сооружен Владимирский собор [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 299]. При этом исследователь соглашается с предположением С.П. Шестакова и аргументацией Д.В. Айналова, что дружина князя Владимира приняла крещение в херсонском загородном храме Богородицы [Сорочан 2004: 232].

В недавно вышедшем томе «Византийский Херсон» С.Б. Сорочан предлагает более развернутую аргументацию, отождествляя храм № 27 с церковью, в которой крестился Владимир. Исследователь полагает, что если выражение «посреде града» составителя Корсунского рассказа летописи можно понять неопределенно (как «внутри города», «в городе»), то крайне важное уточнение «идеже торг деют корсуняне» без сомнений свидетельствует не в пользу раннесредневекового епископального комплекса на северном берегу, а в пользу большой (верхней) агоры, варианта ромейского фороса, платей, которая, как в прочих византийских городах, играла роль полифункционального центра. Не считая шести помещений поздневизантийского времени, располагавшихся вдоль V поперечной улицы в III квартале, в которых можно подозревать эргастии, поблизости от Уваровской базилики с ее баптистерием, без достаточных оснований выставляемой в качестве претендента на роль легендарной летописной церкви, нет больше объектов такого рода, а имевшиеся едва бы удовлетворяли условиям массового торгового херсонитов. Этот район совершенно не годился для таких целей и был предназначен для иного. Только здесь, на верхней агоре логично искать ту «палату... с края церкви», в которой пребывал перед крещением Владимир, а также «палату за алтарем», где поместили царицу Анну встретившие ее корсунцы. И та, и другая постройка, по словам составителя Корсунского летописного рассказа, еще стояли в XI–XII вв. и, значит, как и церковь святого Василия, имели шансы дожить до окончательной гибели города. Раскопки рядом с Уваровской базиликой не выявили справа от нее и перед ней следов потестарных сооружений, подходящих под определение «палаты». Между тем как на планах, снятых архитектором Авдеевым и городским архитектором, поручиком Вяткиным, до начала строительства Владимирского собора, можно отыскать искомые летописные сооружения. На расстоянии

5–6 м. напротив южного входа располагалась прямоугольная постройка, с северной оконечности которой вел вход со стороны крестовидного храма №27. Она замыкала пространство между крестовокупольным храмом №29 и базиликой №28. Другая «палата» действительно прослеживается на расстоянии 4–5 м. за алтарной апсидой церкви св. Василия на том месте, где прошла восточная стена Собора св. Владимира [Сорочан 2005: 901–905].

На сегодняшний день в литературе существует несколько вариантов названия церкви, где крестился Владимир. Все они исходят из летописных данных, однако разные источники дают разные названия. В Первой Новгородской летописи – это церковь св. Василиска, в Лаврентьевской и Ипатьевской – храм св. Софии, Радзивилловской и Академическом списке Суздальской – св. Богородицы, Троицком списке Новгородской Первой – св. Климента, Архангелогородской – св. Спаса [Шахматов 1906: 1108]. В «Повести о св. Николае Зарайском», Софийской Первой, Новгородской Четвертой, «Житии» князя и зависящих от него источников сообщают, что храм был освящен в честь св. Иакова [Шахматов 1906: 1108; Мусин 2002: 147; Шестаков 1908: 132–136].

Е.Е. Голубинский считал, что ни церковь св. Василия, упомянутая в Лаврентьевской летописи, ни храм св. Иакова Жития князя не могут быть местом, где принял крещение князь Владимир. По его мнению, должно быть считаемо правильным показание Ипатьевского списка ПВЛ, по которому он крестился в церкви св. Софии. Есть основания полагать, что кафедральным храмом Корсуни была церковь св. Софии. Но Владимир венчался, конечно, в кафедральном храме, ибо, не говоря о другом, венчание совершал, конечно, сам епископ [Голубинский 1997: 162].

Такой разнотой данных источников попытался объяснить А. А. Шахматов в двух изданиях своей работы. В раннем варианте ученый предположил, что в первоначальном варианте редакции жития Влади-

мира особого состава указывались две церкви: сначала церковь, где крестился сам Владимир, а потом церковь, где крестилась дружина князя. В «Слове о том, как крестился Владимир, взяв Корсунь» указано, что дружина Владимира, увидев его чудесное исцеление, крестилась в церкви св. Богородицы, сама же церковь, где крестился князь, не названа. В памятнике же, бывшем общим источником летописи и жития, были названы две церкви – одна, где крестился Владимир (св. Иакова), а другая, где крестилась дружина (св. Богородицы). Это объясняет, почему в некоторых летописных изводах местом, где крестился Владимир, названа церковь св. Богородицы [Шахматов 1906: 1123]. Кроме того, церковь, где крестился Владимир, была названа базиликой (василикой). На это наложились и то обстоятельство, что в «обычном житии» была названа церковь св. Василия, построенная князем в Корсуни [Шахматов 1906: 1109].

Таким образом, А.А. Шахматов считал, что в первоисточнике летописи и житий была указана церковь св. Иакова, названная при этом базиликой. Если читать «В базилике св. Иакова», то из «базилики», согласно предположению Е.Е. Голубинского, выводится св. Василиск Новгородской Первой летописи и св. Василий в Лаврентьевской и Переяславской летописях. Хотя прямых указаний на существование в Херсоне церкви св. Иакова нет, но в одном из списков повести «О принесении чудотворного образа святителя Николая из Корсуни в Зарайск» сказано: «а стоял тот чудотворный образ посреди града Карсуни у апостола Иакова, брата Господня по плоти, позади церкви». Известное же сказание об обретении мощей св. Климента упоминает церковь св. Апостолов в Херсоне. Как полагает А.А. Шахматов, эту церковь, быть может, и следует отождествить с церковью св. Апостола Иакова [Шахматов 1906: 1123].

При переиздании ученый несколько из-

менил и расширил аргументацию. Теперь А.А. Шахматов подчеркивает, что церковь, где крестился Владимир, была, по всем данным, названа в Корсунской легенде, впервые возвестившей о крещении Владимира не в Киеве, а в Корсуни, церковью св. Иакова (сравни показания жития Владимирова). Это обстоятельство, т.е. название церкви св. Иаковом и было причиной замены в позднейших сводах малоизвестной церкви другими церквами с более популярными в древней Руси именами. Одни своды заменили Иакова св. Богородицей, другие – св. Софией, третьи – св. Климентом, четвертые – св. Спасом. В Начальном же своде вместо св. Иакова читалось св. Василия, как можно заключить из показаний Лаврентьевского, с одной стороны, Комиссионного и Академического списков – с другой. Это название перенесено, по-видимому, из дальнейшего летописного текста, где сообщалось о построении Владимиром в Корсуни церкви св. Василия. Вместе с названием церкви перенесены из дальнейшего и приведенные выше топографические определения церкви и палат Владимировой и царицыной. «В пользу такого предположения, – заключает исследователь, – приведу показания обычного жития Владимира о том, что построенная Владимиром церковь была церковь св. Василия [Шахматов 2001: 307, 308].

Итак, А.А. Шахматов определил храм, где крестился Владимир как церковь св. Иакова, дружина же крестилась в церкви св. Богородицы.

После исследований А.А. Шахматова приходится признать, что весьма остроумная догадка Карамзина о том, что появление в летописях церкви св. Иакова есть не что иное, как ошибка переписчика, принявшего слова «крести Володимера, и яко възложи руку» за имя церкви, теряет смысл [Карамзин 1989: 287].

Согласно точке зрения С.П. Шестакова, в основе рассказа «Жития Владимира особого состава» и летописи лежит общий

источник. Но поверх этого источника в летописи лег новый, неизвестный автору жития. Трудно сказать, составляют ли восполнения летописца основного источника его собственные сообщения, или он имел перед собой готовый рассказ, который скомбинировал с основным источником, или уже самая эта обработка основного источника была сделана до него. Автор восполнения, вероятно, киевлянин, побывавший в Херсоне, так как, сообщая топографические сведения о греческом городе, он в то же время говорит о помещении вывезенных из Херсона скульптурных произведений вблизи Десятинной церкви в Киеве. Самостоятельность же передачи в Житии основного источника видна и в несогласном с летописью определении той Корсунской церкви, где Владимир получил св. крещение, причем название церкви св. Василия он дает другой церкви, построенной после крещения самим Владимиром в Корсуни. Допустимо было бы предположение, что разногласие в показаниях относительно названия церкви, где крестился Владимир, возникло вследствие недосмотра при чтении упомянутого выше основного источника автора летописного текста, если бы последний тут же не сообщал топографических подробностей, подкрепляемых свидетельством очевидца («стоит и до сего дне»). Тем не менее, и свидетельство жития имеет характер подлинности. Название святого, которому посвящена церковь, где крещен Владимир, в Житии обычно, как те, которые находим в вариантах летописного текста. Затем, естественно думать, что, получив при св. крещении имя Василия, Владимир поставил церковь этого святого. Название же этой церкви в Ипатьевской летописи скорее всего придумано позднее по отношению к факту крещения.

Как считает С.П. Шестаков, следуя летописи, мы можем думать, что в городе Херсоне, скорее всего близ стен, была насыпная возвышенность с церковью на ней. Городское предание связывало ее

возникновение со днями осады города русским князем. На площади, агоре, стояли дворцы, примыкавшие к тому храму, где по преданию крестился Владимир. С.П. Шестаков присоединяется к точке зрения Е.Е. Голубинского, что для торжественного обряда предание могло намечать скорее всего соборную церковь. Мы думаем, – продолжает С.П. Шестаков, что таковая («Кафоликция» в «Словне на обретение мощей св. Климента») была посвящена в Херсоне того времени имени св. Апостолов. Здесь были положены, по их обретению, мощи св. Климента, папы римского. Если Житие называет церковь св. Иакова, это был, вероятно, придел при главной церкви [Шестаков 1908а: 91, 92].

В отдельной статье, посвященной вопросу о месте крещения Владимира, исследователь останавливается на определении названия храма более подробно.

Согласно А.П. Шестакову, базилика св. Иакова является местом крещения Владимира в Корсунской легенде. Определение церкви основано на коньктуре Е.Е. Голубинского к чтению Новгородской первой летописи: «Св. Василиска». Но это разночтение является в том месте летописи, где говорится о церкви, стоящей в Корсуне «на месте посреде града, идеже Корсуняне торг дают», где в Лаврентьевском и Переяславском списках читается «в церкви св. Василия». Сопоставление с параллельным текстом обычного жития делает весьма вероятным, что подлинное название этой церкви в летописи было вытеснено названием, первоначально принадлежащим церкви, поставляемой св. Владимиром после крещения своему ангелу. Если до сих пор церковь, где по преданию крестился Владимир, называют церковью св. Василия, то это основано на авторитете летописной версии легенды. По С.П. Шестакову, правильным было бы читать по обычному житию «в церкви св. Иакова», и затем «и есть церкви та стоящи в Корсунни граде, на месте посреде града, идеже торг деют Корсоу-

няне». У Шахматова это определение местоположения той церкви, где крестился Владимир, отнесено к церкви св. Богородицы, где согласно «Слову о том...» крестились многие дружинники из дружины Владимира. Но Шахматов в другом месте своей книги приводит из одного списка повести «О принесении чудотворного образа святителя Николая из Корсуни в Зарайск» слова: «а стоял тот чудотворный образ посреди града Корсуни, у апостола Иакова, брата Господня по плоти, позади церкви». Таким образом, по мнению С.П. Шестакова, церковь святого Иакова оказывается посредине города Корсуни. Однако, как подчеркивает исследователь, это не надо понимать буквально. Дело идет о центральном пункте города, а таким является городская площадь, рынок, агора, в христианской Византии фор. В этом и состоит новый довод в пользу отнесения летописного определения места той церкви, где крестился Владимир, церкви св. Иакова. В том же месте, где приводится ссылка на повесть об образе св. Николая Зарайского, Шахматов замечает: «из сказания об обретении мощей св. Климента видно, что в Корсуне была церковь св. Апостолов: эту церковь, быть может, и следует отождествить с церковью апостола Иакова». С.П. Шестаков утверждает, что церковь св. Апостолов была соборным храмом Корсуни, поскольку она так именуется в «Слове на принесение мощей преславного Климента». В тексте памятника, приводимом И. Франко в его исследовании «Святой Климент в Корсунни», к этому храму применен термин «кафоликция». Следовательно, полагает С.П. Шестаков, такой храм надо предполагать на форе или агоре, главной площади города. Вместе с тем исследователь не соглашается с А.А. Шахматовым, прямо отождествлявшим храм св. Апостолов и церковь св. Иакова. Названия византийских храмов по святым всегда строго определены. Церковь св. Апостолов уже никогда не будет названа церковью св. Иакова. Од-

нако по греческим синаксарям и другим церковно-археологическим памятникам мы знаем, что при больших храмах существовали приделы, что и может быть применимо к нашему случаю.

В «Повести о перенесении образа святителя Николая из Корсуни в Зарайск» в выражении «а стоял тот чудотворный образ посреде града Корсуни у апостола Иакова, брата Господня по плоти, позади церкви», С.П. Шестаков видит связь последнего слова с главным храмом, а определение «позади церкви» по его версии имеет отношение не к образу, а к *ajpostolei`on* св. Иакова, брата Господня, примыкавшего к главному храму [Шестаков 1908: 133, 134].

В.Ф. Шмурло отмечал, что о наименовании церкви можно спорить. «Обычное житие Владимира» называет ее церковью св. Иакова, и, допуская, как это делает А.А. Шахматов, что при том она называлась еще (по-гречески) базиликою, можно вместе с ним и Голубинским вывести «чтение св. Василиска» в Новгородской Первой летописи и св. Василия в Лаврентьевской и Переяславской летописях. Как писал А.А. Шахматов, мы не имеем достоверных указаний на существование в Корсуни церкви св. Иакова. Кто знает, заключает В.Ф. Шмурло, может быть, объяснение летописной версии даст не «Иаков», не «Василиска», а христианское имя Василий, полученное Владимиром при крещении? [Шмурло 1927: 130, 131, сн. 2].

М.Ю. Брайчевский констатировал, что место, где происходило это событие, в источниках определяется по-разному: церковь св. Софии, св. Василия, Св. Иакова и Спаса. Методом исключения могут быть выбраны последние два варианта. Появление в текстах церкви св. Василия легко объяснимо христианским именем только что обращенного неопита. Однако есть сообщение, что храм св. Василия в Херсонесе был построен самим Владимиром в честь своего приобщения к греческой вере. Следовательно, креститься в ней

киевский князь не мог. Что касается храма св. Софии, то никаких упоминаний о ее существовании в Херсонесе нет. Храмы этого имени были очень распространены, и многие из них были кафедральными. Возможно, появление имени Св. Софии в «Сказании» объясняется произвольной фантазией писателя XI в. или наиболее поздних редакторов, когда в Киеве, Новгороде и Полоцке действовали кафедральные соборы св. Софии. В отличие от этого, появление в источнике церкви св. Иакова, как и Спаса, можно объяснить только тем фактом, что местом крещения Владимира был именно такой храм. Вместе с тем упоминание церкви св. Спаса встречается лишь в одиночных текстах, тогда как имя св. Иакова является самым популярным и названо в большинстве текстов. На этом основании М.Ю. Брайчевский считает наиболее вероятным предположение, что именно в церкви св. Иакова произошло крещение киевского князя [Брайчевский 1989: 188].

А. Карпов отмечает, что в настоящий момент существуют по меньшей мере семь версий названия церкви. Удивительно то, что даже летописи, близкие к Лаврентьевской в этой части «Повести временных лет», резко расходятся с ней и друг с другом. Так, согласно Радзивилловской и Академической летописям, Владимир крестился в церкви Святой Богородицы, согласно Ипатьевской – Святой Софии, но в Новгородской Первой младшего извода – в церкви святого Василиска. И это при том, что в остальном текст этих летописей в описании данного события почти не различается: о церкви, например, одинаково говорится, что она стоит «посреди града, где торг деют корсуняне». Другие источники еще больше увеличивают разноречивость. Обычное Житие Владимира называет церковь, в которой крестился князь, церковью святого Иакова (без указания на ее местоположение в городе); из Жития это наименование попало в некоторые летописи, в частности, в Софийскую Первую,

Новгородскую Четвертую, Тверскую. Отдельные списки летописного сказания предлагают еще два варианта названия Корсунской церкви – Святого Спаса и Святого Климента. Житие Владимира особого состава вообще сообщает, будто Владимир крестился (или крестил дружину?) «в речке». По мнению исследователей, это искажение первоначального «в церкви» без уточнения названия.

В историографии утвердилось мнение, согласно которому в первоначальном варианте Корсунского сказания церковь, в которой крестился Владимир, не была названа по имени, но обозначалась греческим словом «базилика», которое в форме «Василика» и превратилось под пером переписчика сначала в церковь св. Василиска, а потом и Василия. С этим утверждением А. Карпов не соглашается, указывая на то, что исследователи не проводили подробного текстологического анализа летописного рассказа с учетом различных (в том числе внелетописных) текстов, содержащих Корсунскую легенду. Проведя такой анализ, исследователь пришел к диаметрально противоположному выводу. Первоначальный вариант «Корсунского сказания» ничего не говорил о церкви, в которой крестился Владимир, называя лишь церковь, в которой крестилась его дружина. Под пером позднейшего редактора эта церковь (Святой Богородицы) превратилась в ту, в которой принял крещение сам князь. По мнению А. Карпова, название церкви Святого Василия (и, может быть, как искажение, Святого Василиска) появилось под влиянием последующего сообщения о церкви Святого Василия в Корсуни. Литературное происхождение скорее всего имеет и наименование церкви Святого Климента: о существовании такого храма в Херсонесе русскому книжнику было известно из Слова на перенесение мощей святого Климента Римского «из глубины моря в Херсонс». Что же касается других названий Корсунской церкви, то здесь дело

может объясняться иначе. Возможно, несколько храмов Херсонеса со временем стали претендовать на обладание купелью, в которой произошло крещение Крестителя Руси.

Во всяком случае, по заключению А. Карпова, мы вправе сделать еще один вывод: и во время обработки летописного сказания (70–80-е годы XI века) в Корсуни и на Руси по-прежнему не было известно ни точного места крещения князя Владимира, ни точного названия той церкви, в которой – согласно утверждавшейся «Корсунской» версии – крещение произошло. И это при том, что летописец-редактор, как и составитель первоначального «Корсунского сказания», обнаруживает отличное знание города и его святынь [Карпов 2004: 241–243].

С.Б. Сорочан в недавно вышедшей книге подчеркивает, что в наиболее раннем списке ПВЛ, вошедшем в состав Лаврентьевского летописного списка 1377 г., церковь, которая стояла «...в Корсуни граде на месте посреде града, идеже торг деют корсуняне», и в котором принял крещение князь Владимир, названа именем св. Василия. В Новгородской I летописи, тоже отражающей Начальный свод, она объявлена церковью св. Василиска, что является незначительным искажением имени Василия. И только более поздние русские письменные источники сообщают иные названия, возможно, объясняемые все возрастающей со временем путаницей, допускаемой переписчиками и редакторами. Но не даром Владимир был наречен после крещения Василием. Поскольку в византийской церкви, как заметил архиепископ Иннокентий Таврический, существовал обычай давать крещаемым имена святых, какие приходились через семь дней после крещения, то весной, в апреле, на Пасху, к кануну которой, скорее всего, было приурочено крещение князя и его дружины, ближайшим святым с этим именем являлся Василий Амасийский (день памяти 26 апреля). Не могло не сыграть

свою роль и знаменательное совпадение с именем правившего императора, согласно византийской миродержавной доктрине становившегося «отцом» и для Владимира (аналогичный случай мы имеем с болгарским государем Борисом, ставшим после крещения Михаилом. Позднейшую же несогласованность, по мнению С.Б. Сорочана, могли породить названия иных средневековых храмов, числом не менее пяти, находившихся на агоре по соседству, о которых, разумеется, знали на Руси, поскольку ее разнообразные связи с Корсунью никогда не прерывались [Сорочан 2005: 899, 900].

Оценим рассмотренные выше точки зрения с учетом сказанного нами ранее о «базилике на холме». Как уже отмечалось, летописные сведения определяют церковь, где крестился Владимир, как храм Святого Василия (Лаврентьевская, Переяславская летописи), Святого Василиска (Первая Новгородская, Летопись Авраамки), Святой Софии (Ипатьевская), Святого Иакова (Четвертая Новгородская, Первая Софийская, Воскресенская, Хронограф, Патриаршая Никоновская, Тверской летописец, Ермолинская), Святой Богородицы (Радзивилловская), Святого Климента (Первая Новгородская. Арх. список), Спаса (Архангелогородская). С.А. Беляев справедливо указывал на однородность топографических указаний на место расположения храма – «посреде града» [Беляев 2002: 120].

По верному суждению исследователя, есть веские основания объединить храмы с именами св. Софии и Богородицы. На это указывает как то, что все известные в больших городах храмы во имя Софии были посвящены Софии Премудрости Божией, а их престольные дни приходились на Богородичные праздники. Кроме того, немаловажным представляется подмеченное С.А. Беляевым обстоятельство – иконографически София Премудрость Божия всегда изображалась в виде Богоматери [Беляев 2002: 121]. Также, по указанным

С.А. Беляевым причинам, отпадает храм св. Василия.

Таким образом, храм, в котором крестился Владимир, может с достаточным на то основанием быть определен как церковь св. Иакова. Источниковедческий анализ, проведенный А.А. Шахматовым, несмотря на отдельные спорные моменты, представляется достаточно логичным и убедительным. Церковь св. Иакова располагалась в центре города неподалеку от рыночной площади, т.е. речь может идти об одном из храмов, раскопанных на агоре в центре Херсонеса (храмы №№ 26–29 по нумерации Императорской археологической комиссии) [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 559].

Вариант с Уваровской базиликой находится в очевидном противоречии с письменными источниками, для согласования с которыми приходится строить сложнейшую, абсолютно искусственную конструкцию, имеющую произвольный характер. Заметим также, что в летописи храм, в котором крестился Владимир, не назван соборным, т.е. кафедральным, в противоположность церкви св. Ильи в Киеве, где «те из нас, кто крещен в **соборной** (подчеркнуто мной – А.С.) церкви, клялись церковью святого Ильи в предлежании честного креста и хартии этой соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего».

Необходимо также отметить версию Ипатьевской летописи о крещении дружины Владимира в храме св. Богородицы. Как известно, реконструкция текста А.А. Шахматова помещает этот храм на центральной площади Корсуни. По С.П. Шестакову, наши сведения о храмах византийского Херсона слишком скудны и случайны, чтобы отвергать предположение о существовании одного из храмов Пресв. Богородицы в этом месте города. Но положительно нам известен только один храм имени Пресв. Богородицы в Херсоне, это Влахернский храм вне стен города, где был погребен папа Мартин I, о чем говорится в греческом синаксаре Мо-

сковской Синодальной библиотеки и что подтверждается житиями папы Мартина и Схолием к Деяниям св. Максима Исповедника, повествующим о страданиях и жизни в Херсоне подвижников папы, братьев Феодора и Еапрепия. Наличие при этом храме *tumulorum sanctorum*, нахождение его вне стен города и его древность натолкнули С.П. Шестакова на мысль, не следует ли видеть этот Влахернский храм в том храме, который открыт в 1902 г. по

дороге к Севастополю. По предположению исследователя, весьма вероятно, что дружина Владимира продолжала жить во время пребывания князя в Корсуни в лагере, за городом. Крещальня загородного храма с колодцем, полным воды, сохранилась до сих пор. Здесь и могли быть крещены дружинники Владимира [Шестаков 1908: 135]. Таким образом, речь идет о т.н. загородном крестообразном храме.

Литература

Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсуни, построенная князем Владимиром // *Byzantinogussica*. – М., 1994. № 1. – С. 7–46.

Беляев С.А. «Крести же ся в церкви святого Иакова, и есть церкви та стоаще в Корсуне посреде града, идеже торг деют корсуняне» (методика сопоставления письменных и археологических источников) // *Проблемы исторического познания*. – М., 2002. – С. 113–140.

Беляев С.А. Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973–1977 гг.) // *Византийский временник*. – М., 1979. Т. 40. – С. 114–126.

Беляев С.А. Где крестился князь Владимир? (Предварительное сообщение) // *Памятники культуры. Новые открытия*. 1988. – М., 1989. – С. 531–540.

Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса. – СПб., 1892. – 64 с.

Бертье-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь. – СПб., 1909. – 67 с.

Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. – Киев, 1989. – 294 с.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. – М., 1997. Том I. Период первый. Киевский или домонгольский. Первая половина тома. – 968 с.

Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // *Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР*. – М., 1963. N 37. – С. 66–75.

Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1989. Т. I. – 640 с.

Карпов А. Владимир Святой. (Жизнь замечательных людей). – М.: Молодая гвардия, 2004. – 455 с.

Лебедев Л. Крещение Руси. – М., 1987. – 169 с.

Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. – М., 1994. Книга Первая. Часть Вторая. – 407 с.

Мусин А. Археология Корсунской легенды (Археологические комментарии к летописной статье 6496 г. и «Корсунские древности» на Руси) // *Православные древности Таврики*. Сборник материалов. 2002. – С. 146–154.

Мюллер Л. Рассказ «Повести временных лет» о крещении Владимира Святославича // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. – М., 2000. – С. 60–70.

Сазанов А.В. Керамический комплекс начала XI в. из Херсонеса (Амфоры, пифосы и простая гончарная керамика) // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. –

Симф., 2001. – С. 229–256.

Седикова Л.В., Рыжов С.Г. Комплексы X в. из квартала X «Б» Северного района Херсонеса // Херсонесский сборник. 2000. Вып. X. – С.312–329.

Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983, –175 с.

Сорочан С.Б. К вопросу о датировке и интерпретации херсонского загородного монастыря Богоматери Влахернской // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. – С.211–232.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Харьков, 2000. – 642 с.

Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. Ч. II. –1644 с.

Срезневский В.И. Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г. // Записки Академии Наук. Серия VIII. Историко-филологическое отделение. – СПб., 1897. Т. 1. N 6. – С.1–13.

Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. – СПб., 1906. – С. 1072–1194.

Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. – М., 2001. – 878 с.

Шестаков С.П. К вопросу о месте крещения св. Владимира (по поводу исследования академика А.А.Шахматова) // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. Вып. III. Приложение 4. – С.82–137.

Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р.Х // Памятники христианского Херсонеса. – М., 1908. Вып. III. – С. 1–94.

Шмурло Е.Ф. Когда и где крестился Владимир Святой? // Записки русского исторического общества в Праге. Прага чешская, 1927. Т.1. – С. 121–148.

МЕНЕДЖМЕНТ: НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ

В.П. Бозин, В.К. Бомбин

УДК 658.8.012.12

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ ОБЪЕКТОВ, СВЯЗАННЫХ С ОЛИМПИАДОЙ В Г.СОЧИ В 2014 Г.¹

В статье представлен краткий обзор рынка недвижимости объектов, связанных с олимпиадой в г.Сочи в 2014 г., и представлен анализ стоимости объектов, планируемых и уже начатых строительством. Особое внимание уделено объектам спорта, курортов, туризма и жилищного строительства.

Ключевые слова: олимпиада, рынок, недвижимость, строительство, объекты, спорт, туризм.

V.P. Bozin, V.K. Bombin

ON ASSESSMENT OF THE REAL ESTATE MARKET FACILITIES DIRECTLY RELATED TO THE OLYMPIC GAMES IN SOCHI IN 2014

The article provides an overview of real estate facilities related to the Olympic Games in Sochi in 2014 and presents an analysis of the cost of facilities planned and already started the construction of special attention is paid to sports facilities, resorts, tourism and housing.

Key words: competition, market, real estate, construction, facilities, sports and tourism.

---

¹ В работе над статьей были использованы следующие электронные ресурсы:

<http://www.macon-reality.ru>

<http://kdo.ru>

<http://art.thelib.ru>

Проводимые в России экономические преобразования изменили условия функционирования комплекса отраслей народного хозяйства и особенно сферы социально-культурного сервиса и туризма, частью которого являются объекты недвижимости, связанные с предстоящей олимпиадой.

Рынок курортно-туристской недвижимости – сравнительно новое для отечественных курортов понятие, да и само предложение – жилье для проведения отпусков и уикендов – для российского обывателя специфично. Между тем для Краснодарского края этот рынок обещает стать одной из значимых точек инвестиционного роста.

Статья посвящена краткому обзору рынка курортно-туристской недвижимости города Сочи и экономическому анализу уже возводимых и только планируемых к строительству объектов, как связанных непосредственно с олимпиадой 2014 г., так и не связанных.

Известно, что город Сочи, славящийся субтропическим климатом, соленым морем и темными ночами, всерьез собирается принять у себя Олимпийские игры 2014 г. На подготовку к «играм богов» направлены сотни миллиардов рублей частных и государственных инвестиций. Всю спортивную инфраструктуру организаторы планируют возвести с нуля.

Инициатива исходила от городской администрации Сочи, федеральное правительство ее поддержало. Теперь создан специальный заявочный комитет «Сочи-2014», которому предстоит всячески позиционировать Сочи в России и за рубежом. В течение семи лет все сочинские окрестности будут застраиваться новыми спортивными сооружениями и инженерной инфраструктурой. На это предстоит потратить немалые деньги. По данным заявочного комитета, общие затраты на реализацию предусмотренных концепцией мероприятий составят 327,2 млрд руб. (около \$12 млн), из которых 199,5 млрд руб. поступят из бюджетов разных уровней, а 127,7 млрд руб. будут получены

за счет внебюджетных ассигнований. Из предусмотренного Федеральной целевой программой (ФЦП) бюджета 10% пойдут на создание спортивной инфраструктуры. Часть же средств будет направлена именно на создание инфраструктуры самого города, которая кардинально не менялась с 1950-х гг. С тех пор на ее усовершенствование не поступало никаких системных инвестиций государства.

Стадионы у моря. До сих пор в сознании российских граждан Сочи ассоциировался с морским курортом, где можно спокойно послушать шум прибоя, а не гул тысяч скандирующих болельщиков, наводняющих гигантские стадионы. Однако расположенный в нескольких километрах от побережья горный курорт Красная Поляна всегда воспринимался именно как место для спортивного отдыха: в сезон там много любителей горного велосипеда, а зимой – горнолыжников, которые признают это место одним из самых развитых в России. Через несколько лет Красная Поляна тоже преобразится, так как ей предназначено стать частью большой спортивной концепции. Такая же судьба ожидает все поселки, которые расположены поблизости, – Грушевую Поляну, Эсто Садок, Розу Хутор. Они станут ареной для зимних видов спорта.

В последние годы инвесторы самого разного уровня, от маленьких местных частных компаний и среднего бизнеса до «Интерроса» и «Газпрома», вкладывают деньги в сочинские окрестности. Город и его округа на глазах превращаются в европейский курорт. Здесь можно найти отели, ничуть не хуже московских 5-звездочных, современные пляжи и модные, как в столице, магазины.

С начала 2000-х гг. стала особенно заметна активная позиция властей г. Сочи и Краснодарского края. Местные власти как будто задалась целью привлечь максимум инвестиций в развитие края. И Краснодарский регион действительно то и дело в числе первых попадает в списки экономически успешных регионов РФ. Его стенды красуются на международных выставках в Каннах. В Красно-

дарском крае несколько лет назад даже был создан Акционерный инвестиционный фонд по типу частно-государственного партнерства, как принято за рубежом. Государство обычно выступает в таких случаях в роли партнера с долей в 30%, что служит для частных инвесторов гарантией их участия в фонде. Уже тогда фонд объявлял, что намерен привлекать деньги во все перспективные проекты своего края.

Сочи превращается в жемчужину Краснодаря. Минувя постепенное восхождение к вершине лидерства среди регионов, город и край решили пойти ва-банк. Тем более что программа развития Сочи до 2014 г. поддерживается федеральными властями. Ведь если Сочи удастся провести Игры, то у него появятся все предпосылки, чтобы стать самым комфортным и необычным в России курортом, а также ведущей спортивной тренировочной базой. У него также будет шанс войти в историю мирового спорта. Город работает и другие специфические преимущества: сможет привлечь больше внешних, в том числе зарубежных, инвестиций, не считая тех, что уже будут направлены в развитие Сочи во время подготовки к Играм.

До 2014 г. в мире должно пройти еще несколько Игр. Например, на летние, прошедшие в 2008 г., китайское правительство потратило \$37 млрд. В Пекине около \$2 млрд. использовано на современное технологическое оборудование для олимпийских объектов. Примерно \$3 млрд потрачено на само строительство объектов. \$31 млрд ушло на совершенствование инфраструктуры Пекина, в том числе дорог.

В Лондоне в 2012 г. должны состояться летние Олимпийские игры. Этот город развивает активную пиар-кампанию: привлекает туристов, спонсоров, добровольцев, бесплатно обслуживающих Игры. На Олимпиаду-2012 претендовали пять городов: Лондон, Мадрид, Москва, Нью-Йорк и Париж. Москва готова была на этот раз вложить \$10 млрд в организацию соревнований. Но ей не улыбнулась удача. Что касается России в целом, то получается, что она принимала Игры

только однажды – в 1980 г., когда была СССР. Стать хозяйкой Игр у Британии получилось с четвертого раза. В 1992 г. заявку подавал Бирмингем, в 1996 и 2000 гг. – Манчестер.

Принимающей стране проведение олимпийских состязаний дает возможность заработать имидж. А с 1984 г. Олимпиады приносят и прибыль. Британский ВВП благодаря проведению Олимпиады в течение следующих 12 лет должен вырасти на \$1,339 млрд (0,06%) – такие прогнозы уже делаются, например, эти цифры вывел Пол Дэйлс, автор специальных исследований по экономике Олимпийских игр из британской консалтинговой компании Capital Economics. Известно, что через час после того, как МОК объявил столицу Британии хозяйкой Олимпиады-2012, на Лондонской фондовой бирже взлетели акции многих британских компаний.

Но случались и неудачные истории. Афины в 2004 г. потратили \$10 млрд, но большая часть из построенных ими к Олимпиаде спортивных объектов ныне бездействует, не принося никакого дохода. Налогоплательщики канадского Монреаля до сих пор расплачиваются с государством: потеряв на Играх 1976 г. \$1,2 млрд, власти ввели среди своих граждан специальный сбор на табак.

Москва, когда готовилась год назад к званию претендента на Игры-2012, собиралась построить около 2,4 млн кв. м крытых объектов стоимостью около 43 млрд. руб. и отремонтировать существующие – за 5 млрд. руб., по данным заявочного комитета столицы. Строительство стадионов и прочих спортивных сооружений, как правило, происходит за счет средств частного бизнеса. Инженерная инфраструктура, наоборот, создается на бюджетные деньги. В частности, Четвертое транспортное кольцо тоже вошло в олимпийскую программу столицы.

Проведение Олимпийских игр – это мощный экономический стимул для города-организатора и для всей страны. Игры дают возможность открыть страну для туристов и новых инвесторов, существенно поднимают имидж государства. Олимпиада, как прави-

ло, экономически выгодный проект, расходы по организации Игр покрываются доходами от продажи телевизионных и спонсорских прав, продажи билетов.

Известно, что спорт – это бизнес. Как показывает история, бизнесмены всегда принимают самое активное участие в глобальных спортивных соревнованиях. Так, например, Владимир Потанин, глава группы «Интеррос», активно финансирует строительство курорта в Красной Поляне и является одним из организаторов Фонда поддержки олимпийцев России. В числе учредителей этого фонда также Александр Абрамов из «Евраз», Владимир Лисин из НЛМК, Виктор Вексельберг из «Реновы», Петр Авен из Альфа-банка, Олег Дерипаска из «Базэла» и Роман Абрамович.

В 2005 г. российские предприниматели сделали спортсменам подарок ко Дню народного единства. Они учредили Фонд поддержки олимпийцев России, в который перечислили больше \$30 млн. В создании этого благотворительного фонда участвовали компании «Евразхолдинг», «Сибнефть», группа «Альфа», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», ТНК-ВР, «Русский алюминий», АФК «Система», Банкирский дом «Санкт-Петербург», группа «Интеррос». Эксперты считают, что, помогая спортсменам, бизнесмены выполняют функцию государства. Так, по мнению политолога и замгендиректора Центра политических технологий Алексея Макаркина, не все виды спорта могут рассчитывать на добровольную спонсорскую поддержку. Если, например, популярнейший спорт футбол в пиар-кампании не нуждается, то пожертвовать деньги на легкую атлетику могут только ее фанаты, которых намного меньше.

В 2005 г. химический магнат, глава холдинга Fedcominvest (холдинг торгует минеральными удобрениями, имеет годовой оборот \$2 млрд, его структуры владеют долями в «Динамо» и футбольном клубе «Ростов») Алексей Федорычев подписал с председателем Олимпийского комитета России Леонидом Тягачевым договор, по которому в

течение 2006–2014 гг. ОКР получит крупнейшую для российских олимпийцев сумму – \$110 млн.

Срок договора таков: он начал действовать после Олимпийских игр в Турине и закончится одновременно с играми 2014 г. По словам Леонида Тягачева, перед каждой Олимпиадой ОКР приходилось искать деньги на подготовку спортсменов. К зимней Олимпиаде в Турине удалось собрать свыше \$10 млн. Теперь средства, полученные от холдинга Федорычева, будут распределяться между федерациями разных видов спорта. В частности, на эти деньги ОКР построит в Красной Поляне центр зимних видов спорта. В обмен на деньги спонсор получает право быть «официальным спонсором» тех или иных мероприятий во время Олимпиады.

Сочи перед стартом. Сочи вызвался стать принимающим городом для зимних Олимпийских игр уже во второй раз – впервые город подавал заявку в 1994 г., но тогда МОК выбрал норвежский Лиллехаммер. Теперь у Сочи появилась новая миссия, по масштабу не только региональная, но и государственная. От Сочи в какой-то степени зависит, станет ли Россия во второй раз за всю свою историю хозяйкой Игр.

Два фактора, которые могут помочь Сочи выиграть, – это его уникальная природа, сочетающая горный ландшафт и субтропическое побережье, и его будущие спортивные сооружения, которые специально для Игр будут построены по самым современным требованиям, говорится в программе заявочного комитета. Сейчас разрабатывается федеральная целевая программа поддержки Сочи. За Игры проголосовало 84% населения города. В результате после Олимпиады Сочи ожидает, что станет круглогодичным горно-климатическим курортом мирового уровня, увеличит поток туристов в регион до 6 млн человек в год. Российские спортсмены наконец будут обеспечены современной тренировочной базой, так как здесь появятся все условия для тренировок. В России в конце концов будет место, где можно будет проводить национальные и международные со-

ревнования по зимним видам спорта. Кроме того, Сочи надеется положить начало развитию всего юга России, повысить инвестиционную привлекательность этого края. Престиж России после проведения Олимпиады, несомненно, вырастет.

После поездки в Турин на зимние Игры-2006, куда отправились за опытом организаторы сочинской Олимпиады, заявка Сочи поднялась в рейтингах некоторых международных олимпийских изданий на 2-3-е места. Так, в таблице городов-претендентов в *Around the Rings* Сочи стоит на 3-м месте, 1-е занимает Зальцбург, 2-е – Пьенчанг, а на 4-м – Алма-Ата. В рейтинге *GamesBids.com* Сочи находится на 2-м месте после Зальцбурга, а далее следуют Пьенчанг и Хака.

Если быть точными, то Сочи – кандидат на проведение XXII зимних Олимпийских и XI Параолимпийских игр 2014 г. (соревнований среди спортсменов-инвалидов). Как рассказал мэр г. Сочи Виктор Колодяжный, на одной из недавних пресс-конференций на тему подготовки к соревнованиям развитие Сочи как горно-климатического курорта является федеральной программой. Государственная программа стоит 320 млрд руб. В январе 2007 г. в городе проведены торги и выделены земельные участки под строительство основных объектов олимпийской инфраструктуры. В январе же завершена разработка проектной документации. На строящуюся объездную дорогу с тоннелем в 3 км выделено 16 млрд руб. Трасса должна была быть завершена в 2008 г. 700 млн руб. выделено федеральным правительством для строительства дорог европейского типа. И еще 3 млрд руб. выделено на строительство и удлинение первой и второй взлетных полос сочинского аэропорта.

Известно, что г. Сочи находится на одной широте с Ниццей. Благодаря сочетанию горного ландшафта и моря создается особый микроклимат, который, в свою очередь, влияет на качество снежного покрова в горах, где и будут разворачиваться основные события Игр-2014. В заявочном комитете считают, что отклонение московской заявки на

Игры 2014 г. не нанесло репутации России какой-либо значительный урон в глазах экспертов МОК. Наоборот, вторая подряд попытка демонстрирует МОК всю серьезность желания россиян принять Игры. Кроме того, заявка Сочи, в отличие от московской, основывается на масштабной государственной инвестиционной программе.

Олимпийская концепция. Итак, заявка России базируется на федеральной целевой программе развития г. Сочи как горно-климатического курорта до 2014 г. В результате Сочи и окрестности сильно изменятся. Пока в Сочи нет ни одного олимпийского спортивного объекта. С другой стороны, все сооружения, которые появятся, будут самыми современными.

Как рассказали в заявочном комитете, основным местом событий зимних Игр в 2014 г. станет Красная Поляна и ее окрестности. После ее усовершенствования и после проведения Игр ожидается, что туристско-горнолыжников здесь станет еще больше.

По концепции спортивные сооружения для Игр и вся сопутствующая инфраструктура расположатся на большой территории: между Имеретинской долиной, г. Сочи и Красной Поляной, включая прилегающие к ней поселки. Всего к 2014 г. должно быть построено 11 спортивных объектов общей вместимостью 200 000 зрительских мест. В Имеретинской долине, недалеко от аэропорта, будут построены главный пресс-центр с телевещательным центром, а неподалеку – Олимпийская деревня, там же будет стадион для керлинга, Ледовый дворец для фигурного катания, Большая и Малая ледовые арены для хоккея с шайбой. На пути от долины к г. Сочи планируются конькобежный стадион и еще одна ледовая арена для хоккея. В г. Сочи расположится Центральный стадион на 40 000 сидячих мест (\$76,1 млн). В горах, где развернутся основные спортивные действия, в районе хребта Псехако, планируется построить горнолыжный спуск, фристайл-центр (\$15,2 млн) и биатлонный комплекс (\$9,1 млн). Рядом с Грушевой Поляной расположится комплекс лыжных трамплинов

(\$40,2 млн). Между местечками Роза Хутор и Альпика Сервис будет построен ряд новых сооружений: санно-бобслейная трасса (\$71 млн), два горнолыжных комплекса (\$100,6 млн), сноуборд-центр (\$15,2 млн) комплекс для беговых лыж (\$6,1 млн). В местности, что между Альпика Сервис, Роза Хутор, Эсто Садов и Грушевой Поляной, возведут Олимпийскую деревню.

Не все объекты из входящих в концепцию будут построены обязательно. Но, например, Центральный стадион с гостиницей и медико-восстановительным центром до 2009 г. возведут независимо от того, станет ли Сочи принимать Игры. После соревнований он будет использоваться и как медико-восстановительный центр. Также почти все объекты инженерной инфраструктуры будут построены в любом случае.

Спортобъекты появятся и в других ближайших городах. В центре Адлера построят конькобежный центр на 8000 сидячих мест, в Кудепсте – малую ледовую арену для хоккея с шайбой.

Очередь на заявку. В заявочную книгу, которую организаторы Игр предъявят МОК, хотят попасть многие государственные и частные компании, владеющие теми или иными стратегическими и социально полезными объектами. Как официально сообщил совет Краснодарского края по морской деятельности, сочинский морской порт необходимо реконструировать, на что требуется 10 млрд руб. Администрация края тоже считает, что данный проект должен повысить привлекательность курортного города.

В настоящий момент мощности порта таковы, что не могут принимать одновременно более одного крупного пассажирского теплохода. Из 15 существующих причалов только три используются для приема крупных пассажирских судов. Еще семь причалов предназначены для малых пассажирских судов местного сообщения, прогулочных катеров и спортивных яхт. Существует также версия, что без модернизированного порта Сочи не может претендовать на Игры в 2014 г.

Правительство РФ и власти края пошли

еще дальше. Они собираются выставить на продажу аэропорт Сочи. Его покупка может стать очень прибыльной инвестицией. Сейчас аэропорт Сочи входит в десятку крупнейших российских аэропортов. В 2009 г. он обслужил 1,2 млн пассажиров.

Примерно за полгода, по информации, предоставленной Министерством экономического развития, предприятие будет акционировано. Аэропорт будет продан стратегическим инвесторам, торги могут пройти в конце этого – начале следующего года. Аэропорту для расширения и модернизации требуются надежные частные владельцы-инвесторы – пока даже здание терминала не достроено.

Пристанища для болельщиков. Только новых гостиниц, как сообщил мэр Сочи Колодяжный, на которые придется основной удар, когда все желающие поедут на Олимпиаду, запланировано построить в общей сложности на 29 000 номеров. Из них 5-звездочные отели составят 2000 номеров, 4-звездочные – 7000, 3-звездочные – около 20 000.

Для этого компании «Юмако» поручено разработать «Градостроительную инвестиционную концепцию размещения, проектирования, строительства и эксплуатации объектов гостиничной инфраструктуры на территории Большого Сочи». Концепция привлечет в индустрию гостеприимства Сочи около \$1 млрд. На прибрежной территории Большого Сочи, включая Красную Поляну, планируется возвести более 50 объектов.

Многие отели хотели бы принимать гостей в 2014 г. Но в заявочную книгу попадут только те, кто пройдет сертификацию, отметил Роман Накашидзе, менеджер по связям с общественностью «Юмако».

Одно из требований МОК к городу-претенденту заключается в том, что отели должны соответствовать целому ряду условий. В частности, в них должны быть приемлемые цены. Например, Лондону, которого МОК избрал городом – хозяином Олимпиады 2012 г., помогло именно то, что в нем много недорогих отелей. Доля дешевого сек-

тора составляет 13% от общего количества гостиничных номеров, по данным Британской ассоциации гостеприимства.

Расположение объектов в лучших курортных городах – Сочи, Анапе и Геленджике, высокий уровень архитектурных решений, технологий строительства и постпродажного обслуживания сделали их настоящим эксклюзивом на российском рынке недвижимости. В условиях сформировавшегося, но еще не удовлетворенного спроса это привело к формированию цены на уровне или даже выше аналогичного предложения в Москве: от 1 до 16 тысяч долларов за квадратный метр. Но, несмотря на такой уровень цен, значительно превосходящий стоимость аналогичной недвижимости на европейских средиземноморских курортах, объемы строительства подобных объектов не сокращаются, а цены на них растут темпами, как минимум в 2,5 раза превосходящими инфляцию. Это свидетельствует об одном: рынок далек от насыщения, а платежеспособный спрос растет быстрее предложения.

Высокая ценовая значимость и ориентированность проектов курортной недвижимости на премиум-сегмент изначально были определены уникальным климатом морского побережья и «горячими» деньгами владельцев преимущественно сырьевого и банковского бизнесов. С одной стороны, хороший климат и в то же время не совсем качественный сервис черноморских курортов настраивали покупателя на приобретение собственного жилья на Юге. С другой стороны, такая покупка стала рассматриваться и как хороший вариант размещения инвестиций, дающий на сегодняшний день доходность, как минимум в 2,5-3 раза превосходящую инфляцию. И, в свою очередь, все укрепляющийся российский средний класс, перешагнувший за границу среднедушевых доходов в две тысячи долларов, уже начинает присматриваться к курортной недвижимости, а банки – готовить ипотечные схемы.

Рынок новостроек на Черноморском побережье развивается очень активно, и спрос все так же превышает предложение.

Наибольший интерес для девелоперов и покупателей представляют Сочи, Геленджик, Анапа и прилегающие к ним территории. Причем, по мнению специалистов компании «МАКОН Консалтинг», инвестиционной привлекательностью на побережье отличается не только жилая, но и гостиничная и развлекательная недвижимость. Если сравнивать «горячность» спроса именно на жилую недвижимость, пока большей популярностью пользуются элитные квартиры в строящихся домах, нежели коттеджи. Речь в данном случае идет не только об организованных поселках, но и о частных предложениях. Есть спрос и на менее известные населенные пункты, но чаще всего из-за более низкой рыночной стоимости объектов.

В Сочи, Геленджике и Туапсе строятся высотные дома и жилые комплексы как эконом-, так и премиум-класса. В качестве примеров элитного жилья можно назвать возводимый в Сочи комплекс «Александровский маяк», «Нега» и «Каскад» в Геленджике. В Сочи наибольшим спросом среди жилой недвижимости пользуется бизнес- и элит-класс. Элитные новостройки – это, как правило, 4-5-этажные дома, рассчитанные на 15-20 квартир. Однако в Сочи около половины строящихся жилых домов бизнес- и элит-класса – это 14-18-этажные постройки. По данным компании «МАКОН Консалтинг», в Туапсе квадратный метр в строящемся доме продается по 850-960 долларов, в Геленджике в новостройках эконом-класса – по 1 000 - 2 100 долларов, в элитном секторе – 1 300–2 050 долларов. В Сочи цены еще выше и уже приближаются к уровню московских. К примеру, стоимость квартиры в «Александровском маяке» колеблется от 2 800 до 9 000 долларов за метр. Если говорить об объектах бизнес- и элит-класса, то в этом сегменте цены варьируются от 29 000 до 290 000 рублей за квадратный метр. В среднем же цена на жилую недвижимость в Сочи составляет около 75 000 рублей за кв. м. Основные покупатели строящегося на побережье жилья – средний и верхний средний класс, преи-

мущественно это покупатели из Москвы, Санкт-Петербурга и ресурсодобывающих регионов страны.

Абсолютному большинству самих жителей курортных городов нынешние цены на недвижимость не по карману.

Учитывая тот факт, что Краснодарский край активно набирает обороты как национальный бизнес-центр, рынок недвижимости может и должен стать точкой роста, способной дать серьезный синергетический эффект для экономики региона. Причем география рынка будет включать не только го-

рода и поселки морского побережья и горных районов края, но и сам краевой центр.

И будет совершенно логично, что именно здесь круглогодично сосредоточен крупный бизнес, создана хорошая его инфраструктура, а климатические условия вполне сравнимы с таковыми на побережье. И существующий потенциал самого Краснодарского края необходимо рассматривать с точки зрения бизнес-туризма, который, как известно, считается локомотивом для поступательного развития территории.

В.В. Климачев

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ЦЕНТРОВ

В статье рассматриваются и обобщаются основные подходы к проблеме классификации международных финансовых центров (МФЦ), в частности, различные критерии, используемые в настоящее время при отнесении финансового центра к категории глобального, выявлена динамика изменения позиций ведущих МФЦ в международных рейтингах за последние годы. В свете новых данных ревизии подвергается традиционная точка зрения о «триаде» глобальных финансовых центров – Лондоне, Нью-Йорке и Токио – в силу обозначившейся в последние годы тенденции к дрейфованию последнего к категории финансовых центров регионального значения.

Ключевые слова: международный финансовый центр, финансовая глобализация, классификация международных финансовых центров, глобальные финансовые центры, региональные финансовые центры, офшорные финансовые центры.

V.V. Klimachev

MODERN APPROACHES TO CLASSIFICATION OF INTERNATIONAL FINANCIAL CENTRES

The article considers and summarizes the major approaches to the problem of classification of international financial centers including various criteria used for defining a financial centre as a global one, reveals the dynamics of changes in positions of leading international financial centers in international ratings over the recent years. In the light of new facts the article revises the traditional view on the “triad” of global financial centers – London, New York, Tokyo – owing to the recent tendency of drifting of the latter to the group of regional financial centers.

Key words: international financial centers, financial globalization, classification of international financial centers, global financial centers, regional financial centers, offshore financial centers.

С развитием международных экономических отношений, глобальной конкурентной борьбы за источники сырья, рынки сбыта выгодные инвестиции финансовые потоки перетекают из одной страны в другую, теряя национальный характер и обнажая свою космополитическую природу. Национальные валютные, кредитные, финансовые рынки, сохраняя относительную самостоятельность, тесно переплетаются с аналогичными мировыми рынками, которые дополняют и диверсифицируют их деятельность и связаны с внутренней экономикой и денежно-кредитной системой. В результате быстрого роста, больших возможностей и мобильности мировые валютные, кредитные и финансовые рынки, важнейшие из которых базируются в финансовых центрах, превратились в важные звенья международной финансовой экономики.

В процессе экономической глобализации наблюдается активный процесс консолидации финансового капитала, слияния финансовых учреждений, формирования финансовых конгломератов, образование новых, расширение и модификация деятельности традиционных международных финансовых рынков.

Основой консолидации мировых финансовых рынков является глобализация производственного процесса, т.е. ситуация, когда внутренний, национальный рынок предприятия-резидента теряет для него своё первостепенное значение и предприниматель все больше ориентируется не на собственную страну, рассматривая весь мир как единый глобальный рынок. В результате возникает глобальный жизненный цикл продукта, рынки и продукты все больше стандартизируются. Для оценки рыночной эффективности все больше используются международные критерии и оценки, которые в основном имеют финансовое выражение.

В ряду финансовых инструментов, механизмов, институтов особую роль играют международные комплексы, которые интегрируют в себе основные признаки, харак-

тер и свойства финансовой инфраструктуры и особенности ее жизнеобеспечения. Это – международные финансовые центры (МФЦ). Наиболее обобщенная характеристика современных МФЦ определяет эти центры как интеграторы тех международно-ориентированных финансовых и бизнес-услуг, которые являются критически важными для управления глобальной экономикой [Sassen 1999: 75–87]. В этих центрах осуществляются ее распорядительные функции. Они являются также и производственными площадками для ведущих фирм, предлагающих финансовые и бизнес-услуги, равно как и транснациональными рынками, где фирмы и правительства могут покупать финансовые инструменты и специализированные услуги. В их структуру, наряду с банками и другими финансовыми институтами, разного рода фондами, входят валютные, фондовые и иные биржи, а также крупнейшие научно-исследовательские и консалтинговые фирмы, предоставляющие юридические, аудиторские, информационные, маркетинговые и другие услуги.

Глобализация двояко сказывается на финансовом секторе экономики. С одной стороны, она способствует развитию инфокоммуникационных технологий в нем, а с другой стороны, внедрение этих технологий ведет к обострению конкуренции и к снижению маржи на стандартизованные финансовые продукты и понижает доходность традиционных финансовых сделок. В условиях глобализации существует необходимость постоянно защищать и контролировать локальные информационные и операционные преимущества, имеющиеся у того или иного финансового центра. Все это сказывается на значении международных финансовых центров (МФЦ), поскольку осуществляемый контроль, связанный с определением их соответствия современным требованиям, ведет к рыночной делокализации отдельных отраслей промышленности.

В глобальной финансовой системе функционируют многообразные международные финансовые центры. При наличии многих

схожих черт между ними существуют и заметные различия. Одни из них действуют уже порядка двух столетий, другие оформились как полноценные МФЦ в 50-60-е гг. XX века, третьи возникли в последние 20-30 лет, наконец, появились и совсем молодые, развивающиеся национальные финансовые центры с тенденцией их перерастания в международные [Авдокушин, Климачев 2008]. Такая ситуация требует выработки определенной типологии, ранжировки существующих МФЦ, классификации их по тем или иным критериям, для выяснения характерных сходных черт в их становлении и развитии и возможного использования эффективных элементов механизмов этих процессов в разработке концепции и практике создания российского МФЦ.

В конце XX века, по мере возрастания зрелости финансовой экономики, нарастало количество научных работ, посвященных ее анализу, в которых была представлена та или иная классификация МФЦ. Так, одним из подходов к ранжировке МФЦ стал критерий мировых городов (мегаполисов), в соответствии с которым ведущие МФЦ возникли и развивались в рамках мировых городов [Ворота в глобальную экономику 2001].

Глобальный (мировой) город интегрирует процесс, посредством которого отдельные центры производства и потребления развитых услуг связываются в глобальные сети на основе информационных потоков. Именно в этих городах протекает основная экономическая жизнь: финансовая, торговая, деловая, оказывающая влияние на все экономические процессы. Глобальные (мировые) города выступают как общемировые центры, возложившие на себя функции центров управления и контроля над общим экономическим порядком в мире посредством регулирования деятельности на мировых финансовых рынках.

В рамках данного подхода в значительной мере преобладал экономико-географический подход, подразделявший МФЦ по глобально-региональному признаку. Так, на основе подробного анализа размещения главных штаб-

квартир ТНК, их отраслевых и региональных офисов английский географ Н. Трифт выделял глобальные, зональные и региональные центры [Thrift 1989] (см. таблицу 1).

Таблица 1. Ранжировка МФЦ по глобально-региональному признаку

Глобальные центры	Зональные центры	Региональные центры
Нью-Йорк	Сингапур	Сидней
Лондон	Париж	Чикаго
Токио	Гонконг	Сан-Франциско
	Лос-Анджелес	Даллас
	Цюрих	Кейптаун
	Женева	Майами
		Сан-Паулу
		Гонолулу
		Шанхай

Принимая в целом такой подход, следует подчеркнуть, что он требует и существенного уточнения. Мировые или глобальные финансовые центры включаются в классификацию в основном по экономическому признаку, т.е. в соответствии с экономической мощностью страны, на территории которой он находится. И первый международный финансовый центр – Амстердам, – будучи мировой финансовой столицей XVII века, базировался на торговой гегемонии Нидерландов в тогдашнем мире, и нынешние, ведущие мировые финансовые центры – Лондон, Нью-Йорк, Токио – опираются на лидирующие позиции в мировой экономике стран, которые они представляют. И возможное ослабление позиций этих МФЦ в ближайшем будущем будет, видимо, связано с растущей мощностью новых мировых лидеров и, прежде всего, Китая, который осознает, что без достижения финансового лидерства ему не достичь устойчивых позиций в международной конкурентоспособности.

Что касается зональных и региональных центров, то практически все они формируются по географическому принципу, с определенной спецификой специализации. В ряде случаев специализация МФЦ преоб-

ладает над географическим подходом к их ранжировке.

В этой связи выделяется еще один принцип классификации, используемый в научных исследованиях, посвященных рассматриваемой проблематике, который основывается на специализации финансовых центров. Так, в Западной Европе Лондон известен, прежде всего, рынками евровалютных операций, фондовых ценностей, золота, фьючерсных сделок. МФЦ Франкфурта-на-Майне, в отличие от англо-саксонской модели, базируется на более тесной взаимосвязи финансового сектора и реальной экономики. Deutsche Boerse имеет уникальный клиринговый дом (Eurex Clearing) и расчетно-депозитарные палаты Clearstream, которые даже в условиях кризиса позволяют сократить до минимума операционные риски и при этом гарантировать 100%-ную надежность расчетов, что очень важно для клиентов.

Швейцария, если ее города рассматривать как единое целое финансового центра, является мировым лидером в области частных банковских услуг и смежных направлений финансовой деятельности, в том числе предложение финансовых имущественных вложений, предоставление кредитов, облегчение системы расчетов. Опыт Швейцарии показывает, что не обязательно увязывать финансовый центр с инфраструктурой конкретного города. Swiss Financial Center Watch дает расширительную трактовку финансового центра на примере своей страны. «Швейцарский финансовый центр – это инновационная система добавленной стоимости, расположенная на различных территориально структурированных центрах, где действуют институциональные соглашения финансовой системы. Женева, Лугано, Цюрих как международные структурированные финансовые центры образуют полицентрическую сеть, предоставляющую финансовые и связанные с ними услуги. Статус финансового центра зависит от качества знаний и человеческого капитала, технологической инфраструктуры и связей между различными финансовыми учреждениями» [The Swiss

Financial Center and a Value Added System 2008: 21].

Хороший пример специализации МФЦ демонстрирует Австрия. Эта страна согласилась на использование существенной части своей банковской системы иностранцам (продажа Bank Austria-Creditanstalt немецкому НВВ), оговорив при этом для Вены статус банковского центра (хаба) для всей Восточной Европы, что предполагает размещение в ней основных и штабных функций банка. Этот статус удалось сохранить и при последующей покупке НВВ итальянским Unicredit. В настоящее время Вена остается банковским центром для всего региона.

Ряд финансовых центров за пределами Европы также имеют свою специализацию. Так, в Азии Сингапур – фондовый интегратор региона, азиатский аналог рынка евро-долларов, Гонконг (Сянган) – центр международного синдицированного кредитования. В Америке – Нью-Йорк является штаб-квартирой большинства инвестиционных банков, занимающихся операциями слияния и поглощения. Ряд финансовых центров специализируется на определенных направлениях финансовой деятельности. Так, на Чикагской бирже в течение длительного периода приходилось более половины мирового рынка фьючерсных и опционных сделок.

Классифицируя МФЦ, зарубежные и российские исследователи единодушны в том, что глобальные, мировые финансовые центры – это ведущие центры, так сказать, центры первого уровня, зональные и региональные – МФЦ второго и третьего уровня (с общеэкономической, географической точки зрения, с точки зрения глобальности, финансовой позиции, например, по капитализации торгуемых на рынках этих стран акций).

В соответствии с индексом, рассчитываемым ежегодно властями Лондона при помощи компании Z/Yen Group, семейство финансовых центров включает в себя глобальные, международные, диверсифицированные, специализированные (нишевые), локальные и формирующиеся центры.

Таблица 2. Классификация финансовых центров

	Диверсифицированные	Относительно диверсифицированные	Относительно специализированные	Формирующиеся
Глобальные	<i>Глобальные лидеры:</i> Лондон Нью-Йорк Гонконг Сингапур Чикаго Цюрих Торонто Франкфурт	<i>Глобальные диверсифицированные:</i> Сан-Франциско Париж	<i>Глобальные специализированные:</i> Женева Люксембург	<i>Претендующие на статус глобальных:</i> Шанхай Дубай Пекин Москва
Международные	<i>Международные лидеры:</i> Токио Сидней Бостон Ванкувер Мельбурн Эдинбург Стокгольм	<i>Международные диверсифицированные:</i> Монреаль Сеул Дублин Мюнхен Амстердам Копенгаген Вена Мадрид Милан	<i>Международные специализированные:</i> Шензен Джерси Тайпей Гернси Остров Мэн Каймановы острова Британские Виргинские острова Бахрейн Гибралтар	<i>Претендующие на статус международных:</i> Куала-Лумпур Мумбаи Бангкок
Локальные	<i>Локальные лидеры:</i> Вашингтон (D.C.) Йоханнесбург	<i>Локальные диверсифицированные:</i> Осака Брюссель Сан-Паулу Осло Хельсинки Мехико Лиссабон Варшава Афины	<i>Локальные специализированные:</i> Катар Веллингтон Монако Рио-де-Жанейро Мальта Багамы Маврикий Буэнос-Айрес Джакарта Манила	<i>Возникающие локальные:</i> Рим Глазго Прага Эр-Рияд Санкт-Петербург Таллин Будапешт Стамбул Рейкьявик

Источник: The City of London Corp. and Z/Yen Group, 2010. March.

Разные авторы имеют отличные друг от друга точки зрения на отнесение того или иного финансового центра к категории глобального. Так, большинство (и, на наш взгляд, по определенной научной инерции) к глобальным относят три центра – Нью-

Йорк, Лондон, Токио. По мнению директора фонда «Центр развития фондового рынка» Ю. Данилова, в мире сформировалось пять таких центров: Нью-Йорк, Лондон, Токио, Франкфурт, Париж [Эксперт 2008: 46]. Разработчики Индекса глобальных финансовых

центров (GFCI) Корпорации Лондонского Сити называют только два глобальных центра – Лондон и Нью-Йорк. Следует, видимо, согласиться с классификацией, предложенной специалистами из Лондона, поскольку и по числу компаний, акции которых допущены к торговле на бирже, и, в особенности, по

числу иностранных компаний, и по объемам торгов акциями Нью-Йорк и Лондон «вперед планеты всей». Есть некоторые более высокие показатели у Испании и Японии, но они как раз не влияют на аргументацию в пользу глобальных финансовых центров (см. таблицу 3).

Таблица 3.

МФЦ: основные характеристики (на 2008 г.)

Финансовый центр	Число компаний, акции которых допущены к торговле		Капитализация (млрд. долл.)	Объем торговли акциями (млрд. долл.)
	всего	иностранные		
Глобальные финансовые центры				
США (NYSE)	2 297	421	15 651	29 910
Великобритания	3 307	719	3 852	10 334
Япония	2 414	25	4 331	6 476
Euronext*	1 155	225	4 223	5 640
Германия	866	105	2 105	4 325
Прочие международные финансовые центры				
Испания	3 537	39	1 800	2 970
Гонконг	1 241	9	2 654	2 137
Швейцария	341	84	1 271	1 886
ОМХ**	851	26	1 243	1 865
ЮАР	411	37	828	424
Мексика	367	242	398	145
Формирующиеся финансовые центры				
Италия	307	6	1 073	2 313
Южная Корея	1 757	2	1 123	2 006
Канада	3 951	70	2 187	1 635
Австралия	1 998	85	1 298	1 372
Тайвань	703	5	664	1 010
Бразилия	404	9	1 370	598
Сингапур	762	290	539	381
Прочие страны с крупными развивающимися рынками				
Китай	860	0	3 694	4 069
Россия	404	0	1 341	1 230
Индия	4 887	0	1 660	751
Страны, стремящиеся к превращению в финансовый центр				
Польша	375	23	212	88
Казахстан	67	1	41	9

*Объединяет рынки Франции, Нидерландов, Бельгии, Португалии.

**Объединяет рынки Швеции, Финляндии, Дании, Исландии, Латвии, Литвы, Эстонии.

Источники: ЦРФР, Всемирная федерация бирж.

В подтверждение выводов о двух реальных глобальных финансовых центрах в мире свидетельствуют данные очередного рейтинга The City of London Corporation 10 крупнейших финансовых центров мира (сентябрь 2009 г.). Лондон продолжает опережать конкурентов по всем показателям – управлению активами, отношениям с властями и регулирующими органами, страховым и профессиональным услугам. Нью-Йорк обогнал британскую столицу только по банковским услугам, во всех остальных секторах разместившись на втором месте.

Среди региональных финансовых центров выделяются т.н. новые финансовые центры. Критерий их выделения определяется ростом экономической мощи стран, которые они представляют. Это, прежде всего, страны группы BRIC – Китай, Индия, Бразилия, а также финансовые центры стран Персид-

ского залива (Бахрейн, Дубай), демонстрирующие в последнее десятилетие заметную активность и амбициозные планы по превращению в международные финансовые центры глобального уровня. Особое место среди финансовых центров занимают азиатские МФЦ (5 из 11 в рейтинге The City of London Corp.), среди которых четыре представляют «новые МФЦ». При этом, согласно данным рейтинга, если показатели двух глобальных финансовых центров практически не изменились в течение 2009-2010 г., то Гонконг и Сингапур улучшили свои позиции на 40% [РБК-daily 2009], значительно сократив отставание от западных лидеров. В азиатском регионе лидером стал Китай, представленный в рейтинге топ-11 тремя финансовыми центрами (см. таблицу 4).

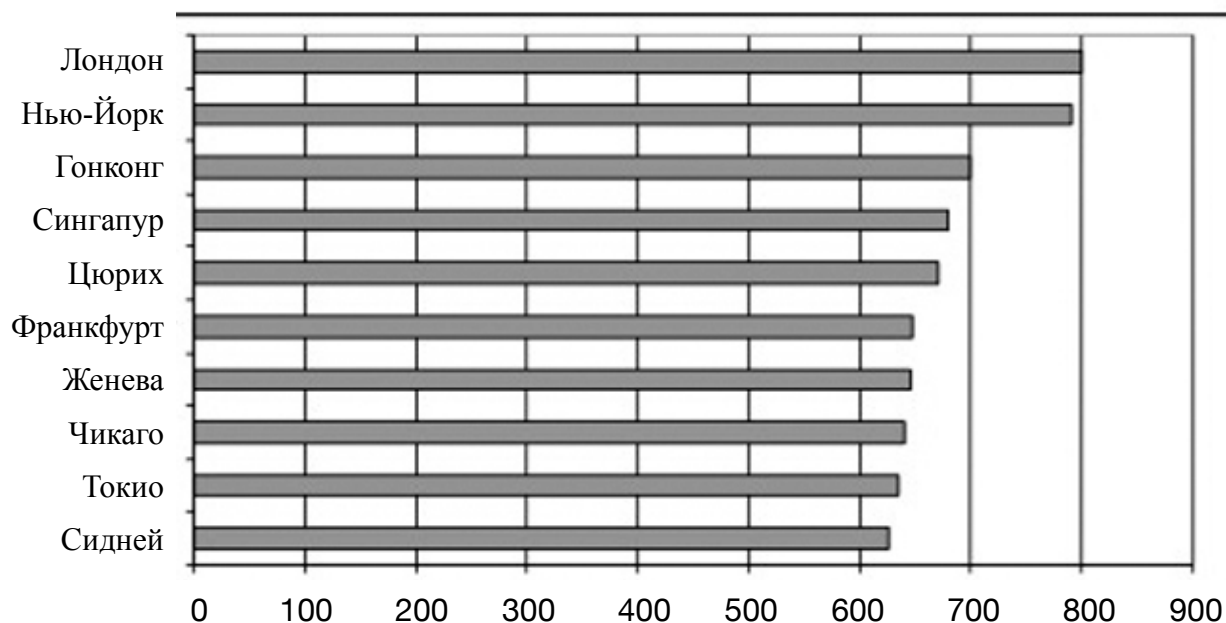
Таблица 4.

Индекс крупнейших мировых финансовых центров, топ-11

Финансовый центр	Место в рейтинге в марте 2010 г.	Индекс в пунктах	Изменение индекса в пунктах
Лондон	=1	775	-15
Нью-Йорк	=1	775	1
Гонконг	3	739	10
Сингапур	4	733	14
Токио	5	692	18
Чикаго	6	678	17
Цюрих	7	677	1
Женева	8	671	11
Шэнчжэнь	=9	670	-25
Сидней	=9	670	19
Шанхай	11	668	13

Источник: The City of London Corp. and Z/Yen Group, 2010. March.

Рис. 1. Рейтинг ведущих финансовых центров в 2007 г.

Источник: The Global Financial Centres Index. London. Z/Yen Group. 2008. March.

Если сравнить рейтинг и индекс (колонка «Место в рейтинге») топ-10 2007 г. и 2009 г., то окажется, что из последнего списка исчезли два лидера из числа развитых стран, которые были замещены китайскими центрами.

Быстрый рост азиатских городов в рейтинге его составители объясняют тем, что регион намного меньше пострадал от экономического кризиса. Присутствует здесь также и статистический момент: в данном рейтинге увеличилось число респондентов из Азии.

Особое положение в ранжировке МФЦ занимают офшорные финансовые центры. Ряд офшорных центров уже превратился в МФЦ. В их числе Панама, Бермудские, Багамские, Каймановы, Антильские и некоторые другие острова. Появление офшорных финансовых центров (ОФЦ) на периферии мирового хозяйства обусловлено во многом низкими налоговыми и операционными расходами, незначительным государственным вмешательством и либеральным валютным законодательством. Важную роль в использовании ОФЦ играет, конечно, процесс глобализации, который фактически ликвидирует фактор пространства между центром и периферией, прежде

всего, в силу новейших информационно-коммуникационных технологий. Говоря о современном понимании отличия финансового центра от финансовой периферии, следует иметь в виду разницу в объеме создаваемой в финансовой отрасли добавленной стоимости: в финансовом центре он максимален.

ОФЦ имеют свою достаточно разветвленную классификацию. Как и МФЦ, их подразделяют по географическому принципу и принципу специализации. Более специфичной является классификация офшоров по типу их законодательных систем. По этому критерию офшоры подразделяются на три группы:

- офшоры, чье законодательство базируется на англо-саксонской системе права, т.е. большинство ОФЦ;

- офшоры, законодательство которых основано на континентальном (франко-германском) праве: Венгрия, Люксембург, Лихтенштейн, Нидерланды, Швейцария, «внутренние офшоры» России и др.;

- офшоры, чье законодательство основано на американской правовой системе (модель штата США Делавэр, Либерия, Панама и др.).

Существует классификация по принадлежности ОФЦ к развитым или развивающимся странам.

Как правило, ОФЦ в развитых странах – это уважаемые офшорные юрисдикции, зарекомендовавшие себя в этом статусе на протяжении многих десятилетий. Эти ОФЦ предоставляют высококачественные и сравнительно дорогие офшорные услуги, соблюдая при этом и достаточно строгий контроль над офшорными компаниями. В развивающихся странах имеются как офшоры со сравнительно давней историей существования (ОФЦ Карибского бассейна, Кипр, Бахрейн), так и достаточно молодые ОФЦ бассейна Индийского океана, некоторые центры Тихоокеанского бассейна. Эти новые ОФЦ отличаются большой либеральностью хозяйственного режима и меньшей стоимостью предоставляемых услуг по сравнению с европейскими ОФЦ, но сильно проигрывают им в уважительности имиджа.

Оценивая этот вид классификации ОФЦ, следует учитывать высокую скорость происходящих изменений в мировой экономике. Так, достижение более высокого уровня развития страны, где действует офшорный режим, способствует перемещению того или иного ОФЦ из мира развивающихся стран в мир новых индустриальных и даже развитых стран. Нарботанный опыт, универсализация услуг и в целом улучшение делового имиджа постепенно перемещают ряд центров из категории периферийных в категорию молодых, но авторитетных ОФЦ, а их место занимают вновь образованные офшоры.

Существуют и другие классификации юрисдикций с налоговыми льготами, например, по специфике их налоговых режимов. Так, в монографии российского исследователя Д.Л. Ушакова выделены шесть типов ОФЦ в зависимости от уровня налогообложения и видов налоговых льгот [Ушаков 2002]. Как отмечает Н.В. Смородинская, «на практике ОФЦ отнюдь не отделены китайской стеной от других разновидностей территорий с льготным налогообложением, а, наоборот, функционально встроены в их мировую сеть, и именно в таком совокупном формате влияют на мировые финансы» [Материалы заседания сектора (центра) полюсов роста и

ОЭЗ Института экономики РАН 2008].

Известно, что ОФЦ имеют устоявшиеся отношения с финансовыми центрами развитых стран. Так, например «налоговые гавани» привлекают капиталы, которые потом реинвестируются на основных рынках. Средства из многочисленных Карибских офшоров в итоге оказываются на фондовом рынке Нью-Йорка, а из Нормандских островов и Мэна – в лондонском Сити. Неудивительно, что известный французский экономист Жак Аттали назвал «главным настоящим офшором в мире Лондон» [Эксперт 2009]. Без такого рода источников финансирования ломается формировавшийся десятилетиями механизм работы ведущих финансовых центров. Именно по этой причине ОФЦ, несмотря на кампанию по их дискредитации и требованиям запрета (составлены «черные списки» офшоров по результатам встречи «двадцатки» в Лондоне в апреле 2009 г.), офшоры сохраняются, хотя правила их функционирования в ближайшие годы могут серьезно измениться.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что классификация МФЦ (ОФЦ) основывается на применении многообразных принципов, критериев, подходов. Многообразии подходов предполагает многофакторность и многовекторность функционирования МФЦ, тем более в условиях все более глобализирующейся мировой финансовой экономики. Классификация МФЦ не означает их статичности в той или иной ранжировке. За исключением, пожалуй, трех ведущих мировых (глобальных) МФЦ (Нью-Йорк, Лондон, Токио), остальные зональные, региональные и национальные финансовые центры находятся в подвижном состоянии, определяемом набором как национальных социально-экономических, так и геоэкономических факторов. Можно констатировать, что в отношении региональных финансовых центров наметилась достаточно устойчивая тенденция, свидетельствующая о том, что правительства

тех стран, где расположены эти центры, предпринимают существенные усилия по превращению их в международные финансовые центры, с дальнейшими планами их всесторонней глобализации. Даже МФЦ развитых стран, занимающие устой-

чивые позиции в глобальной финансовой системе, также стремятся продвинуться на позиции грандов-МФЦ, занять их место в мировой иерархии этих институтов, например, Франкфурт-на-Майне, конкурирующий с Лондоном по ряду позиций.

Литература

Авдокушин Е.Ф., Климачев В.В. Некоторые черты и особенности функционирования международных финансовых центров (МФЦ) // Вестник ИМСИТ. – 2008. – №12.

Ворота в глобальную экономику / под ред. О. Андерсен, Д. Андерсен. Пер. с англ. под ред. В.М. Сергеева. – М.: Фазис, 2001.

Материалы заседания сектора (центра) полюсов роста и ОЭЗ Института экономики РАН 28.02.2008 г. – М., 2008.

Мир после Лондона // Эксперт. 2009. – №13.

Ушаков Д.Л. Офшорные зоны в практике российских налогоплательщиков. – М.: Юристъ, 2002.

РБК-daily. 2009, 25 сентября.

Эксперт. 2008. – №21.

Cassis Y. Capitals of Capital. A History of International Financial Centres 1780–2005. Cambridge, Cambridge University Press, 2007.

Sassen S. Global Financial Centres // Foreign Affairs. 1999, Jan-Feb 78 (1).

The Global Financial Centres Index. London, Z/Yen Group, 2010. March.

The Swiss Financial Center and a Value Added System 2007. Monitoring Report of Swiss Financial Center Watch 2008, March.

Thrift N. The Geography of Institutional Economic Disorder // A World in Crisis? Geographical Perspectives. Oxford, 1989.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Е.Г. Свинчукова

**ЖАБИН Д.В. ПРИЗНАКИ РЕЧИ В СИТУАЦИИ
СТРЕССА / МОНОГРАФИЯ. – ВОРОНЕЖ:
ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА, 2008. – 158 с.**

Монография посвящена теоретическим и практическим особенностям речи человека в состоянии стресса. Приведены результаты большого числа экспериментов и наблюдений.

Ключевые слова: речь моделей, стрессовые ситуации, фонетика, интонация

E.G. Svinchukova

**ZHABIN D.V. PECULARITIES OF SPEECH IN
STRESSFUL SITUATIONS / MONOGRAPH –
VORONEZH. PUBLISHING HOUSE OF VORONEZH
STATE UNIVERSITY, 2008. –158 p.**

The monograph is devoted to theoretical and practical peculiarities of speech of a person under stress. The results of a great number of experiments and observations are given.

Key words: speech patterns, stressful situation, phonetics, intonation

Данная монография представляет собой исследование, предметом которого являются признаки устной спонтанной речи человека в ситуации стресса. Выводы, которые делаются автором на основе экспериментальных данных о средних показателях формальных признаков речи наивных носителей русского языка, позволяют установить формальные признаки говорящих, относящихся к разным типам психической акцентуации личности.

Данная книга является результатом проведения естественного эксперимента в условиях судебных заседаний по слушанию уголовных дел. Оценивается речь подозреваемых, пострадавших и свидетелей с применением метода аудитивного анализа.

Монография состоит из предисловия, теоретической главы «Критерии психолингвистического описания речи в зависимости от эмоционального состояния говорящего», практической главы «Экспериментальное исследование формальных признаков спонтанной речи говорящего в ситуации стресса», заключения, списка сокращений и литературы.

Одна из целей научного исследования – проследить за изменениями формальных признаков речи на уровне ритма и темпа как индикаторов степени напряженности состояния говорящего. Для этого выделяются и подробно рассматриваются такие средства маркировки указанного стрессового состояния при производстве спонтанной речи, как паузы, темп речи, ритм, ошибки и оговорки.

Приводятся лингвистические объяснения влияния аффектов и эмоций на языковую сторону речи: фонетическую (интонацию, ритм, темп, тембр, фразовые ударения, паузы), лексическую (подбор

слов), грамматическую (эллипсисы, деграмматикализованные формы высказывания), семантическую (модальность).

Для проведения исследования учитывались данные судебно-психиатрической экспертизы обвиняемых и составлялся психический статус испытуемого по схеме, разработанной врачом-психиатром и включающей 29 пунктов.

В исследовании спонтанной звучащей речи были использованы следующие методы: ознакомление с материалами следствия и данными судебно-психиатрической экспертизы для выявления наличия (отсутствия) психической патологии испытуемых; наблюдение за испытуемыми во время допроса судьей, прокурором и адвокатом (мимика, жесты, экспрессивная сторона речи); изучение и составление вместе с врачом-психиатром психического статуса испытуемого; анализ и определение психической акцентуации личности; аудитивный психолингвистический анализ высказываний испытуемых; статистическая обработка полученных результатов.

В заключении приводятся основные выводы по результатам проведенного исследования и дается общая характеристика эмоциональной речи в ситуации стресса, которые могут быть использованы для характеристики эмоционального состояния говорящего в различных экстралингвистических ситуациях.

Таким образом, благодаря описанным формальным показателям устной речи в ситуации стресса, данные указанной монографии могут быть использованы в таких сферах, как общая и судебная психиатрия, психология, лингвистическая прагматика, психолингвистика, общая и частная фонетика, стилистика, риторика. Сделанные выводы имеют как теоретическое, так и самое широкое практическое значение.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Конференция

«Полифония большого города»,

25-26 ноября 2010 года, Москва, кафедра общей теории словесности филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и НОУ ВПО «МИЛ»

Конференция «Полифония большого города» (25-26 ноября 2010 года, Москва, организаторы: кафедра общей теории словесности филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский институт лингвистики») состоялась впервые, продемонстрировав одновременно повышенный интерес к научному междисциплинарному диалогу по заявленной проблематике со стороны представителей различных образовательных и научно-исследовательских учреждений.

Конференция объединила ведущих специалистов-преподавателей, аспирантов и студентов из Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Красноярска, Нижнего Новгорода, Твери. Среди участников – представители Института языкознания РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Тверского государственного университета, Тверского института экологии и права, Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации, МАР-ХИ, Российского государственного гуманитарного университета. Присутствие на круглом столе в качестве основного докладчика г-на **Томаса Коэна** (Thomas Kohn), профессора факультета английского языка Южного университета Нью-Йорка (South University of New York – SUNY, Albany), придало конференции международный статус.

Конференция проходила в два дня. Программа первого дня (25 ноября) включала

официальное открытие и три сессии пленарного заседания в НОУ ВПО «МИЛ». Программа второго дня (26 ноября) предполагала проведение круглого стола «*Читая монумент: “место памяти” в мегаполисе*» и официальное закрытие конференции на филологическом факультете МГУ.

В первый день с приветственным словом к участникам обратились организаторы конференции: доктор филологических наук, профессор (МГУ) **В.В. Красных** и доктор филологических наук, профессор (МИЛ) **А.В. Кирилина**, отметившие актуальность, злободневность и многоаспектность предложенных к обсуждению тем и выразившие горячую заинтересованность в продолжении наметившегося диалога.

А.В. Кирилина и В.В. Красных

В докладе проректора по научной работе НОУ ВПО «МИЛ», доктора филологических наук, профессора **А.В. Кирилиной** «*Теория повседневности как методологический “ресурс” описания мегаполиса*» были проанализированы «демотиваторы», знаковые элементы современной виртуальной среды, представляющие собой поликодовый текст:

Т.Д. Венедиктова

изображение, состоящее из картинка в рамке и комментирующее его сопровождение – текст-пояснение либо текст-противопоставление. В данном языковом конструкте, по мнению автора, могут отображаться гражданская позиция, социальный или индивидуальный портрет создателя «демотиватора», политическая сатира, псевдо-, гипер- или антитолерантность, а также, что немаловажно, особенности функционирования русского языка в свободном виртуальном пространстве, при

Е.С. Гриценко

котором город предстаёт как сочетание глобальных и локальных составляющих.

Доклад проректора по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, доктора филологических наук, профессора **Е.С. Гриценко** «*Молодёжь о языке: лингвистический ландшафт Нижегородского Новгорода*» затронул аспекты «внешней» и «внутренней» толерантности в языке, позволив сформулировать понятие «гипертолерантности» для русского языка. На примере молодежного сленга были выявлены пониженный уровень восприимчивости к иноязычным заимствованиям, повышенная частотность образования новых слов на базе иноязычных заимствований, высокая эмоциональность и экспрессивность речи, наро-

А.А. Залевская

читое пренебрежение языковыми нормами.

В докладе доктора филологических наук, профессора **А.А. Залевской** «*“Живое слово” как основание для взаимопонимания при полифонии естественного и социального окружения*» вниманию участников конференции было предложено определение понятия «живое слово», перечислены

особенности и условия его исследования, целесообразность применения психолингвистической теории слова и портретирования лексики, непереносимое наличие теории и выбора технологии исследования, а также затронуты аспекты разработки теории естественного семиозиса.

Доктор филологических наук, профессор **Е.Ю. Мягкова** в своём докладе «*Человек в полифонии города: взгляд дилетанта*» выявила абстрактность понятия «большой город», многозначность и многоаспектность описательной характеристики «большой», провела параллели между восприятием большого города жителями Курска (курянами) и Твери, а также ознакомила с работами ведущих исследователей языкового пространства указанных городов.

Д.Б. Гудков

В своём докладе «*Маркеры “чуждости” в тексте современного большого города (на примере анекдотов)*» доктор филологических наук, профессор **Д.Б. Гудков** обратил внимание на восприятие «чужого» в умирающем ныне фольклорном жанре этнических анекдотов, перечислив основные маркеры чуждости на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях.

Доктор филологических наук, профессор **В.В. Красных**, формулируя основные положения своего доклада «*Современный большой город как перекрёсток миров (вербальное vs. невербальное, “своё” vs. “чужое”)*», представляет «полифонию» как естественный фон бытования человека,

обращая внимание на следующие особенности: двунаправленные процессы всех видов человеческой деятельности, сжатие времени и пространства, возникновение новых границ и пространств, смешение языковых и культурных доминант, унификация и индивидуализация, взаимопроникновение реальности и виртуальной среды, проблема охраны границ между ними, конфликт и взаимодействие визуального и вербального, символического и наглядного, «своего» и «чужого».

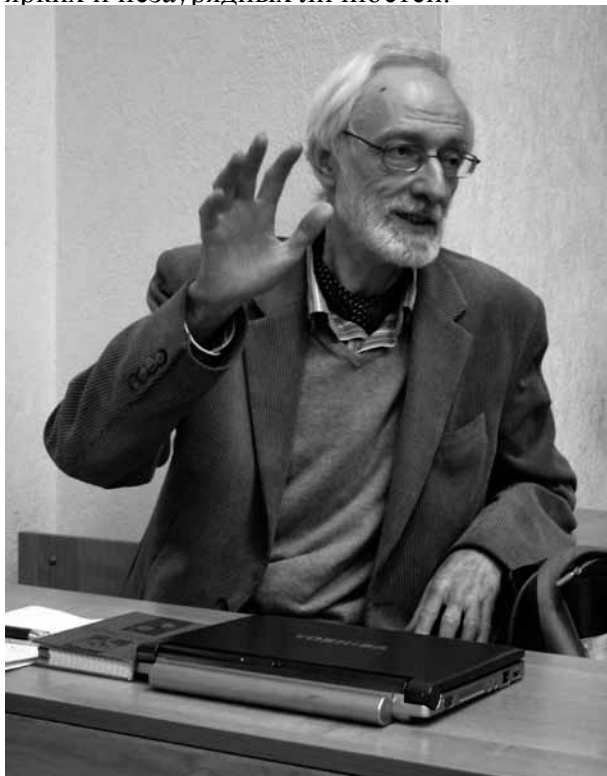
«*Коммуникация в мегаполисе: между анонимным разнообразием и анонимной неопределённостью*» рассматривается доктором филологических наук, профессором **А.Г. Сониным** с позиции увеличения доли пользователей интернета, а также как фактор формирования виртуальной среды, в которой находят своё отражение национальные особенности и виртуальные индивидуальные и коллективные проекции пользователей, и, как следствие, ответное появление знаков сетевой жизни в реальной повседневности.

А.В. Егорова выделила в своём докладе «*Выражение временных модусов в языке большого города*» многоаспектность представления о времени, отметив тенденцию изменения восприятия временных модусов (темпоральной ориентации), обратив внимание на определённую специфику в оценке настоящего, прошедшего и будущего в советский и постсоветский периоды, сформулировав тенденции изменения временной парадигмы с учетом языковой ситуации.

Н.К. Новикова обратилась к историко-литературному материалу, поставив акцент в докладе «*Столица Британской империи глазами испанских изгнанников в 20-е гг. XIX века*» на восприятии эмигрантами окружающей действительности, отражаемой и отраженной в письменной форме, содержащей образ города без отрицательных черт, некую идеализацию Лондона, аккумулирующей в себе представления о стиле жизни и эпохе через призму «чужого», являющей

собой создание образа «столицы свободной нации», смешение понятий «свобода» и «экономическое преуспевание».

Доклад кандидата филологических наук, доцента **С.А. Ромашко** «*Беньямин и Брехт – два городских следопыта*» на примере жизни двух городских жителей проследил общее и различное в судьбе представителей одного поколения, ассимилировавшихся и не ассимилировавшихся в городской среде ярких и незаурядных личностей.

С.А. Ромашко

В своём большинстве доклады, представленные на сессиях пленарного заседания, вызвали оживлённые дискуссии среди участников конференции как в ходе высту-

плений докладчиков, так и в кулуарах. В конце первого дня были высказаны пожелания о дальнейшем формировании среды единомышленников путём организации и проведения подобных конференций в будущем на регулярной основе.

Второй день конференции ознаменовался проведением круглого стола с участием приглашённых докладчиков: профессора факультета английского языка Южного университета Нью-Йорка **Томаса Коэна** и кандидата культурологии, доцента кафедры теории и истории культуры РГГУ **С.А. Еремеевой**. Роль ведущей была возложена на завкафедрой общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова **Т.Д. Венедиктову**.

На круглом столе обсуждались вопросы, связанные с взаимодействием слова и образа, с формированием коллективной памяти и публичного (общего) пространства в мегаполисе. В фокусе внимания участников оказались памятники: знаковые монументы и традиционные архитектурных формы, их место в «тексте» города и, в первую очередь, «большого» города (Нью-Йорка, Москвы, Екатеринбурга). Их символическое значение в статике и динамике, их формирующиеся, сохраняющиеся и изменяющиеся смыслы. Активная дискуссия разгорелась в ходе обсуждения апеллирующих к архитектурным памятникам в фотоискусстве и кинематографе (например, в фильмах А. Хичкока), роли и функции памятников в жизни современного человека и в современной культуре.

И.В. Шишканов

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВО – ЯЗЫК – КУЛЬТУРА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В XXI ВЕКЕ».
МОСКВА, МИЛ, 2 ДЕКАБРЯ 2010

В очередной – пятый – раз в Московском институте лингвистики прошла ежегодная международная научно-практическая конференция «Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке».

В работе конференции приняли участие ведущие специалисты России и Украины. Обширна география конференции: Москва, Киев, Волгоград, Елец, Житомир, Пермь, Тамбов, Тверь, Щёлково, Электросталь. Конференция собрала представителей из 30 вузов, среди них: МГУ, МГЛУ, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, МГПУ, РУДН, ГОУ ВПО «Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации», Волгоградский государственный университет, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Житомирский государственный педагогический университет им. И. Франко, Ивановский государственный энергетический университет, ИИЯ Волгоградский государственный педагогический университет, Институт гуманитарного образования и информационных технологий, Институт языкознания РАН, Институт экономики РАН, Институт туризма и гостеприимства, МГИИТ им. Ю.А. Сенкевича, Московский государственный университет путей сообщения, Московский гуманитарный университет, НИЯУ МИФИ, МГРУ, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Новый гуманитарный институт (г. Электросталь), Пермский государственный университет, Поволжская академия государственной службы, РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, РГСУ, Российская академия правосудия, Российский государственный университет туризма и сервиса, Тамбовский государственный университет им. Г.Р.

Державина, Тамбовский государственный технический университет, Тверской государственный университет, Denis School (г. Щёлково), ГОУ ЦО № 1272.

Открыл международную конференцию ректор НОУ ВПО «МИЛ», кандидат политических наук **Л.М. Терентий**. С докладами на пленарном заседании выступили представитель Германской службы академических обменов (DAAD) г-н **Штефан Шютц**, Президент Российского союза германистов, доктор филологических наук, профессор **Н.С. Бабенко**, директор Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук, профессор **О.А. Радченко** и проректор по научной работе НОУ ВПО «МИЛ», доктор филологических наук, профессор **А.В. Кирилина**.

Г-н **Штефан Шютц** обратил внимание собравшихся на ежегодные мероприятия, проводимые Германской службой академических обменов в области координации научных и педагогических инициатив по германистике и поддержке изучения немецкого языка как иностранного, а также издание ежегодного альманаха «Das Wort».

Штефан Шютц (Stefen Shutz)

Н.С. Бабенко в докладе *«Категория косвенности как феномен грамматического строя современного немецкого языка»* затронула некоторые аспекты специфики косвенной речи и способов ее оформления, провела краткий анализ синтаксических немецкоязычных шаблонов и их соответствий в русском языке, коснулась вопросов сохранения конъюнктива в письменной коммуникации средств массовой информации и в разговорной речи, особо выделив нюансы перевода синтаксических конструкций на русский язык и проведя необходимые сопоставления с русским медийным ресурсом. Особое внимание было обращено на отсутствие формирования навыков употребления косвенной речи при изучении иностранного языка в школе и, как следствие, восприятие конъюнктива в языковом сознании как избыточной формы и «грамматической ловушки».

Н.С. Бабенко

Доклад **О.А. Радченко** *«Переход к двухуровневой системе лингвистического образования и проблема качества обучения»* подробно описывал результаты шестилетнего эксперимента, проводимого в Московском городском педагогическом университете по

О.А. Радченко

переходу на двухуровневую систему образования. Докладчик осветил вопросы технологии индивидуальной траектории обучения и составления технологических учебных карт, свободы выбора предметов, создания института тьюторов, отношения к самостоятельной работе, использования дистанционных форм обучения, введения балльно-рейтинговой системы оценки знаний. В качестве основных проблем были указаны изменения в оценке работы научного руководства и преподавателей, отсутствие системы нормативных документов и, как следствие, необходимость кооперации вузов для решения поставленных задач.

А.В. Кирилина в докладе *«Концепции повседневности: выявление глобального и локального в языке современного мегаполиса»* указала на взаимосвязь тенденций развития русского языка и глобализации. Был поднят вопрос о необходимости дополнить традиционные методы исследования новыми, отражающими ускорившуюся динамику языковых изменений под влиянием смены технологий и виртуализации общества.

Докладчица отметила перспективность постоянного мониторинга языковых изменений, позволяющего зафиксировать новые тенденции и их особенности.

На конференции работало пять секций: «Теория и практика перевода. Проблемы лингводидактики»; «Коммуникация, культура и межкультурные контакты»; «Теория языка»; «Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания и образования в XXI веке. Туризм, социально-культурный сервис, менеджмент как факторы перемен в межкультурной коммуникации»; «Проблемы текста и дискурса».

А.Я. Багрова открыла заседание первой секции докладом «*Ролевые игры в обучении иностранному языку*», в котором коснулась вопросов определения, методики и классификации учебных игр, технологии и аспектов активации учебного процесса. В своей работе «*Специфика перевода многокомпонентных военных терминов*» **Ю.Ю. Дуброва** исследовала препозитивные атрибутивные словосочетания, образуемые при помощи соположения ряда имён существительных. **А.Б. Зайцев** затронул в ходе выступления одну из наиболее злободневных проблем современного учебного процесса: «*Изучение лексики как аспект подготовки переводчика: некоторые трудности*», особо отметив недостаточное усвоение и неадекватное употребление студентами числительных, междометий и антропонимов. **О.О. Куреня**, обращаясь к теме «*Проблемы национальных вариантов языка при преподавании теории и практики иностранных языков*», проанализировала влияние языковых и экстралингвистических факторов на национальные варианты языка, представляющие собой модификацию инварианта языковой системы. **Н.И. Миронова** подняла вопрос «*О принципах построения электронного учебника*», сфокусировав внимание на актуальности и проблематике выборки основных принципов построения электронного учебника в целом, на структурировании содержательного материала с учетом знаний о специфике категоризации при составле-

нии, в частности, учебных пособий по русскому языку для старшеклассников. «*Педагогический и методический аспекты курса “Практика работы с текстом”*» были изложены **Е.Н. Овчинниковой**, кратко остановившейся на формировании и развитии стратегий полного, глубокого и точного понимания аутентичных иностранных текстов и умения создавать собственные тексты. **Н.С. Рыжук** представила работу «*Системы автоматизации перевода как важный компонент программы обучения переводу в высшей школе*», указав на многоаспектность специфики специализированных программных продуктов автоматизированного перевода, например, преподаваемого в НОУ ВПО «МИЛ» курса «SDL Trados». **Н.С. Трухановская**, описывая «*Метонимические основания структурно-семантических преобразований при переводе*», затронула аспекты структурно-семантических расхождений между средствами репрезентации одной и той же ситуации в разных языках. Доклад **И.В. Шишканова** «*Второй выпуск Студенческих научных тетрадей НОУ ВПО “МИЛ” как один из аспектов развития СНО*» был посвящён основным аспектам развития студенческого научного общества на примере публикаций научно-исследовательских и аналитических работ.

«*Особенности формирования структуры значения слова в сознании изучающих*

И.В. Шишканов

иностранный язык» **Н.В. Черновой** были проиллюстрированы результатами экспериментального исследования, проведенного на базе анализа употребления частотных английских слов студентами старших курсов языкового факультета. **Н.Г. Чернова** ознакомила участников конференции с целями производственной практики в НОУ ВПО «МИЛ» и ведущими профильными компаниями, сотрудничающими с институтом, а также формами контроля и учета получаемых студентами знаний. Её доклад «*Роль производственной практики в повышении качества подготовки переводчиков. Новые технологии в помощь студенту-практиканту*» завершил работу секции.

В докладе «*Интернациональные лексемы как часть политической лексики*» **А.И. Едличко** затрагивались вопросы интернационализации политического словаря как одного из основных признаков конвергентного взаимодействия языков. Выступление **Т.Н. Ефименко** «*Взаимодействие языковых сознаний в межкультурной коммуникации*» было направлено на необходимость развития диалога культур в широком контексте и всестороннее исследование основных детерминант картины мира личности как носителя определенной лингво- и этнокультуры, в частности. Целью работы **Е.А. Каргушиной** «*Гендерная метафора в языке СМИ (на материале английского и русского языков)*» было проанализировать базовые концептуальные метафоры среди языковых сочетаний, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных и русскоязычных средств массовой информации. **Е.М. Масленникова** рассматривала «*Фоновые знания и смыслообразующие контексты культуры*» с точки зрения анализа художественного текста с неточным или ложным прочтением реалий и некорректной реализацией в ситуации поликультурного диалога. Исследование **О.А. Радченко** «*Миноритарный дискурс как объект гендерных исследований*» проводилось на корпусе многочисленных литературных произведений. **Е.Г. Свинчукова** в докладе «*Человек*

«умный» и человек «разумный»: представление о человеке в России и Казахстане» проследила основные характеристики, приписываемые человеку в двух культурах на основе толковых словарей и свободных ассоциативных экспериментов. Сообщение **Е.А. Петруниной** «*Идиоматичность английских провербиальных единиц с компонентом-фитонимом*» было посвящено комплексному системно-функциональному исследованию идиоматичности провербиальных единиц с компонентом-фитонимом на материале сравнительно-сопоставительного исследования пословичного микротекста английского и русского языков.

А.Г. Сонин

А.Г. Сонин сформулировал в своём выступлении «*Теоретические основы поликодовых текстов*» основные критерии для классификации текстов, включающих компоненты разной семиотической природы (слово, изображение и т.д.), обратив при этом особое внимание на необходимость изучения текстов, содержащих знаковые системы одной перцептивной модальности. **Н.А. Гунина** предложила вниманию участников конференции доклад «*От Витгенштейна к*

Тернеру и Фоконье: о когнитивном подходе к изучению полисемии», в котором затронула вопрос о механизмах создания новых значений слов в рамках теории концептуальной интеграции. **Л.С. Жукова** исследовала «Языковой пуризм в современной Англии» с точки зрения экспликации в семиотике поступков участников дискурса этнокультурных доминант, отмечая, что «функция языкового пуризма заключается в сохранении целостности этнического сознания, где образ языка встраивается в парадигму образов сознания народа как средство самоидентификации на этнокультурном и на личностном уровне». «Типология анафорических конструкций в блогах» **О.А. Олохтоновой** представляет собой попытку классифицировать случаи употребления анафоры в сетевых дневниках. **М.А. Сазонова** обратилась в своей работе «*Verba lucendi в современном английском, французском, немецком и русском языках. Опыт сопоставительного анализа*» к специфике отображения абстрактных понятий в сознании представителей различных культур. **Г.К. Шаповалова** завершила работу секции докладом «Языковые особенности твердых стихотворных форм (на примере немецкого сонета)», обратившись к одной из наиболее древних и сложных форм стихосложения в мировой поэзии.

В четвёртой секции **М.В. Арифиллин** и **Л.С. Морозова** изложили «Тенденции развития транснациональных гостиничных цепей (ТГЦ) в эпоху глобализации» на примере зарубежного (американского) и отечественного опыта ведения гостиничного хозяйства. **В.В. Климачев** затронул «Проблемы и перспективы формирования международного финансового центра в России», посвятив своё выступление анализу тенденций и закономерностей развития мировой экономики и региональных интеграционных процессов на пространстве СНГ.

В соавторстве с **Н.В. Любимовой** докладчиком была заявлена вторая работа: «Концентрация капиталов как фактор развития туристской индустрии в начале XXI века», посвященная горизонтальной и вертикаль-

В.В. Климачев

ной интеграции капитала на примере транснационального концерна TUI. Анализируя процессы формирования и распределения финансовых ресурсов, **А.Б. Конышев** наметил «Пути и способы повышения финансовой устойчивости предприятия в современных условиях». **О.В. Медникова**, **М.А. Третьякова** и **С.В. Ястребов** рассмотрели «Влияние факторов рисков на современную студенческую молодежь». Доклад осветил значительный арсенал методов и средств, решающих задачи улучшения качества медицинского обслуживания студентов с использованием современных информационных технологий. **Н.В. Морозова** выделила «Проблемы разработки систем управленческого контроля и стратегического планирования в транснациональной корпорации», обратившись к вопросам систематизации и стандартизации правил подготовки внутренней отчетности. В завершающем выступлении секции выступлении **И.С. Самохина** «Изоляционностимулирующий вариант развития общества» поднимался дискуссионный вопрос о «присутствии или отсутствии у человека свободы воли (свободы выбора)» вне рамок традиционного метафизического подхода.

Доклад **Л.А. Борботько** «Понятия “ме-

татекст”, “паратекст”, “сверхтекст” и “интертекст” в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы» был посвящен исследованию драматического текста с позиции когнитивной лингвистики. **С.Г. Иняшкин**, обративший внимание на «Дискурсивные особенности научной фантастики А. Азимова», проанализировал содержательную сторону романов с точки зрения непосредственно реализованных в тексте особых концептуальных полей. «Особенности поликодовых малоформатных текстов карикатуры в современных англоязычных изданиях» были рассмотрены **О.А. Кустовой** в рамках соотнесения вербальной и визуальной составляющих карикатуры как малого жанра. **О.С. Леонова** сопоставила в своём докладе «Типы текстов, представляющих автомобили в печатных СМИ в русско- и немецкоговорящей среде», выделив такие формы текста, как статья-обзор, статья-сравнение и текст-таблица. **М.Н. Николаева** выступила с докладом «Диалогичность как один из способов реализации адресатоцентризма туристического рекламного текста». Цель работы состояла в изучении лингвистических способов проявления диалогичности на материале русского и английского языков. **Е.В. Никонова** сделала доклад на тему «Особенности и способы формирования имиджа автора немецкоязычных текстов жанра «экономический комментарий». Обращаясь к комплексному лингвокультурному анализу текстов английских драматургических произведений, **Н.Ю. Петрова** выделила «Когерентность как связующее смысловое звено в текстах пьес». «Символическое значение слова в мире персидской поэзии и “персидских стихотворениях” Н.С. Гумилева» было рассмотрено **С.В. Пушкаревой** на примере культуронима Персии в гумилевской поэтической географии. **Е.Ю. Раскина** продолжила заявленную тему, отметив в своём докладе «Литературное творчество Н.С. Гумилева в контексте межкультурной коммуникации» значимость «сакральной географии» или «философии географии» поэта. В свою очередь, **Е.А.**

Рожнова исследовала «Понятие вовлеченности в поэзии У. Уитмена и в прагматической социологии Л. Тевено и Л. Болтански: через личное к общему», сопоставляя формы совместного действия и общежития, способности людей дружить и любить, критиковать и принимать совместные решения. Доклад **В.М. Хаимовой** «Функции метафоры в лирической поэме М. Цветаевой» был посвящен значимости метафоры в творчестве поэта. В нем содержался анализ моделирующей функции метафоры в художественном мире лирической поэмы М. Цветаевой.

В.М. Хаимова

Е.С. Шевякина завершила заседание секции докладом «Дневник Марии Башкирцевой в романе Хосе Асунсиона Сильвы “Вечеря”: проблема рецепции (к вопросу о семиотических кодах в поэтике раннего латиноамериканского модернизма)», обратившись к жанру «дневника молодой женщины», «перерастающего в автобиографический роман о судьбах творческой интеллигенции».

По материалам конференции издан сборник тезисов.

В ходе подведения итогов было высказано пожелание расширить рамки существующей конференции проведением постоянно действующего семинара по германистике в стенах НОУ ВПО «МИЛ».

Материалы конференции размещены на сайте вуза, к публикации готовится сборник докладов.

И.В. Шишканов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бозин Валерий Павлович, кандидат экономических наук, доцент, e-mail: bozin@inbox.ru

Бомбин Владимир Константинович, Московский институт экономики, менеджмента и права, аспирант, научный руководитель – В.П. Бозин, e-mail: bozin@inbox.ru

Ветров Павел Павлович, заместитель директора Института Конфуция при РГГУ.

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Казахстан, г. Чимкент, кафедра русского языка Международного Казахско-турецкого университета им. Ясави, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, e-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

Климачев Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, управления и информационных технологий, декан факультета международного менеджмента НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», e-mail: klimachev_vad@mail.ru

Коттхофф Хельга, профессор Фрайбургского университета (ФРГ).

Курилович Юлия Анатольевна, аспирантка МГЛУ, научный руководитель – д-р.филол.н., профессор Н.В. Уфимцева, e-mail: julia.kurilovich@mail.ru

Медведева Ксения, Международный Казахско-турецкий университет им. Ясави, филологический факультет, специальность «Русский язык и литература», научный руководитель – д-р.филол.н., профессор Н.В. Дмитрюк, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

Нарожная Валентина Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор, Международный Казахско-турецкий университет им. Ясави, филологический факультет, e-mail: vdn_ru@mail.ru

Полякова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка ГУ ВШЭ, e-mail: tatpolyakova@list.ru

Раскина Елена Юрьевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой общегуманитарных и социальных дисциплин Московского института лингвистики.

Садыкова Лабар, Международный казахско-турецкий университет им. Ясави, научный руководитель – д-р.филол.н., профессор В.Д. Нарожная, e-mail: vdn_ru@mail.ru

Сазанов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского института лингвистики, e-mail: asazanov@umail.ru

Свинчукова Елена Геннадьевна, аспирантка сектора психолингвистики Института языкознания РАН, научный руководитель – д-р.филол.н., профессор Н.В. Уфимцева, e-mail: elena-neutral2@rambler.ru

Терентий Ливиу Михайлович, ректор МИЛ, кандидат политических наук, e-mail: info@inyaz-mil.ru

Хаимова Виолетта Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Московского института лингвистики, e-mail: vm@inyaz-mil.ru

Шишканов Илья Викторович, кандидат филологических наук, доцент Московского института лингвистики, e-mail: eliassh@mail.ru

Юсупова Саёра, Международный Казахско-турецкий университет им. Ясави, филологический факультет, специальность «Русский язык и литература», научный руководитель – д-р.филол.н., профессор Н.В. Дмитрюк, e-mail: nvdmitr@yandex.ru

---

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МИЛ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: akirilina@inyaz-mil.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в Вестнике.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- название вуза полностью и города (курсивом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;
- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);
- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;
- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 14. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 20000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации не принима-

ются. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).